

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

**ВЕЛИКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

О ДНЕ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

*Постановление Центрального Исполнительного
Комитета СССР*

НА ОСНОВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО
VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ И СТ. 72 „ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫБО-
РАХ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР“ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ
ДНЯ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР НЕ ПОЗДНЕЕ
ЧЕМ ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО СРОКА ВЫБОРОВ И В НЕРА-
БОЧИЙ ДЕНЬ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КО-
МИТЕТ СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. НАЗНАЧИТЬ ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР
НА 12 ДЕКАБРЯ 1937 ГОДА.

2. ОБЪЯВИТЬ НАЧАЛО ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ
ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР С 12 ОКТЯБРЯ
1937 ГОДА.

Председатель Центрального Исполнительного
Комитета СССР М. КАЛИНИН.

За Секретаря Центрального Исполнительного
Комитета СССР
Член Президиума ЦИК СССР А. АНДРЕЕВ.

Москва, Кремль. 11 октября 1937 г.

Об утверждении состава Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР

На основании ст.ст. 34 и 35 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет утвердить Центральную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР в составе следующих представителей общественных организаций и обществ трудящихся:

Председатель Центральной избирательной комиссии МОСКАТОВ Петр Георгиевич — от Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов.

Заместитель председателя Центральной избирательной комиссии ШМИДТ Отто Юльевич — от Профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений.

Секретарь Центральной избирательной комиссии МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович — от Профессионального союза работников политико-просветительных учреждений.

Члены Центральной избирательной комиссии:

ХРУЩЕВ Никита Сергеевич — от Московской коммунистической организации, ~~УГАРОВ~~

~~ЛЕНИНГРАДСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ~~ Ленинградской коммунистической организации,

МЕХЛИС Лев Захарович — от коллектива работников газеты «Правда»,

ШОЛОХОВ Михаил Александрович — от Союза советских писателей, ~~КОСЕДОВ~~

~~ВЕСЕЛОВ~~ — от Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи,

~~БЕРШИН~~ ~~БЕРШИН~~ от Центрального Совета общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР (Осоавиахим),

ШАПОВАЛОВА Татьяна Петровна — от колхозников колхоза «Большевик», Воронежской области,

КОЛЕСНИК Николай Филиппович — от рабочих, служащих и инженеров Харьковского тракторного завода,

СИМОНЖЕНКОВА Матрена Кузминична — от рабочих, служащих и инженеров фабрики им. «Октябрьской Революции»,

ШАПОВАЛОВ Евдоким Илларионович — от колхозников колхоза «Новый Мир», Краснодарского края,

ЕВТУШЕНКО Дмитрий Матвеевич — от Киевской коммунистической организации,

ЮСУПОВ Усман — от Узбекской коммунистической организации.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР
М. КАЛИНИН.

За Секретаря Центрального Исполнительного Комитета СССР

Член Президиума ЦИК СССР
А. АНДРЕЕВ.

НОЯБРЬ 11
1937 г.

Редакция:

Москва, Пушкинская, д. 15а

А. ВЫШИНСКИЙ

Двадцать лет советского государства

Наступают знаменательные дни двадцатилетней годовщины Великой пролетарской социалистической революции, утвердившей на одной шестой части земного шара власть труда, власть рабочих и крестьян, под руководством партии большевиков во главе с Лениным и Сталиным победивших помещиков и капиталистов и построивших новое социалистическое государство.

Впервые в истории человечества эксплуататорские и угнетенные классы свергли навсегда власть эксплуататоров. Вся власть перешла в руки рабочего класса. В этот исторический день Ленин, выступая на пленуме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, сказал:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»¹.

В этих словах Ленина, гениального организатора и руководителя Великой пролетарской социалистической революции, величайшего из организателей коммунизма, продолжателя дела Маркса—Энгельса, заключалась целая программа революционной борьбы рабочего класса, ставившего в последний и решительный бой капиталистический мир за свое окончательное освобождение.

Все последующее развитие пролетарской революции состояло в осуществлении этой про-

граммы, ведущей к решению основной задачи — построению бесклассового социалистического общества, построению коммунизма.

В марте 1918 г. Ленин подвел итоги первых месяцев существования советской власти, указав, что она прошла победным, триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны, подняла к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся.

«Мы ввели и упрочили, — писал Ленин в своей статье «Главная задача наших дней», — Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран»¹.

Все двадцать лет великой нашей социалистической революции наполнены борьбой за дальнейшее упрочение Октябрьской победы.

Все двадцать лет этой исторической эпохи наполнены беспощадной борьбой пролетариата с врагами социализма всех и всевозможных мастей — от монархистов до меньшевиков, эсеров, троцкистов, правых, вредителей, диверсантов, шпионов иностранных разведок, хулиганов, бандитов, спекулянтов, дезорганизаторов нашего народного хозяйства, воров, расхитителей и т. п. элементов.

Эта борьба шла и продолжает идти еще и сейчас против всех и всяческих попыток помешать успехам революции, задержать ее победоносное наступление, расстроить ряды социалистической армии, помешать укреплению нового социалистического строя и социалисти-

Ленин, т. XXII, стр. 4.

¹ Ленин, том XXII, стр. 375—376.

ческого правопорядка, нового общественного уклада, построенного на социалистических началах, на основе общественной, социалистической собственности.

Великая пролетарская революция с первых дней своего возникновения встретила против себя объединенный фронт врагов социализма, единый фронт лютый капиталистической ненависти, подлой измены пресмыкающихся перед империализмом меньшевистско-троцкистско-бухаринских предателей, белогвардейских террористов, насмников иностранного капитала и иностранных разведок.

Не раз враги наши, умело прикрывавшие свое безобразное лицо маской «друзей» социализма, готовили советской власти и молодому советскому государству коварный, предательский удар в спину, снюхиваясь с империалистами, балансируя между прямой изменой и подлым, непроходимо безмозглым политическим авантюризмом.

Мудрейшая, подлинно большевистская линия нашей родной коммунистической партии под испытанным руководством гениев пролетарской революции Ленина и Сталина неуклонно и неизменно торжествовала над нашими врагами.

Ленин и Сталин гениальным взором подлинных пролетарских вождей всегда и полностью вскрывали злые козни и подлые происки врагов советов, всегда и безошибочно разоблачали самые искусные и тонкие планы вражеского лагеря, беспощадно расстраивали вражеские замыслы, победоносно вели народные массы от одной победы к другой.

Великие, гигантские трудности стояли перед нашим народом на пути его героической борьбы за свое освобождение. Не раз эти трудности порождали в сердцах некоторых колебания и сомнения в правильности избранного нашей партией пути. Но и эти сомнения и колебания наши великие вожди — Ленин и Сталин безжалостно и сокрушительно разоблачали, клеймили пытников и малOVERов, беспощадно и гневно клеймили их как ренегатов, как штрейкбрехеров революции, как изменников. Ленин и Сталин, разоблачая этих штрейкбрехеров и изменников, поднимали сознание масс на новую высоту, мобилизуя их политическую бдительность, сплачивая их вокруг единственно правильной и единственно последовательной генеральной линии большевистской партии, выводя революцию из-под ударов предателей, укрепляя и закаляя силы пролетарской революции для новой борьбы и новых побед социализма.

Мы помним измену впоследствии открыто перешедших в стан врагов социализма и дела рабочего класса Зиновьева и Каменева, штрейкбрехерами выступивших в октябре 1917 г. против вооруженного восстания, против ленинско-сталинского плана свержения власти буржуазии.

По поводу этой измены Зиновьева и Каменева Ленин тогда же, в октябре 1917 г., писал: «По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое «видных большевиков» в непартийной печати и при том именно в такой газете, которая по данному вопросу идет об руку с буржуазией против рабочей партии, в такой газете нападают на неопубликованное решение центра партии! Да ведь это в тысячу раз подлее и в миллион

раз вреднее всех тех выступлений, хотя бы Плеханова в непартийной печати в 1906—1907 гг., которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шло дело только о выборах, а теперь идет дело о воостании для завоевания власти! И по такому вопросу, после принятия центрального решения, оспаривать это неопубликованное решение перед Родзянками и Керенскими, в газете непартийной — можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?»¹

В свете позднейших преступлений Зиновьева и Каменева, докатившихся до превращения в агентов фашистских разведок, до убийств товарища С. М. Кирова, до организаторов по указке гестапо и его обер-агента врага народа Л. Троцкого террористическо-диверсионного заговора против руководителей коммунистической партии и советского правительства заговора против всего советского народа, октябрьское штрейкбрехерство приобретает значение начала измены, на путь которой стали эти предатели уже двадцать лет тому назад, измены, которая определяла, как это теперь совершенно очевидно, целый ряд их позорных преступлений против рабочего класса, но которую они искусно маскировали своим двурушниством, коварством и почти беспримерным в истории обманом. Изменники были разоблачены. Партия теснее сплотила свои ряды вокруг Ленина и Сталина, еще настойчивее готовясь к решительным битвам, несмотря на все трудности момента. Тогда, двадцать лет тому назад, перед нашей партией и молодой советской республикой стояло немало трудностей. Эти трудности усугублялись изменой и предательством каменевых и зиновьевых. Об этих трудностях Ленин писал:

«Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена». И Ленин добавлял: «И все же такая задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!»²

И пролетариат победил. Октябрьское восстание 1917 г. завершилось беспрецедентной в истории человечества победой рабочих и крестьян, победой, начавшей новую эру в жизни трудящихся и угнетенных народов всего мира!.. Эта победа имела всемирно-историческое значение, предопределившее весь дальнейший ход мировых событий. С первых дней своего существования Октябрьская социалистическая революция приобрела международное значение. Мировое значение Октябрьской революции, как об этом писал товарищ Сталин в 1924 г., состоит «...не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания»³.

Перед пролетариатом, захватившим власть своими руками, стояла величайшая историческая задача — уничтожить всякую эксплуатацию

¹ Ленин, т. XXI, стр. 350—351.

² Там же, стр. 352.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 101.

насилие, уничтожить классы, создать новое общество, без классов и без государства. Но для этого прежде всего надо было защититься от попыток старого мира вернуть силой старый порядок, надо было быть готовым сломить сопротивление старого мира. Весь исторический опыт говорит о том, что отживающие классы не уходят добровольно.

История говорит, что даже разгромленные эксплуататорские классы отчаянно сопротивляются наступлению нового строя и новых общественных порядков.

Тысячи и тысячи усилий нужно употребить трудящимся, чтобы сломить это сопротивление, чтобы укрепить новый общественный строй.

Октябрьскую победу международный империализм встретил со скрежетом зубным, со злобой и ненавистью к пролетариату, возросшими в тысячи крат. Все силы старого мира объединились для борьбы против Советов.

В конце февраля 1918 г. Ленин писал: «До сих пор перед нами стояли мизерные, презренные-жалкие (с точки зрения всемирного империализма) враги, какой-то идиот Романов, хвастунишка Керенский, банды юнкеров и буржуйчиков. Теперь против нас поднялся гигант культурного, технического первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма. С ним надо бороться. С ним надо уметь бороться»¹.

Вся последующая история гражданской войны показала и доказала, что советское государство полностью усвоило и осуществило это указание Ленина: «С ним надо бороться, с ним надо уметь бороться».

Советское государство под руководством коммунистической партии возглавило эту борьбу трудящихся масс, вооружило их правильной, победоносной тактикой, вооружило их современной техникой. Рабочие и крестьяне нашей страны доказали своими победами, что они умеют бороться, умеют побеждать в борьбе.

Они доказали, что никакие измены и никакое предательство не в состоянии помешать этим победам или в какой-либо мере ослабить значение этих побед.

Такова сила героизма, энтузиазма, доблести народных масс, таково искусство и мастерство руководства большевистской партии, закаленной в классовых боях, воспитанной и руководимой гениальными стратегами пролетарской революции — Лениным и Сталиным.

Советское государство крепло и мужало в непрестанной борьбе с классовыми врагами пролетариата, в борьбе со всеми антисоветскими силами, прибегавшими в этой борьбе к самым зверским и чудовищным средствам, методам и формам сопротивления.

Советское государство неуклонно развивало свои силы и свою мощь вопреки сопротивлению врагов, с одной стороны, и вопреки лжи и истерическим предсказаниям якобы неизбежности гибели советской власти, с другой.

Двадцать лет тому назад пятаковы, бухарины и радеки, завершившие теперь круг своих предательств переходом на службу германо-японской разведки, в одну из тяжелых

годин советской власти искали выхода из трудностей в чудовищном плане ликвидации советской власти.

Под прикрытием лживых фраз об интересах международной революции эти вахмистры фашистской полиции уже в феврале 1918 г. осмелились выступить с позорным тезисом о целесообразности «утраты советской власти». Свою измену эти господа пытались прикрыть клеветой на советскую власть, которая якобы стала «формальной», то есть якобы потеряла свое подлинное существование как власть рабочего класса, как государственная форма диктатуры пролетариата. Крича для прикрытия своей измены о беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России, эти господа подготавливали капитуляцию советской власти, не останавливаясь даже перед чудовищным планом ареста В. И. Ленина, захвата в свои руки Совета народных комиссаров и назначения презренного предателя, превратившегося в злейшего пса фашизма, Ю. Пятакова — председателем Совнаркома!..

Пятаковы, бухарины, радеки и К° отлично понимали, что советская власть — могучая опора коммунистического движения во всем мире, что утрата советской власти — страшнейший, роковой удар по всему международному пролетарскому коммунистическому движению, что «... большего удара для дела социализма теперь, чем крушение Советской власти в России, нет и не может быть»¹, и они шли на этот чудовищный предательский шаг.

Спустя почти 20 лет после своего позорного выступления с предложением об «утрате» советской власти, эти люди оказались разоблаченными как прямые изменники родине, — они оказались штатными агентами иностранных разведок, завербованными германским генеральным штабом, купленными на деньги германской полиции, не удовлетворяющейся, как известно, одной болтовней политических сутенеров, но требующей настоящего дела: убийств, взрывов, крушений поездов, поджогов фабрик и заводов, отравлений красноармейцев, рабочих и колхозников, организованного шпионажа, словом, реальной помощи в войне против СССР.

Судебные процессы антисоветского параллельного центра, троцкистского террористического центра, банды изменников — Тухачевского, Якира и др., ряд судебных, гласных процессов право-троцкистских групп в отдельных краях и областях СССР, прошедшие за последнее время, показали, что бухаринско-троцкистские отщепенцы являются бандой разбойников с большой дороги, готовых на любое, самое чудовищное преступление.

Эти процессы вместе с тем показали, что это превращение в банду разбойников людей, когда-то претендовавших на представительство каких-то политических взглядов, когда-то выступавших с какой-то политической программой и старавшихся изобразить из себя некое политическое течение в рабочем классе, является неизбежным завершением того пути, на который эти люди встали уже в самом начале пролетарской революции.

Эти господа на заре пролетарской революции начали с «сомнений и колебаний», с

¹ Ленин, т. XXII, стр. 292.

¹ Ленин, т. XXII, стр. 296.

штрейкбрехерства, с готовности пожертвовать советской властью во имя якобы «интересов международной революции», и кончили черной изменой, какой не знал еще мир, перед чу девятидесятью которой бледнеют имена Иуды Искаротиота и Азефа. Эти господа кончили так, как неизбежно должен кончить всякий, кто становится на путь борьбы против нашей партии, против дела рабочего класса, против социализма.

***

Двадцать лет советского государства — двадцать лет героической борьбы за социализм. За эти годы немало тяжелых невзгод и серьезнейших испытаний выпало на долю молодого пролетарского государства.

Советское государство с честью вышло из этих испытаний. Оно справилось со всеми своими врагами. Оно отбило многолетние атаки озверелых империалистов, огнем и мечом пытавшихся задушить молодую советскую республику. Оно разгромило и полчища интервентов и полчища помещичье-генеральской, буржуазной «отечественной» контрреволюции.

Из огня гражданской войны республика советов вышла невредимой, возмужавшей и окрепшей, преисполненной гигантских творческих сил.

Быстро и без остатка она сумела залечить раны гражданской войны, восстановить народное хозяйство и семимильными шагами двинуться дальше, вперед, «догонять и перегонять» самые передовые в техническом и экономическом отношении капиталистические страны.

На основе великих Сталинских пятилеток рабочие и крестьяне великой страны одержали блестящие победы, в корне преобразившие весь облик СССР.

Об этом говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов, характеризуя происшедшие за последние 12 лет изменения. Товарищ Сталин сказал: «Класс помещиков, как известно, был уже ликвидирован в результате победоносного окончания гражданской войны. Что касается других эксплуататорских классов, то они разделили судьбу класса помещиков. Не стало класса капиталистов в области промышленности. Не стало класса кулаков в области сельского хозяйства. Не стало купцов и спекулянтов в области товарооборота. Все эксплуататорские классы оказались, таким образом, ликвидированными.

Остался рабочий класс.

Остался класс крестьян.

Осталась интеллигенция»¹.

Но за двадцать лет диктатуры пролетариата и в особенности за годы Сталинских пятилеток эти два основных класса советского общества и наша интеллигенция претерпели огромные изменения. Положение рабочих и крестьян нашей страны ничего общего не имеет с положением рабочего класса и крестьянства в капиталистическом обществе, где они являются классами эксплуатируемыми, политически бесправными, обреченными на нужду, безработицу, полуголодное существование.

«Пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хо-

зяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий советское общество по пути коммунизма...

Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством... Наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство... Наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. оно базируется свою работу и свое достоинство не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда»².

Товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов указал, что и интеллигенция СССР изменилась как по своему составу, так и по характеру своей деятельности.

«Наша советская интеллигенция это — совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством»³.

Теперь интеллигенция служит народу и вместе с рабочими и крестьянами строит новое, бесклассовое социалистическое общество.

Эти величайшие изменения в экономике и социальной структуре страны нашли свое яркое отражение в новой Сталинской Конституции, утвержденной историческим Чрезвычайным VIII всесоюзным съездом советов СССР.

Конституция СССР определяет формы общественного и государственного устройства СССР, основные права и обязанности граждан, самую демократическую и самую совершенную в мире избирательную систему советского государства, структуру и компетенцию важнейших государственных органов Союза СССР, союзных и автономных республик и всех местных органов власти.

Новая Конституция полностью отражает победы социализма, являясь в полном смысле слова Конституцией социалистического общества.

Такая конституция, как великая Сталинская Конституция, возможна только в стране победившего социализма.

Торжество пролетарской диктатуры нашло свое наиболее законченное выражение в торжестве советской социалистической демократии.

Сталинская Конституция и является высшим выражением этого торжества. Она закрепила в законодательном порядке победу социализма, окончательно и бесповоротно утвердившись в нашей стране, открыв широкий путь к дальнейшему движению вперед, к коммунизму.

В своих исторических «Десяти тезисах о советской власти» Ленин писал о задаче укрепления и развития советской власти «...как формы, — опытом уже проверенной, массовым движением и революционной борьбой выдвинутой формы, — диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства (полупролетариев) путем осу-

¹ Сталин, О проекте Конституции Союза СССР, стр. 10, Партиздат, 1936 г.

² Там же, стр. 13.

ществления лежащих на новое государство различного рода заданий. Среди этих заданий мы находим и такие задания, как «... более тесная связь с массами всего аппарата государственной власти и государственного управления, чем прежние формы демократизма»; «... более полный демократизм, в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва»; «... перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального признания формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящейся и эксплуатируемой массой населения».

Наконец, одно из заданий Ленин сформулировал в следующих весьма замечательных словах: «Дальнейшее развитие советской организации государства должно состоять в том, чтобы каждый член совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, наряду с участием в собраниях совета; — а затем в том, чтобы все население поголовно привлекалось постепенно как к участию в советской организации (при условии подчинения организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления»¹.

В этих тезисах мы хотим подчеркнуть постановку Лениным вопроса о пролетарской диктатуре и пролетарской демократии.

В этих тезисах не только нет никакого противопоставления одного понятия другому, но, наоборот, самое укрепление диктатуры пролетариата мыслится как осуществление ряда демократических принципов.

Развитие пролетарской диктатуры связано с развитием пролетарской демократии, как наиболее полной демократии, как высшей формы демократии.

Эта высшая форма демократии заключается в реальной, фактической возможности пользоваться благами демократии.

Она заключается в наиболее тесной связи аппарата управления с массами, в более реальном и эффективном контроле масс за работой их представителей («большая легкость выбора и отзыва»), в активном участии граждан в советской организации, вплоть до поголовного участия в ней всего населения.

Ни одна самая передовая буржуазно-демократическая страна не дает и не может дать такой широкой демократии. Буржуазная демократия всегда остается демократией для ничтожного меньшинства, фальшивой, урезанной, убогой.

«Теория» «чистой» демократии есть теория верхушки рабочего класса, прирученной и подкармливаемой империалистическими грабителями. Она вызвана к жизни для того, чтобы прикрыть язвы капитализма, подкрасить империализм и придать ему моральную силу в борьбе против эксплуатируемых масс. Демократия при капитализме есть демократия капиталистическая, демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства»².

Наоборот, пролетарская демократия полнотой обеспечивает действительные права и свободу масс. Диктатура пролетариата соединяет ограничение в правах буржуазии с предоставлением широчайших прав трудящимся.

«...Социализм, — писал Ленин в 1916 г., — не осуществим иначе как через диктатуру пролетариата, которая соединяет насилие против буржуазии, т. е. меньшинства населения, с полным развитием демократии, т. е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия всей массы населения во всех государственных делах и во всех сложных вопросах ликвидации капитализма»³.

Диктатура пролетариата, однако, не останавливается на той фазе своего развития, которая связана с ограничением в пользовании гражданскими правами тех или иных групп населения.

Диктатура пролетариата по самой природе своей демократична. Даже в условиях гражданской войны за социализм, — наиболее авторитарной формы общественных отношений, когда насилие достигает своего наиболее полного и резкого выражения, — пролетарский демократизм широчайшим образом проявляется в инициативе и самостоятельности масс, собственными руками выковывающих свое собственное счастье.

Гражданская война за социализм — это демократическая война.

«...Гражданская война против буржуазии является демократически организуемой и ведомой войной масс бедноты против меньшинства имущих»².

Так писал Ленин о пролетарской демократии, неотделимой от пролетарской революции и пролетарской диктатуры.

«Гражданская война есть тоже война; следовательно, и она неминуемо должна ставить на место права. Но насилие во имя интересов и прав большинства населения отличается иным характером: оно попирает «права» эксплуататоров, буржуазии, оно неосуществимо без демократической организации войска и «тыла»³.

Ленин в цитируемой статье подчеркнул неразрывную связь гражданской войны за социализм, насилия, как одного из важнейших элементов пролетарской диктатуры, с демократизмом, без которого пролетариат не может вести победоносной борьбы со своими врагами.

Ленин разъяснил в этой статье, что экспроприация капиталистов невозможна без полного слияния армии, ведущей войну против буржуазии, с массой населения. А это и есть одно из величайших проявлений подлинной демократии.

«Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и проч., уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление ее войска. Но эта цель, — писал Ленин, — недостижима ни с чисто военной, ни с экономической, ни с политической стороны без одновременного, развивающегося в ходе такой войны, введения и

¹ Ленин, т. XXII, стр. 372.

¹ Ленин, т. XXX, стр. 260.

² Там же.

³ Там же.

Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 29.

распространения демократии среди нашего войска и нашего «тыла»¹.

Гражданская война масс рабочих и крестьян против буржуазии означает непосредственное участие этих масс в государственном строительстве, ибо гражданская война есть не только разрушение и уничтожение старого, но одновременно и возникновение, созидание и укрепление нового.

Советы представляют собою новую форму организации пролетариата и вообще трудящихся. Советы представляют собой наиболее демократические учреждения.

«Советы, — говорит товарищ Сталин, — являются непосредственными организациями самих масс, то есть наиболее демократическими и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада в борьбе за новый, пролетарский уклад»².

Эти особенности советского строя, развивающие «энергию, инициативу и творческие способности масс» (Сталин), и являются одним из важнейших, решающих условий победоносного развития пролетарской революции, завершившегося на данном этапе окончательным разгромом эксплуататорских классов и утверждением (окончательным и бесповоротным) нового, социалистического строя.

Говоря о победоносных итогах первой пятилетки, товарищ Сталин писал: «Где те основные силы, которые обеспечили нам эту историческую победу, несмотря ни на что?

Это, прежде всего, активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионов масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг.

Это, во-вторых, твердое руководство партии и правительства, звавших массы вперед и преодолевавших все и всякие трудности на пути к цели.

Это, наконец, особые достоинства и преимущества советской системы хозяйства, таящей в себе колоссальные возможности, необходимые для преодоления всех и всяких трудностей.

Таковы три основные силы, определившие историческую победу СССР»³.

Эти «основные силы» есть силы пролетарской диктатуры и пролетарской демократии, сочетающих «твердое руководство» (диктатура) и «революционную энергию, инициативу, творческие способности масс» (демократия).

Пролетарская диктатура и пролетарская демократия — это друг друга определяющие и дополняющие явления, понятия, категории.

Советский строй есть выражение синтеза пролетарской диктатуры и пролетарской демократии.

«Советская власть, — писал Ленин в «Очередных задачах советской власти», — есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя»¹.

Сталинская Конституция выражает именно этот процесс подъема к новому демократизму миллионов масс народа, на опыте убедившихся в гениальности руководства партии в борьбе с врагами социализма, партии, являющейся авангардом рабочего класса, осуществляющего свою, пролетарскую диктатуру.

Ст. 126 Конституции СССР подчеркивает этот принцип советского демократизма, когда говорит о праве граждан СССР на объединение в общественные организации в соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс, когда говорит об объединении наиболее активных и сознательных граждан из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

В «Вопросах ленинизма» товарищ Сталин разъяснил, какое место занимает партия в «системе диктатуры пролетариата» (Ленин).

Систему диктатуры пролетариата, по Ленину и Сталину, составляет совокупность «приводов», «рычагов» и «направляющей силы», при помощи которых и осуществляется вся деятельность пролетарской диктатуры.

«Рычаги или приводы — это те самые массовые организации пролетариата, — говорит товарищ Сталин, — без помощи которых невозможно осуществление диктатуры.

Направляющая сила — это передовой отряд пролетариата, это его авангард, являющийся основной руководящей силой диктатуры пролетариата»².

Направляющая, руководящая сила — это партия пролетариата, его авангард.

«Ее сила заключается в том, что она вбирает в себя всех лучших людей пролетариата из всех его массовых организаций. Ее назначение состоит в том, чтобы объединять работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и направлять их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата. А объединять и направлять их по линии одной цели абсолютно необходимо, ибо без этого невозможно единство борьбы пролетариата, ибо без этого невозможно руководство пролетарскими массами в их борьбе за власть, в их борьбе за строительство социализма. Но объединять и направлять работу массовых организаций пролетариата способен лишь авангард пролетариата, его партия. Только партия пролетариата, только партия коммунистов способ-

¹ Ленин, т. XXX, стр. 261.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 31, 10 изд.

³ Там же, стр. 511.

¹ Ленин, т. XXII, стр. 459.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 114.

на выполнить эту роль основного руководителя в системе диктатуры пролетариата»¹.

Диктатуру пролетариата нельзя отождествлять с руководящей ролью партии, нельзя первую подменять второй.

Диктатура пролетариата осуществляется партией, которая берет власть, которая организует власть, которая является основной, руководящей силой в аппарате государственной власти.

«Партия есть ядро власти» (Сталин). Партия руководит массами. Она осуществляет это путем убеждения масс, но это не исключает и принуждения меньшинства, не соглашающегося подчиниться воле большинства.

Ленин писал: «Мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения»².

В своей речи о профессиональных союзах и т. д. (1920) Ленин ставит основной вопрос: «Подвели ли мы достаточно широкую солидную базу убеждения под все новые производственные задачи?»³.

Ленин громил Троцкого и Бухарина за их тезисы, в частности, за тезис о «перетряхивании», как «политически вредную вещь», как «сплошную бестактность», подчеркивая, какое значение в деле правильного руководства массами имеет дать массам — «поговорить, усвоить, обдумать», «приобрести новый опыт» и т. д.

Партия Ленина—Сталина всегда умела дать массам «поговорить, усвоить, обдумать». В процессе этого «усвоения» и «обдумывания» массами предлагаемых партией и проводимых в жизнь мероприятий крепла связь партии с массами, росло и углублялось политическое доверие масс к партии, как к своему учителю, поводырю, руководителю.

Именно в этом умении нашей партии связываться с массами, слиться с массами и заключается причина наших побед, причина непобедимости советской власти, советского государства. Это в свою очередь объясняется тем, что наша партия — часть этих масс, что партия — плоть от плоти, кость от кости народа, миллионов и миллионов рабочих и крестьян.

Включая в себя понятие насилия, диктатура пролетариата строит свое отношение к массам не на насилии, а на доверии масс к партии, являющейся основной, направляющей силой в системе пролетарской диктатуры.

Ленин подчеркивал, что полная и беззаветная поддержка нашей партии со стороны масс рабочего класса является основой прочности советской власти.

«Без партии, — писал Ленин, — железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу (против сил и традиций старого общества, — А. В.) невозможно»⁴.

Это доверие приобретает и завоевывается партией правильностью политического руковод-

ства, умелой тактикой борьбы, предохраняющей от поражений и несущей победы, тем, что партия правильно и безошибочно намечает пути движения масс, средства и способы победоносного преодоления трудностей, безошибочно определяет перспективы развития и условия, обеспечивающие торжество интересов трудящихся, рабочих и крестьян.

Ленин и Сталин не только гениально определили путь, двигаясь по которому пролетариат избег опасности поражения, но и уверенно повели пролетариат и крестьянство по этому пути вперед, к полной социалистической победе.

Не раз наши враги—меньшевики и эсеры, троцкисты и бухаринцы, шляпниковцы и сапроновцы и т. п. и т. п. пытались выступить перед рабочим классом, пытались противоставить гениальному ленинско-сталинскому плану борьбы за социализм свои «планы», с презрением отвергнутые пролетариатом и разоблаченные как предательские планы, как предательское дело социализма в руки врагов.

Куда пришла бы наша страна, если бы она приняла эти планы, если бы стала на путь, уготованный ей этими презренными лакеями буржуазии? Наша страна пришла бы к ликвидации советского строя, к гибели СССР, к реставрации капитализма.

Троцкистская «сверхиндустриализация», рыночная «двухлетка», бухаринское «врастание кулака в социализм» — вот пути «развития» пролетарской революции, противопоставлявшиеся этими господами великому, гениальному ленинско-сталинскому плану социалистического преобразования СССР, завершившегося всемирно-исторической победой социализма.

Уже задолго до разоблачения подлейших преступлений этих людей, превратившихся в наемников ялоно-германского фашизма, они были дискредитированы и потеряли в глазах рабочих и крестьян всякое доверие.

Не веря в силы пролетарской революции, не веря в возможность построения социализма в нашей, отдельно взятой стране, и в силу этого неверия постоянно испытывая колебания в сторону капитализма, троцкистско-бухаринские отщепенцы каждым шагом своей политической деятельности саморазоблачались, как агенты капитализма. Каждым шагом своей деятельности, особенно в критические, переломные моменты пролетарской революции они открывали свое подлинное лицо изменников делу социализма. Если в тот или иной период своей истории они временно и становились на позиции пролетариата, то ненадолго и непрочное, быстро возвращаясь к своему, если можно так выразиться, нормальному положению — положению борьбы против пролетариата.

Наиболее яркие примеры таких «тушинских перелетов» показали, как известно, Троцкий и Бухарин, не раз притворно прятавшие свое оружие, отточенное ими против пролетариата, фарисейски и лицемерно надевавшие на себя маску солидарности с пролетарской борьбой и вслед за тем систематически изменявшие и предававшие интересы пролетариата, пока эта их «линия» не завершилась постыднейшей и позорнейшей, какую когда-либо видел мир, изменой пролетариату.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 115.

² Ленин, т. XXVI, стр. 74.

³ Там же.

⁴ Ленин, т. XXV, стр. 191. (Разрядка наша. А. В.).

Весь ход пролетарской социалистической революции показал мощь и величие ленинско-сталинского руководства борьбой пролетариата. Итоги этой борьбы показали, что под руководством ленинско-сталинского Центрального комитета наша партия непобедима.

Итоги этой борьбы показали, что наша партия и руководимый ею рабочий класс знает, куда идти, знает, как бороться, не боится трудностей, знает, как эти трудности преодолеть, умеет их преодолевать.

Вот что создало нашей партии небывалый, колоссальный авторитет в глазах рабочего класса и крестьянства, в глазах всего советского народа, всех трудящихся, всех угнетенных народов всего мира!..

В «Государстве и революции» Ленин писал: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства».

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии»¹.

Двадцать лет пролетарской диктатуры в СССР доказали, как блестяще эти замечательные слова великого Ленина наша партия и рабочий класс нашей страны под руководством Ленина и Сталина претворили в жизнь. Двадцать лет пролетарской диктатуры доказали, что пролетариат СССР в союзе с основными крестьянскими массами, использовал и использует свою государственную власть, победоносно организует разгром врагов, подавление и разгром эксплуататоров и всей их преступной агентуры, воспитывая народные массы, направляя их силы и энтузиазм на дело социалистического строительства, являясь подлинным «учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» (Ленин).

***

Двадцать лет советского государства — двадцать лет торжества пролетарской диктатуры, поднятой гением Ленина и Сталина в громадной стране на недостижимую высоту своей мощи и славы.

Этот факт сам по себе служит блестящим подтверждением правильности одного из важнейших положений марксистско-ленинской науки о роли государства в пролетарской революции, о необходимости для пролетариата использовать государство для своих освободительных целей, для целей социалистического строительства.

«Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к

признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс». Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в господствующий класс, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства все трудящиеся и эксплуатируемые массы».

Диктатура пролетариата обеспечивает пролетариату возможность подавить и раздавить всякую попытку буржуазии восстановить утраченное господство.

Диктатура пролетариата вместе с тем единственно реальная сила для организации нового общественного уклада.

Без диктатуры пролетариата не было бы возможности организовать новый общественный строй, каждая черта, каждая клетка которого вызывает органическое сопротивление выбитых из своего экономического и политического седла эксплуататорских классов.

Марксистско-ленинское учение о государстве обращает свое оружие и против анархизма, отвергающего всякое использование пролетариатом государственного механизма, государства, и против оппортунизма, игнорирующего остроту классовой борьбы и подменяющего эту борьбу попытками мирного соглашения и примирения классовых интересов.

Вся история нашей революции подтвердила на живой практике пролетарской борьбы, какую гигантскую роль играет в руках пролетариата государство, и именно, как особая организация насилия пролетариата над буржуазией, как особая форма организации масс и руководства их революционной борьбой.

Предатели социализма разных мастей и оттенков сходятся на общем отрицании революционной роли государства в руках пролетариата.

Они отрицают пролетарское государство как орган господства пролетариата, как особую форму организованного в господствующий класс пролетариата.

Некоторые «философы» договариваются в этом вопросе до таких, например, утверждений, что «рабочий класс никогда не желал не желает господства над другими классами»², что «русский пролетариат даже в первом опьянении победой над вековыми своими угнетателями не провозглашает свержения власти, своего господства и следовательно угнетения бывших угнетателей чем-то вечным»³.

Конечно, кивок в сторону «вечного» здесь играет роль прикрытия подлинной мысли автора, отрицающего государство как форму господства и угнетения. Между тем именно в этом качестве государства, как особого аппарата, обеспечивающего господство одного класса над враждебными ему классами, и заключается самая существенная особенность государства.

Какая путаница царит на этот счет в головах кое-каких «юристов», видно из следующего

¹ Ленин, т. XXI, стр. 386.

² Проф. Гойхбарг, Пролетариат и право, стр. 24.

³ Там же.

¹ Ленин, т. XXI, стр. 386.

го глубокомысленного замечания одного профессора: «Пролетариат, — пишет этот профессор, — открыто признает, что он вынужден временно прибегнуть к угнетению значительного меньшинства, дабы обеспечить исчезновение государственной власти, т. е. установить свободу для всех»¹.

Для профессоров типа нашего автора «свобода для всех» определяется исчезновением государственной власти, а государственная власть представляется как отрицание «свободы для всех».

С точки зрения такой «философии» наша Конституция должна была бы застыть на 1918—1919 гг., когда действительно ограничивался принцип «свободы для всех», когда государственная власть лишала известные слои населения политических прав и участия в политической деятельности.

Но между «свободой для всех» и диктатурой пролетариата нет противоречия. Наоборот, диктатура пролетариата предполагает на известном этапе своего развития такое расширение «свободы для всех», какое немислимо ни в одной, самой демократической буржуазной стране, какое мыслимо только в стране пролетарской диктатуры.

Сталинская Конституция, обеспечивающая подлинные человеческие права и свободы «для всех», подлинное всеобщее и равное избирательное право — вот лучшее опровержение антимарксистского тезиса о несовместимости диктатуры пролетариата, как особой формы государственной власти, со свободой «для всех».

Проблема революционной роли пролетариата в истории неразрывно связана с проблемой пролетарской диктатуры.

Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин показали и доказали, что пролетариат не может победить буржуазию, не осуществив насильственной революции, не установив своей диктатуры и не подчинив всей своей революционной политики задаче всемерного укрепления и разрывания своей диктатуры.

«Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо сломить сопротивление эксплуататоров, капиталистов больше некому и иным путем нельзя»², писал в 1917 г. Ленин, подготавливая великий Октябрьский штурм капиталистического мира.

«Сильная и мощная диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развезти в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации», говорил Сталин, подводя итоги первой пятилетки в 1933 г.

В этих классических изречениях наших великих учителей заключена вся мудрость исторического опыта рабочего класса, подытожен весь гигантский опыт борьбы трудящихся за свое освобождение.

Вопрос о диктатуре пролетариата — самый важный вопрос марксизма-ленинизма.

«Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура

одного класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата»¹.

В этом замечании Ленина дается ответ на ряд чрезвычайно важных вопросов. Это вопрос о сущности марксистского учения о государстве, заключающийся в тезисе о диктатуре одного класса. Это, далее, вопрос о роли диктатуры пролетариата в течение всего исторического периода, начавшегося свержением буржуазии и продолжающегося до построения коммунизма. Это, далее, вопрос о многообразии и обилии политических форм переходного периода с одной и неизменной сущностью пролетарской диктатуры.

Вопрос о диктатуре пролетариата — решающий вопрос марксистской теории и практики революционного пролетарского движения.

«Марксист лишь тот, кто распространяет, — говорил Ленин, — признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительно понимание и признание марксизма»².

Пророческие слова! На этом именно оселке не раз пролетарская революция испробовала ценность, историческую значимость различных политических направлений, безжалостно и беспощадно выбрасывая пачками в мусорный ящик истории все направления и течения, не выдерживавшие этого строгого и нелицеприятного испытания.

Таким разоблаченным до конца в своем банкротстве течением, выродившимся в последнее время в чистейший и неприкрытый бандализм, явился, например, троцкизм, пытавшийся связать пролетарскую диктатуру к одному голому насилию, к цехтрансовскому «перетряхиванию», к войне с крестьянством, к «размычке» рабочего класса с крестьянством.

Диктатура пролетариата как союз рабочих и крестьян есть могучая сила, преодолевающая все и всякие трудности. В статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» товарищ Сталин так характеризовал диктатуру пролетариата:

«Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело отобранный» заботливой рукой «опытного стратега» и «разумно опирающаяся» на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии,

¹ Проф. Гойхбарг, Пролетариат и право. стр. 24.

² Ленин, т. XXI, стр. 430.

¹ Ленин, т. XXI, стр. 393.

² Там же, стр. 392.

что руководящей силой этого союза является пролетариат»¹.

Речь идет, таким образом, о том, что союз рабочих и трудящихся масс крестьянства есть самая основа диктатуры пролетариата, что этим союзом определяется природа пролетарского государства.

Основной порок троцкистских «теоретизирований», когда троцкизм представлял еще собой определенное течение в рабочем классе, по вопросу о диктатуре пролетариата лежал именно в этой плоскости. Троцкий, Радек и другие троцкистские «теоретики» допускали основное извращение марксизма-ленинизма именно в этом вопросе.

По Ленину — «диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства» для «полного свержения капитала», для «окончательного создания и упрочения социализма».

Известно, что троцкисты, наоборот, исходили из непримиримой враждебности пролетариату крестьянских масс, рассматривая крестьянские трудовые массы не как естественного союзника пролетариата, а как враждебную ему силу, нейтрализуемую лишь успехами мировой пролетарской революции.

Эта антимарксистская, антиленинская «теория» диктатуры пролетариата не как союза рабочих и крестьян, а как «перманентной» вражды и непримиримости интересов рабочих и крестьян, представляла собой сплошное издевательство над марксизмом. Эта «теория» по существу являлась отрицанием ленинской теории диктатуры пролетариата, являлась разновидностью меньшевизма, являлась попыткой теоретически обосновать меньшевистскую измену социализму.

Такой же разновидностью меньшевизма, по существу такой же троцкистской «теорией» является и бухаринская схема об отмирании государства.

Эта схема примечательна именно с точки зрения извращения Бухариным марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата и о советском государстве как особой форме этой диктатуры.

Известны теоретические упражнения Бухарина на счет «врастания кулака в социализм», на счет затухания классовой борьбы при диктатуре пролетариата и т. п. измышления, грубо извращавшие марксизм-ленинизм.

«Бухаринская теория врастания кулаков в социализм представляет, таким образом, отход от марксистско-ленинской теории классовой борьбы. Она есть приближение к теории катедер-социализма»².

Эту теорию, ставшую своего рода знаменем правого уклона, приведшую, как это показала дальнейшая история его развития, к защите капиталистической реставрации, товарищ Сталин призывал еще в 1929 г. «расколотить как теорию неправильную и вредную, для того, чтобы облегчить нашим партийным товарищам борьбу с правым уклоном»³.

Последующие события показали, как глубоко прав был товарищ Сталин, вскрывший в свое

время кулацко-капиталистический характер бухаринской «теории», превратившейся впоследствии в знамя подлинной капиталистической реставрации.

Уже в речи «О правом уклоне в ВКП(б)» товарищ Сталин говорил о бухаринской «теории», что «она усыпляет рабочий класс, подбуждает мобилизационную готовность революционных сил нашей страны, демобилизует рабочий класс и облегчает наступление капиталистических элементов против советской власти».

От попыток усыпить и демобилизовать рабочий класс к прямой измене рабочему классу, к прямому предательству его интересов, к провокаторской работе в пользу иностранных капиталистов и их разведывательных органов — таков позорный путь бухаринцев, превратившихся в шпионов и разведчиков иностранных генштабов.

Бухарин и его школка грубо извратили учение Маркса-Ленина о диктатуре пролетариата и о советском государстве.

Эти извращения стоят в прямой связи с принципиальными установками Бухарина по ряду таких важнейших вопросов, как вопрос о классовой борьбе пролетариата, вопрос о государстве и т. п.

Известно, что еще в 1916 г. Бухарин защищал тезис о принципиальной враждебности пролетариата к государству. В 1925 г., спустя год после смерти Ленина, при жизни которого Бухарин 9 лет хранил по этому поводу молчание, клеветнически изображал дело так, что в споре с Лениным по этому вопросу прав был не Ленин, а он.

По этому поводу т. Сталин, разоблачая клеветнический выпад Бухарина против В. И. Ленина, писал: «Вот вам образчик гипертрофированной претенциозности недоучившегося теоретика».

Известно, что, охотно болтая по поводу отмирания государства, Бухарин этот процесс отмирания государства изобразил шиворот-навыворот. По Бухарину, сначала отмирают армия и флот, затем репрессии, суд и тюрьмы, наконец, принудительный характер труда. Ленин зло и беспощадно высмеял Бухарина. Известны замечания Ленина на полях бухаринской «Экономики переходного периода»: «Не наоборот ли: Сначала «далее», затем «потом» и наконец «сперва»? ⁴

Что означает перевернутая формула Бухарина? Она означает не что иное, как ликвидацию диктатуры пролетариата, ибо как может существовать пролетарская диктатура, если при наличии капиталистического окружения «отомрет» армия и флот? Как может существовать пролетарская диктатура, если «отмирнут» суд и репрессии против врагов социализма при наличии этих врагов, при усилении жестокости и все возрастающего озвращения их сопротивления?

Ясно, что «отмирание» в таких условиях государства пролетарской диктатуры означает ликвидацию диктатуры пролетариата.

Нетрудно понять, что такое представление о процессе отмирания пролетарского государства в сущности, ничем не отличается от более открытого признания никчемности для проле

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 78.

² Там же, стр. 254.

³ Там же, стр. 255.

⁴ XI Ленинский сборник стр. 400.

тариата государства, от прямого стрижания государства.

Несомненно, в этой связи надо ставить вопрос об отношении бухаринцев к вопросу о пролетарском государстве. Отношение этих людей к советскому государству определялось в полной мере их принципиальной позицией в этом вопросе — позицией, глубоко враждебной делу пролетариата и пролетарской революции.

Эта позиция должна быть охарактеризована, особенно в свете нынешних разоблачений предательского лица бухаринцев, как позиция подрывников советского государства.

Теоретические разглагольствования этих господ в этой области, очевидно, предназначены были лишь в качестве известной военной маскировки. По сути дела, позиция бухаринцев и стоявших на его точке зрения других правых отщепенцев была позицией принципиально враждебного отношения к государству переходного периода, к государству рабочих и крестьян.

Что же удивительного в том, что логика борьбы против партии и советского государства бухаринских молодцов во главе с самим Бухариным привела их к союзу с фашистами, к превращению в агентов фашистской разведки, направляющей все силы на организацию подрывной деятельности против советского государства!

Что же удивительного в том, что выученики Бухарина из числа подвизавшихся в области теории права, все эти Пашуканисы, Берманы, Доценки и т. п. специализировались на пропаганде дискредитации советского государства, представляя его как форму или категорию буржуазного общества!

Не случайно один из наиболее злобствующих бухаринцев вредитель Пашуканис писал в своей книжке «Общая теория права и марксизм», что «мораль, право и государство суть формы буржуазного общества» и что государство, как и право, неспособно «вместить» социалистическое содержание.

Пашуканис утверждал, что дальнейшее развитие государства и права в сторону их «наполнения», как он выражался, социалистическим содержанием невозможно.

«Они, — писал этот предатель, — неспособны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его реализации». Одновременно Пашуканис говорил о необходимости для пролетариата использовать государство и «исчерпать» его до конца. Но как может пролетариат «исчерпать до конца» государство, органически лишенное способности развиваться и наполняться социалистическим содержанием?

Единственный способ «исчерпать до конца» такое государство — отказаться от него, ликвидировать его. Другого выхода нет, если не считать за выход сохранение государства как государства буржуазного со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эти последствия можно формулировать двумя словами: реставрация капитализма.

Это и только это и остается от всех вытесняемых разглагольствований бухаринских «юристов», искусно культивировавших в области теории государственного права и в области теории права реставраторские, архибуржу-

азные взгляды, хотя и прикрытые социалистической фразеологией.

Грубо извращая марксистско-ленинское учение о государстве, Пашуканис старательно запутывал вопрос о природе государства, как особого аппарата подавления, казуистически откапывая какие-то «неясности» в формулировках по этому вопросу Энгельса, якобы дающие основание думать, что государственная власть становится предметом узурпации после своего возникновения, а не возникает вместе с возникновением классов.

То самое место из «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, которое Ленин цитирует как место, где «с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства», Пашуканис пытался опорочить своими бессодержательными lamentациями. Смысл этих lamentаций сводился к попытке протащить право-троцкистскую мыслишку о том, что с решительной победой одного класса отпадает потребность в государстве и что, следовательно, советское государство после решительной победы социализма теряет свой *raison d'être* (право на существование).

***

Двадцатилетие советского государства совпадает с двадцатилетием выхода в свет замечательной работы Ленина «Государство и революция».

Эта работа Ленина составила целую эпоху в марксистской литературе и в пролетарском революционном движении. Эта книга вооружила пролетариат для победоносной борьбы за власть, подготовила и вдохновила его на штурм капитализма и обеспечила победу рабочих и крестьян в России в октябре 1917 г.

Книга Ленина «Государство и революция» очистила учение Маркса-Энгельса о государстве от вражеских извращений и искажений. Она восстановила это великое учение во всей его подлинности и чистоте. Она явилась величайшим программным документом, образцом непревзойденного искусства применения марксистской диалектики.

В «Государстве и революции» Ленин дал глубочайший анализ всей проблемы государства в пролетарской революции, разбив наголову анархистов, центристов, оппортунистов доказав и показав, как должен по-марксистски относиться к этой проблеме пролетариат, как пролетариат должен решать эту проблему на практике революционной борьбы с эксплуататорами, на практике социалистического строительства.

В этой книге, явившейся цеццейшим вкладом в сокровищницу марксистской научной литературы, Ленин поднял весь исторический опыт борьбы пролетариата и народных масс за свое освобождение, развил и обогатил гениальными новыми выводами марксистское учение о государстве.

Товарищ Сталин исчерпывающим образом сформулировал то новое, что внес Ленин в марксизм.

Товарищ Сталин сказал: «Основную идею диктатуры пролетариата, как политического господства пролетариата и как метода свер-

жения власти капитала путем насилия, дали Маркс и Энгельс. Новое у Ленина состоит в этой области в том, что: а) он открыл советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, используя для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции; б) он раскрыл скобки в формуле диктатуры пролетариата под углом зрения проблемы о союзниках пролетариата, определив диктатуру пролетариата, как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплуатируемыми массами непролетарских классов (крестьянства и пр.), являющимися руководимыми; в) он подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой пролетарской демократии, выражающей интересы большинства (эксплуатируемых), — в противовес демократии капиталистической, выражающей интересы меньшинства (эксплоататоров).

Ленин и Сталин доказали, что победа социализма возможна и в одной, отдельно взятой стране, что в деле организации этой победы решающая роль принадлежит пролетарской диктатуре, что советская власть, как государственная форма диктатуры пролетариата, является могущественным оружием в руках пролетариата.

Ленин и Сталин доказали, что победа пролетариата может явиться результатом лишь непримиримой и беспощадной борьбы с эксплуататорами, с их агентурой, со всеми пережитками капитализма в быту и сознании людей.

Ленин и Сталин доказали, что диктатура пролетариата является высшей формой демократии, расцвет которой только и возможен в условиях пролетарской диктатуры.

Ленин и Сталин доказали, наконец, что только лустые болтуны и прямые враги рабочего класса могут заниматься разглагольствованиями о немедленном отмирании государства, о «начале конца» пролетарской государственности с первых дней возникновения пролетарского государства.

Разговорам об отмирании государства Ленин и Сталин противопоставили анализ развития общества, подчеркивая, что этот процесс длителен и что он зависит «... от быстроты развития высшей фазы коммунизма...»¹.

Ленин оставлял совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания государства, «... ибо материала для решения таких вопросов нет»².

Ленин писал в «Государстве и революции», что «государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда настолько люди привыкнут к соблюдению основных правил общности и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться «по способностям»³.

Подчеркивая длительность этого процесса, Ленин сосредоточивал внимание поэтому не

на проблеме отмирания государства, а на проблеме всемерного его укрепления.

«До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, — писал Ленин в «Государстве и революции», — социалисты требуют строгой власти, как государственную над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за казначействами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих»¹.

«Государство вооруженных рабочих» — это совершенно новое государство, — «это высший тип государства» (Ленин), социалистическое государство.

Ленин прямо говорил, что государство, состоящее из вооруженных рабочих, уже не государство в собственном смысле этого слова².

В пролетарском государстве весь аппарат иной, новый, по сравнению с аппаратом буржуазного государства.

«Революция, — писал Ленин, — состоит в том, что пролетариат разрушает «аппарат управления» и весь государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих».

«Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи старой государственной машины, а в том, чтобы он разбил эту машину и командовал, управлял при помощи новой машины...»³.

Октябрьская революция разбила, уничтожила старую, капиталистическо-дворянскую государственную машину.

Октябрьская революция уничтожила старое, буржуазное, государство и построила на его месте новое, пролетарское, советское государство.

Если Ленин говорил, что при коммунизме в течение известного времени остается буржуазное государство без буржуазии, то он вовсе не ставил знака равенства между буржуазным и пролетарским государством, вовсе не отождествлял первое со вторым.

Ленин говорил о «буржуазном государстве без буржуазии» при коммунизме лишь в смысле сохранения «остатков старого в новом», в смысле исторической связи, существующей между тем и другим, между старым и новым государством.

Троцкистско-бухаринская банда Пашуканиса и К^о, извращая бесстыднейшим образом марксизм-ленинизм, пыталась доказать, что советское государство ничем не отличается от буржуазного государства и лишено социалистического содержания.

Эта контрреволюционная клевета Пашуканиса и его банды теперь разоблачена полностью. И слепому видно, что это гнусная клевета.

Советское государство — это организованная в господствующую и непобедимую силу пролетариат, это особая форма власти рабочих и крестьян, свергнувших эксплуататоров и построивших свое новое, социалистическое

¹ Ленин, т. XXI, стр. 436.

² Там же.

³ Там же.

¹ Ленин, т. XXI, стр. 437.

² Там же, стр. 441.

³ Там же, стр. 450.

общество, опирающееся на общественную, социалистическую собственность.

Советское государство — это мощный страж интересов и прав трудящихся, это — могучий оплот мира, это — новый мир, построенный руками рабочих и крестьян, освободившихся от гнета, эксплуатации и нужды.

Советское государство — это боевое оружие в руках трудящихся, окруженных врагами, готовящими против нас войну, мечтающими о нашем поражении.

Пока крепко и могуче советское государство, пролетариату, трудящимся нашей страны и всего мира не страшны никакие козни, никакие злые замыслы врагов социализма, врагов длинной культуры и демократии.

Вот почему мы стоим за дальнейшее усиление и укрепление мощи нашего великого государства — оплота и твердыни социализма, победившего на одной шестой части земного шара.

Мы помним великие слова Сталина о том, что нам нужна сильная и могучая диктатура пролетариата, что мы «...стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей»¹.

Только враги социализма могут отрицать необходимость максимального усиления нашего советского государства, особенно перед лицом вооруженных до зубов империалистических хищников и их подлых агентов из числа троцкистско-бухаринских изменников.

Истекшее первое двадцатилетие советской власти завершается величайшей победой социализма. Родившаяся двадцать лет назад советская власть возмужала и превратилась в гигантскую силу, о которую разбились, разбивались и будут и впредь разбиваться все попытки помешать счастью и радости жизни трудящихся масс, отвоєванных у старого мира кровью и великими жертвами.

Великая Сталинская Конституция — Конституция победившего социализма, победившего социалистического общества рабочих и крестьян, — вот всемирно-исторический итог первого советского двадцатилетия.

Празднуя торжественно и гордо день великого двадцатилетия, мы с новыми силами, новым энтузиазмом, с полной верой в окончательную победу великих идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина во всем мире, идем вперед — всегда вперед, и только вперед, к коммунизму!

М. ШИФМАН

Октябрьская революция и крестьянство

Сельское хозяйство дореволюционной России было чрезвычайно отсталым.

Царская Россия не имела, по существу, собственной промышленности по производству сельскохозяйственных орудий и машин, а ввоз их из-за границы был совершенно ничтожен.

По статистической переписи 1910 года сохи, косули и деревянные плуги занимали 64% в общей стоимости пахотных орудий, одна сеялка приходилась на 70, одна молотилка на 129 хозяйств, причем улучшенные сельскохозяйственные орудия были сосредоточены только у помещиков и кулаков. Безлошадных крестьян в Европейской России в 1896—1900 гг. было 3¼ млн. дворов, однолошадных — 3½ млн. дворов.

Земельная нужда в России была настолько велика, что, по выражению Л. Н. Толстого, «крестьянину куренка некуда было выгнать».

В книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.» Ленин так характеризовал соотношение помещичьего и крестьянского землевладения в дореволюционной России: «У 10 миллионов крестьянских дворов 73 миллиона десятин земли. У 28 тысяч благородных и чумазых баронов — 62 миллиона десятин. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю»².

К этому остается только добавить, что качество крестьянской земли, в результате аграр-

ной политики царского правительства (система отрезков), было неизмеримо хуже помещичьей земли.

Чтобы понять особенность тогдашнего положения крестьянского населения России по сравнению с другими капиталистическими странами, необходимо учесть одно очень важное обстоятельство.

В то время, как в передовых буржуазных странах (Англия, Франция и др.) естественный прирост сельского населения поглощался городом, вследствие роста промышленности, в России почти весь прирост сельского населения (85—90%) оседал в деревне, и только 10—15% находили себе работу на промышленных предприятиях городов. Это приводило к систематическому росту перенаселенности деревни, что в свою очередь вело к ухудшению земельного обеспечения крестьянства и его обнищанию.

Если в момент так называемого «освобождения» крестьян на личную мужскую душу населения приходилось 4,8 десятины земли, то в 1880 году — 3,5 десятины, в 1900 году — 2,6 десятины, а к моменту революции уже только 2 десятины земли.

Проблема, связанная с приростом сельского населения, могла быть хоть сколько-нибудь смягчена интенсификацией земледелия, подъемом его на высшую ступень. Однако трехполье оставалось господствующей системой земледелия, что уже само по себе предопределяло крайне низкий уровень урожайности.

И действительно, по урожайности пшеницы Россия отставала от Бельгии, Германии и Великобритании в 3—3,5 раза, а по ржи — в 2,5—

Сталин, Вопросы ленинизма, 1934, с. 427. Порядок наша — А. В.).

Ленин, т. XI, стр. 337.

3 раза и т. д. Несмотря на такую низкую урожайность, Россия все же занимала первое место в мировом экспорте зернопродуктов, вывозя ежегодно около 10 млн. тонн зерна. Нетрудно догадаться, что этот экспорт шел за счет недоедания широких масс рабочих и крестьян.

Одна цифра с достаточной ясностью подтверждает этот факт.

Средняя годовая норма потребления зерна в России была равна 3,6 центнера на душу, что составляло 70% нормы потребления зерна в Венгрии, 55% — в Румынии и 40% — в США.

Даже по официальным дореволюционным данным недостаток в хлебе определялся по меньшей мере в 3,5 пуда хлеба на душу в год, причем полуголодная норма потребления зерна в России в 3,6 центнера являлась средней, а это значит, что фактическое потребление хлеба беднейшими слоями населения находилось на еще более низком уровне.

Правовое положение крестьянства было не лучше экономического.

Крестьянство как особое сословие было поставлено царскими законами в совершенно бесправное положение.

Выход из крестьянского сословия был крайне затруднен необходимостью получить согласие от своего общества и приписаться к какому-либо городскому обществу. Для крестьянства была установлена двойная подсудность: общая для всего населения и специальная — волостной суд, причем суд мог назначать крестьянину в качестве меры наказания телесное наказание, тогда как все другие сословия были от этого освобождены.

Для крестьян был установлен такой паспортный режим, что они все время числились «в отлучке по паспорту», и в любое время крестьянин мог быть отозван в село для отбывания повинности.

«Народное просвещение» так проводилось царским правительством, что неграмотность абсолютного большинства крестьянского населения сохранилась до самой пролетарской революции.

Наконец, налоговой пресс царского правительства и многомиллионные выкупные платежи за землю с особой тяжестью давили бедняцко-середняцкие слои крестьянства.

Боязнь революционных вспышек со стороны нищего, разоренного и бесправного крестьянства заставляла царское правительство искать поддержку в деревне «у крепких и сильных», вызвав у них «фанатизм собственности». Отражением этого стремления царского правительства является знаменитый столыпинский устав от 9 ноября 1906 г. и заменивший его впоследствии закон от 14 июня 1910 г., отдавший крестьянскую общину на разграбление богатым-кулакам, на которых царизм и надеялся в дальнейшем опереться в борьбе против революции.

Однако устав 9 ноября только обострил классовую борьбу в деревне и вызвал яркие антиправительственные вспышки, которые подавлялись царским правительством массовыми расстрелами и виселицами.

Такой же крах постиг и переселенческую политику Столыпина, которая была призвана

смягчить аграрный кризис и разрядить напряженную атмосферу в деревне.

Исключительно яркие цифры мы находим по этому вопросу в статье Ленина «Значение переселенческого дела».

Если в период с 1905 г. по 1908 г. число переселенцев в Сибирь выросло с 39 до 665 тыс., то в последующие годы мы сталкиваемся с фактом резкого спада переселенческой волны — с 619 в 1909 году до 316 в 1910 г. и 183 тыс. в 1911 г.

Наряду с этим массовый характер (60% в 1911 г.) приняло возвращенчество в «родные» места дотла разорившихся, отчаявшихся и обремененных переселенцев, которые увеличивали собой и без того громадную, «бродячую» армию мучительно-голодающего крестьянства.

«Правительство, — писал Ленин в 1913 г. по поводу переселенчества, — добилось только нового обострения и ухудшения положения крестьян и в России и в Сибири»¹.

Анализируя причины неудач столыпинских реформ, Ленин писал: «Никакое укрепление земли в личную собственность, никакие меры против чересполосицы, не могут сделать массу нищих крестьян, сидящих на плохой, вытопанной земле, обладающих лишь стародедовским, вконец изношенным, инвентарем, с голыми рабочим и рогатым скотом, — сколько-нибудь культурными, сколько-нибудь хозяйскими».

Вокруг помещиков (типа Маркова или Пуришкевича) с 2 тыс. десятин земли, владельцы семи-десятичных крохотных участков остаются неизбежно закабаленными нищими, как бы их ни расселяли, как бы их ни освобождали от общины, как бы им ни «укрепляли» их нищенские участки в их личную собственность».

И несколько ниже Ленин пророчески указывал, что столыпинщина приведет «к нарастанию старого кризиса на иной, более высокой ступени капиталистического развития России»².

Империалистическая война углубила аграрный кризис и резко ухудшила положение крестьянства.

В период до февральской революции 1917 г. война поглотила около третьей части всего рабочего скота; выросла мужская рабочая сила в деревне резко уменьшилась, а массы совершенно исчезли; производство сельскохозяйственных машин и удобрений, в связи с милитаризацией промышленности, снизилось до 15% ничтожного довоенного уровня, а ввоз их из-за границы совершенно прекратился. Это, естественно, повлекло за собой резкое сокращение посевных площадей, снижение урожайности и дальнейшее обнищание бедняцко-середняцких масс крестьянства.

В этот период обострение классовых противоречий в деревне, с одной стороны, между беднотой и кулачеством и, с другой стороны, между всем крестьянством и помещиками достигло своей кульминационной точки и предопределило активное выступление крестьянства под руководством рабочего класса против войны и против царского правительства.

¹ Ленин, т. XVI, стр. 451.

² Там же, стр. 89—90.

***

Февральская революция 1917 г. не внесла сколько-нибудь существенных изменений в экономическое положение крестьянства, ибо у власти попрежнему остались помещики и капиталисты. Это особенно рельефно сказалось на характере аграрной политики временного правительства.

Не только сиятельный князь Львов и будущий «герой» русской Вандеи генерал Корнилов запрещали, под угрозой исправительно-крестьянских отделений, крестьянам «насильственно захватывать посевы или собранный хлеб», но и министры «социалисты» от них не отставали.

16 июля 1917 г. министр земледелия временного правительства, лидер партии с.р. и ее главный теоретик по аграрному вопросу — Виктор Чернов разослал на места инструкцию сельским комитетам, в которой требовал, чтобы крестьяне вносили землевладельцам арендную плату за землю.

Министр внутренних дел временного правительства, один из лидеров меньшевиков Церетели, также выпустил циркуляр, в котором возмущенно писал: «Населением допускаются захваты запашек и засева чужих полей, снятие рабочих и предъявление непосильных для сельского хозяйства экономических требований».

По директиве Церетели в деревне развернулось жестокое преследование крестьян, так называемых захватчиков, причем особую активность в этом деле проявили губернские комиссары, состоявшие в подавляющем большинстве своем из с.р. и меньшевиков.

Понимая, что своими силами помещикам, купе с губернскими комиссарами, не удастся правиться с назревавшими эксцессами в деревне, помещики, с благословения временного правительства, сделали попытку создать себе классовую опору в деревне, энергично привлекая на свою сторону кулаков.

Эта ставка на «крепкого мужичка», которая, по существу, копировала столыпинскую политику, шла параллельно с вредительством помещиков. Помещики не засевали поля, травили посевы, уничтожали хлеб, массами вырезали скот, а попытки крестьян засеять помещичью землю подавлялись самыми жестокими репрессиями.

Временное правительство всемерно защищало помещиков и кулаков. 8 сентября 1917 г. Керенский издал приказ, в котором писал: «Безусловно воспрещая насильственно захватывать посевы или собранный хлеб, отбирать имущество или незаконным путем живой и мертвый инвентарь».

7 сентября временное правительство декларировало, что «непосредственное упорядочение земельных отношений должно быть возложено на земельные комитеты..., но без наделения существующих форм землевладель-

на напряженной обстановке осени 1917 г., да возмущение крестьян достигло своего пика, министр земледелия временного правительства Маслов, сменивший окончательно импровизированного Чернова, разработал проект закона о передаче земель сельским комитетам до учредительного собрания.

Согласно этому проекту крестьянам передавались в платную аренду лишь те земли, которые ранее сдавались владельцами в аренду.

Этот закон был разоблачен товарищем Лениным с присущей ему беспощадностью.

«Это не конфискация помещичьего землевладения, — писал товарищ Ленин, — а укрепление его «республиканским» правительством... кадеты делают вид, что проект эсеров «необычайно революционный» и во всех буржуазных газетах поднят шум против проекта. Все это комедия, игра. На самом же деле проект С. Л. Маслова есть «помещичий» проект, писанный для соглашения с помещиками, для спасения их»¹.

Нечего говорить, что этот закон не мог удовлетворить крестьянство.

Этот закон еще раз показал, что временное правительство неспособно разрешить аграрный вопрос в интересах широких масс крестьянства. Именно аграрный вопрос, наряду с вопросом о мире, явился роковым камнем преткновения для временного правительства.

***

Революция 1905 г., период четырех дум и контрреволюционная политика временного правительства доказали крестьянству всю тщетность его надежд на либеральную буржуазию и ее партии, которые не помогут крестьянам получить землю и волю. Вот почему этот период прошел под знаком отхода крестьянства от кадетов, с.р. и меньшевиков и поворота крестьянства в сторону пролетариата, в сторону партии большевиков.

Крестьянство убедились, «что единственная сила, на помощь которой можно рассчитывать, — это городские рабочие, пролетариат»².

Маркс, Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали, какое огромное значение для судьбы революции имеет привлечение крестьянства на сторону рабочего класса, на сторону революции.

Маркс писал, что только в случае правильного разрешения крестьянского вопроса «пролетарская революция получит хор, без которого ее соло во всех крестьянских нациях превратится в лебединую песню».

В «Письмах издалека» товарищ Ленин указывал, что «В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения»³.

Товарищ Сталин писал, что буржуазные «революции 48 и 71 гг. во Франции погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии»⁴.

Такая высокая оценка роли крестьянства со стороны Маркса, Ленина и Сталина, со стороны всей большевистской партии, предопределила то положение, что аграрный и специальный крестьянский вопрос фигурировал во всех про-

¹ Ленин, т. XXI, стр. 360.

² Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 35.

³ Ленин, т. XX, стр. 46.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 78.

граммных построениях большевистской партии, ибо он «является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата» (Сталин).

Роль крестьянства в пролетарской революции была следующим образом блестяще сформулирована товарищем Сталиным: «Вопрос стоит так: исчерпаны ли уже революционные возможности, тающиеся в недрах крестьянства, в силу известных условий его существования, или нет, и если не исчерпаны, есть ли надежда, основание использовать эти возможности для пролетарской революции, превратить крестьянство, его эксплуатируемое большинство, из резерва буржуазии, каким оно было во время буржуазных революций Запада и каким оно остается и теперь, — в резерв пролетариата, в его союзника?»

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно, т. е. в духе признания в рядах большинства крестьянства революционных способностей и в духе возможности их использования в интересах пролетарской диктатуры»¹.

Эта оценка крестьянства диаметрально противоположна той оценке, которую давали крестьянству предатели троцкисты и представители второго интернационала. Они не только не считали возможным обеспечить союз рабочих и крестьян в условиях революционной борьбы, но либо проявляли к крестьянскому вопросу «ироническое отношение» и считали это отношение «признаком хорошего тона, признаком настоящего марксизма» (Сталин), либо, как Троцкий, грозили пролетариату враждебными столкновениями с крестьянством. И вполне естественно, что позицию Иуды Троцкого в аграрном вопросе товарищ Ленин расценивал, как предательство, как «нежелание и поднимать крестьян на революцию»².

Последовательное проведение ленинско-сталинской политики в отношении крестьянства, которое рассматривается как союзник пролетариата, обеспечило сближение масс крестьянства с рабочими и в дальнейшем подтвердило прогноз большевистской партии о наличии в рядах большинства крестьянства «революционных способностей» (Сталин). К февральской революции большевистская партия пришла уже вместе со всем крестьянством.

В манифесте, изданном в марте 1917 г., большевистская партия наряду с требованиями демократической республики, 8-часового рабочего дня, конфискации хлебных запасов и немедленной подготовки мирных переговоров выдвинула лозунг конфискации дворянских земель владений в пользу крестьян.

Этот манифест, отражая самые сокровенные мечты и чаяния широких трудящихся масс крестьянства, показал, что единственным классом, который по-серьезному ставит себе задачу вывести страну из империалистической войны, обеспечить мир всему населению необъятной России и дать землю трудящемуся крестьянству, является только пролетариат и его партия большевиков.

Вот почему большинство крестьян горячо поддержало борьбу рабочих и обеспечило

победу пролетарской революции в нашей стране.

Если против царизма вместе с пролетариатом шло все крестьянство, то после свержения царского правительств в среде крестьянства началась дифференциация, и верхушечная часть крестьянства, вместе со всей мелкой буржуазией, переметнулась в лагерь крупной буржуазии, объединилась с ней против трудящихся масс города и деревни. В ответ на это большевистская партия выдвинула лозунг «опора на беднейшее крестьянство при нейтрализации середняка».

«Ход революции, — говорит товарищ Ленин, — подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со «всеим» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом вместе со всеми эксплуатируемыми, против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов и постольку революция становится социальной»¹.

Таким образом, переход от первого этапа революции ко второму сопровождался повелением расстановкой классовых сил и требовал поэтому новой тактики.

Выдвигая лозунг о необходимости опереться на беднейшее крестьянство против буржуазии при нейтрализации середняка, партия большевиков отдавала себе отчет, что это приведет к ожесточенной классовой борьбе кулачества и зажиточной части крестьянства с бедняками и сельхозработниками, но этот именно стратегический маневр обеспечил нашу победу в Октябрьских боях.

На вопрос о том, почему нам удалось свергнуть буржуазную власть и заменить ее властью пролетариата, товарищ Сталин отвечает: — «потому, что мы вели подготовку Октября под лозунгом диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, потому, что исходя из этого лозунга, мы вели систематическую борьбу с соглашательством мелкобуржуазных партий, потому, что исходя из этого лозунга мы вели систематическую борьбу с колебаниями среднего крестьянства в советах, потому что только при таком лозунге мы могли преодолеть колебания середняка, разбить соглашательство мелкобуржуазных партий и собрать такую политическую армию, которая способна повести борьбу за переход власти в руки пролетариата. Если бы нам нужно было доказывать, что без этих предельных условий, определивших судьбу Октябрьской революции, мы не могли бы добиться поддержки крестьянства в целом ни в Октябре, ни после Октября»².

Всемирно-историческая победа Октябрьской революции, в которой беднейшее крестьянство впервые выступило под руководством пролетариата, с одной стороны, доказала неправоту взглядов большевиков в оценке крестьянства как союзника пролетариата и с другой — доказала крестьянству,

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 19 изд., стр. 34—35.

² Ленин, т. XVIII, стр. 318.

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 391.

² Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 167.

большевики проводят в жизнь свою программу, что у большевиков слово не расходится с делом.

На следующий день после Октябрьской революции, 26 октября (8 ноября) 1917 г., советская власть в лице II Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов в обращении к рабочим, солдатам и крестьянам предложила всем народам немедленно заключить демократический мир и обеспечить безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель крестьянам.

Принятые вслед за этим декреты о мире и земле явились претворением в реальную действительность большевистской программы.

В декретах о мире и земле съезд советов заявил трудящимся всего мира о грабительском характере войн, которые ведут капиталисты и помещики всего мира, и предложил мир без аннексий и контрибуций, т. е. единственно справедливый и демократический мир.

В этом декрете, который Ленин называл декларацией, советская власть отразила надежды и мечты измученных и разоренных войной трудящихся масс всего мира и в первую очередь рабочих и беднейших крестьян России.

Этот декрет показал трудящимся всего мира, что только власть рабочих и беднейшего крестьянства способна покончить с преступной грабительской войной.

Следующий вопрос, который не решило и не могло решить буржуазно-помещичье временное правительство, был вопрос о земле.

Политика временного правительства сводилась к пустым обещаниям, к обману крестьян, к укреплению на деле помещичьего землевладения. В этом и состояла «хитрая механика» временного правительства, в этом и заключался «социальный заказ», который был дан временному правительству настоящими хозяевами положения — буржуазией города и деревни.

Проект декрета о земле, который Ленин докладывал на II Всероссийском съезде советов, предусматривал отмену без всякого выкупа помещичьей собственности на землю, переход в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов помещичьих имений, удельных, монастырских, церковных земель со всем живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями.

Таким образом, советская власть на второй день своего существования, когда воздух был еще насыщен порохом Октябрьских боев, уже приступила к выполнению своей аграрной программы и, как мы знаем, обеспечила полное проведение ее в жизнь. Этим был впервые в истории решен аграрный вопрос в пользу широчайших слоев трудящегося крестьянства.

Капиталисты всего мира объявили советской стране борьбу не на жизнь, а на смерть. На севере, юге, востоке и западе загорелась гражданская война, поддержанная интервенцией. Это потребовало напряжения всех сил молодой советской республики для того, чтобы обеспечить Красную армию всем необходимым, и в первую очередь — продовольствием, отстоять завоевания революции.

Между тем, кулачество и зажиточная часть

деревни развили бешеную спекуляцию хлебом, прятали его от государства, старались не давать хлеб Красной армии и тем сорвать ее победу на фронтах.

Мириться с таким положением нельзя было, необходимы были решительные меры для изъятия этого хлеба в интересах революции.

Этот острейший период — период «военного коммунизма» вновь подтвердил неизбежность союза пролетариата с беднейшим крестьянством, когда беднота выступила вместе с пролетариатом против кулаков и спекулянтов, прятавших хлеб.

«Образовывается, — писал товарищ Ленин, — новая форма борьбы против кулаков, форма союза бедноты, которой нужно помочь, которую нужно объединить»¹.

Необходимо иметь в виду, что советы в деревнях в это время только создавались, что зачастую в состав советов пробирались кулаки, которые спекулировали хлебом и саботировали хлебозаготовки. Все это потребовало самых решительных мер, в проведении которых активную роль принимала беднота и созданные к тому времени комитеты бедноты.

Роль комбедов была поистине огромной. Они за короткое время своего существования сделали чрезвычайно много в борьбе с кулачеством, для укрепления в деревне советской власти, для привлечения на ее сторону середняков; комбеды помогли также созданию в деревне активистов, которые по ликвидации комбедов заняли большое место в сельсоветах.

«Комбеды, — говорит товарищ Сталин, — были основаны в июле 1918 года. К концу октября 1918 года мы имели уже перевес наших сил в деревне против кулачества и поворот середняка в сторону советской власти. На базе этого поворота и возникло решение ЦК об уничтожении двоевластия между советами и комбедами о перевыборах волостных и сельских советов, о растворении комбедов во вновь избранных советах и, следовательно, о ликвидации комбедов»².

Таким образом, уже в этот период (в конце 1918 г.) имелся перевес наших сил против кулачества, и середняк повернул в сторону советской власти.

Середняк начал поворачиваться к нам, когда он стал убеждаться, что буржуазия свергнута «всерьез», что власть советов упрочивается, кулака одолевают, Красная армия начинает побеждать на гражданских фронтах. Именно после такого перелома стал возможен третий стратегический лозунг партии, данный Лениным на VIII съезде партии: «Опираясь на бедноту и устанавливая прочный союз с середняком — вперед за социалистическое строительство»³.

Разгромив внутреннюю и внешнюю контрреволюцию и получив передышку, советская страна взялась за разрешение насущнейших задач восстановления разоренного, разрушенного сначала империалистической, а затем гражданской войной, хозяйства.

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 63.

² Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 220.

³ Там же, стр. 159.

Важность этих задач сознавалась партией и правительством с первого момента прихода к власти. Попытки приступить к их разрешению имели место тотчас же после заключения Брестского мира, т. е. когда появилась надежда на передышку. Резолюция ВЦИК от 29 апреля 1918 г. поставила во всю ширь вопросы хозяйственного строительства, но гражданская война и интервенция помешали тогда разрешить эти хозяйственные задачи.

Окончание гражданской войны поставило на очередь хозяйственные задачи, решение которых не терпит никаких отлагательств.

«Мы можем теперь с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за близкое нам, необходимое и привлекающее нас к себе давно уже дело хозяйственного строительства с уверенностью, что так легко сорвать эту работу, как прежде, капиталистическим хозяевам не удастся»¹.

Эти слова были сказаны товарищем Лениным на VIII Всероссийском съезде советов в 1920 г., когда гражданская война еще не была совсем завершена. Уже в это время партия большевиков устами Ленина заявила: «Хозяйственные задачи, хозяйственный фронт выдвигается перед нами теперь опять и опять, как самый главный и как основной»².

Таким образом окончание гражданской войны открыло возможность перейти от задач военных, когда вся партия, советская власть и огромное большинство населения все силы напрягли для обеспечения победы над внутренней и внешней контрреволюцией, к разрешению задач хозяйственных.

Новизна задачи требовала иных, новых методов их разрешения.

«Мы имели полный успех в военной области и теперь мы должны подготовить такой же успех для задач более трудных, требующих энтузиазма и самоотверженности от огромного большинства рабочих и крестьян»³.

Задача, стало быть, сводилась к тому, чтобы союз с крестьянством, проверенный в боях на военных фронтах, укрепить еще больше, чтобы найти такие формы отношений с крестьянством, которые бы обеспечили участие большинства крестьян в разрешении хозяйственных задач.

Для этого союз военный и политический надо было укрепить союзом экономическим.

В этот период Ленин особенно подчеркивал необходимость «убедить беспартийных крестьян, именно беспартийных, потому, что они масса», в том, что нельзя дальше вести хозяйство так, как они его вели раньше, что «железное руководство пролетариата есть единственное средство, которое спасает крестьянина от эксплуатации и насилия»⁴.

Эта вера крестьянства, что его спасение от нищеты, от разорения, от эксплуатации лишь в прочном союзе с пролетариатом, позволила поставить более сложные, более ответственные задачи, связанные с восстановлением хозяйства, провести которые можно было только убеждая крестьянство в необходимости этих мер в интересах революции и применяя одно-

временно с этим в соответствующих случаях меры принуждения.

В сравнении с задачами, стоявшими в время гражданской войны, эти задачи были гораздо труднее.

Для того чтобы эти задачи решить, были созданы по решению VIII Всероссийского съезда советов специальные комиссии, которые должны были по группам районов выработать круг обязательных мероприятий, долженствующих обеспечить быстрейшее восстановление крестьянского хозяйства.

Анализ положения нашей страны после окончания гражданской войны, в первую очередь анализ состояния сельского хозяйства и положения деревни, привел к необходимости пересмотра экономической политики периода «военного коммунизма», к замене ее такой политикой, которая обеспечила бы возможность на основе соглашения с основными крестьянскими массами, максимального развития всех производительных сил страны и укрепления союза рабочих и крестьян.

В чем состояла экономическая политика партии в деревне во время «военного коммунизма»?

«Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелко-крестьянской стране мы не могли»¹.

Изъятие всех излишков у крестьянина лишило его уверенности в том, что он «столько-то может употребить для местного оборота», тем самым не создавало стимула для развития его хозяйства.

Можно ли было и нужно ли было в условиях перехода от военного времени к мирному строительству дальше продолжать эту политику изъятия всех излишков сельскохозяйственных продуктов у крестьянина? Соответствовала ли такая политика интересам революции?

Ленин писал: «Взятие с крестьянских хозяйств излишков означало такую меру, которая в силу военных обстоятельств была навязана с абсолютной необходимостью, но которая сколько-нибудь мирным условиям существования крестьянского хозяйства не отвечала. Ему нужна уверенность, что он столько-то отдает, а столько-то может употребить для своего местного оборота»².

Задача заключалась в том, чтобы построить взаимоотношения с крестьянством таким образом, чтобы у него создавался «стимул, толчок, побудитель» (Ленин) для развития его хозяйства. Признание продрозверстки политикой, которая не соответствует новым условиям, поставило на очередь задачу изменить эту политику. Самым правильным решением вопроса было — дать мелкому производителю в обмен на хлеб и сырье необходимые ему продукты промышленности. Однако этого разрушить промышленность обеспечить не могла, а кр

¹ Ленин, т. XXVI, стр. 25.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 32.

¹ Ленин, т. XXVI, стр. 332.

² Там же, стр. 217.

стьянское хозяйство надо было восстановить, во что бы то ни стало.

Выход был найден партией во главе с Лениным и Сталиным в замене продразверстки продналогом, когда крестьянин твердо знал, что, сдав определенную часть хлеба государству, он остальным вправе распорядиться по своему усмотрению.

«Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной — к правильному социалистическому продуктообмену»¹.

Замена продразверстки, навязанной условиями войны и разрухи, продналогом, соответствовала периоду окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству. Она была необходима для дальнейшего улучшения отношений рабочего класса и крестьянства, «борьба между которыми или отношения между которыми определяли судьбу нашей революции» (Ленин). Для этого надо было путем некоторых уступок среднему крестьянству создать предпосылки для подъема сельского хозяйства, что, в свою очередь, открывало возможность подъема промышленности.

Продналог и связанное с ним право крестьян реализовывать излишки своей продукции на рынке порождали в известных пределах свободу торговли, хотя и регулируемой государством, а следовательно, и некоторое оживление капитализма.

В противовес этому партией и правительством были приняты меры к развитию всех видов кооперации, в которых постепенно должно было произойти объединение миллионов крестьянских хозяйств.

В исторической статье «О кооперации» Владимир Ильич рассматривает кооперацию как наиболее легкий, доступный, «простой» переход крестьянского хозяйства к крупному общественному хозяйству. При этом имея в виду производственное кооперирование как цель кооперации, Ленин связывал при этом проблему кооперирования с процессом индустриализации страны, играющей решающую роль в социалистической перестройке деревни.

«В сущности говоря, — писал Ленин, — кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве кулачества есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов»².

Различные формы кооперации (потребительская, сельскохозяйственная и др.) — явились теми формами объединения крестьян, которые приучали их вести сообща свои хозяйственные дела и вселяли в экономику и сознание трудящихся масс крестьянства дух коллективизации.

Осуществление кооперативного плана Ленина обеспечило направление крестьянского хозяйства по социалистическому пути, создав у него навыки совместного, общественного ведения

дел и подготавливая переход к более высоким формам кооперации — в производстве.

Огромная государственная помощь кредитам по линии сельскохозяйственной кооперации, оставление в волостных, а затем районных бюджетах значительных средств для развития сельского хозяйства — все это способствовало подъему бедняцких и середняцких хозяйств и объединению их вокруг партии и советской власти. В решениях партии по вопросу о сельском хозяйстве мы часто находим указания на необходимость поощрения производственных объединений крестьян в форме товариществ по совместной обработке земли, товариществ по совместному использованию скота, не говоря уже об артелях и коммунах.

Огромная работа партии по разъяснению выгоды и правильности коллективных путей ведения хозяйств находила благоприятную почву в бедняцко-середняцких массах. Поощрение, оказываемое государством этим коллективам в области сельскохозяйственного кредита, снабжения сельскохозяйственными машинами, способствовало тому, что эти хозяйства-пионеры превратились в лучших агитаторов за колхозный строй, доказывая окрестному крестьянству выгоду коллективных форм ведения хозяйства.

Развитие промышленности, на основе Сталинского плана индустриализации нашей страны, сделало возможным широкое внедрение в сельское хозяйство сложных сельскохозяйственных машин, недоступных для единоличного хозяйства бедняка и середняка. Наличие же этих машин, резко увеличивающих производительность труда в коллективных хозяйствах, играло роль фактора, революционизировавшего крестьянские массы.

Большую роль играли и контрактация, при помощи которой государство оказывало позитивное влияние на организацию сельского производства.

Наконец, огромное значение в деле осознания крестьянством выгоды коллективных форм хозяйства имели совхозы, которые, со своей передовой техникой, наглядно показывали преимущество крупного сельскохозяйственного предприятия по сравнению с мелким единоличным хозяйством.

Хлебозаготовки 1927/28 г., анализ которых дан товарищем Сталиным в мае 1928 г. в его беседе со студентами Института красной профессуры Комкадемии и Свердловского университета, лишний раз показали, что основной причиной хлебных затруднений является «мелкое и среднее крестьянское хозяйство, дающее минимум товарного хлеба»¹.

Это хозяйство лишено или почти лишено возможности применять сложные машины, удобрения, поднимать производительность труда и т. п., «ввиду чего и является хозяйством полупотребительским, малотоварным» (Сталин).

Выход из этого положения партия давно видела в повороте крестьянства на социалистический путь, на путь коллективизации, предусмотренный генеральной линией партии.

Эта линия партии была встречена в штыки как «правыми», так и «левыми» оппортунистами. Первые, не понимая того, что переживаемые трудности являются трудностями роста,

¹ Ленин, том XXVI, стр. 331—332.

² Ленин, т. XXVII, стр. 391—392.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 212.

выступали против мер, направленных к ограничению капиталистических элементов в деревне, выдвигая теорию о «мирном вращении кулака в социализм» и лозунг «обогащайтесь». Левые стремились «перепрыгнуть» через этап, не замечая того, что крестьянство не подготовлено еще для массовой коллективизации. Партия и ее Сталинский ЦК, верные заветам Ленина, отвергли все эти контрреволюционные предложения и на основе генеральной линии партии постепенно подводили крестьянство к переходу от единоличного хозяйства к коллективным формам хозяйствования.

Партия, отлично сознавая, что совхозы и колхозы являлись единственной формой, способной обеспечить развитие сельского хозяйства по социалистическому пути и удовлетворить возросшие потребности страны в хлебе и других сельскохозяйственных продуктах, стремилась создать все условия, необходимые для окончательного поворота его на социалистический путь.

Для массового развития колхозов был необходим целый ряд условий, к созданию которых были направлены мероприятия партии на протяжении всех этих лет.

Товарищ Сталин в речи на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 г., отвечая «левым» предателям, обвинявшим партию в том, что она запоздала с проведением массовой коллективизации, указывал те условия, которые необходимы для того, чтобы обеспечить успех массовой коллективизации, которые были уже созданы к этому моменту, но которых не было еще 2—3 года тому назад.

«Чтобы провести план массового движения за колхозы и совхозы, для этого необходимо прежде всего, чтобы партийную верхушку поддерживала в этом деле прежде всего партия в своей массе. А партия у нас миллионная, как известно. Следовательно, нужно было убедить широкие партийные массы в правильности политики руководящей верхушки. Это — во-первых.

Для этого необходимо, далее, чтобы в недрах крестьянства создалось массовое движение за колхозы, чтобы крестьянство не боялось колхозов, а само шло в колхозы, убеждаясь на опыте в преимуществе колхозов перед индивидуальным хозяйством. А это — дело серьезное, требующее известного времени. Это — во-вторых.

Для этого необходимо, далее, чтобы были у государства материальные средства, необходимые для финансирования движения, для финансирования колхозов и совхозов. А на это дело нужно сотни и сотни миллионов, дорогие товарищи, это в-третьих.

Для этого необходимо, наконец, чтобы была развита индустрия в более или менее достаточной мере, необходимой для того, чтобы снабжать сельское хозяйство машинами, тракторами, удобрением и т. д. Это — в-четвертых»¹.

Для создания всех этих условий нужно было время, и только после того, как все они были созданы, в крестьянстве, вопреки «вещим» предсказаниям правых и «левых» предателей, вопреки их подрывной работе, произошел поворот от единоличного к колхозному хозяй-

ству и были созданы предпосылки для массового движения крестьянства за колхозы.

«Для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашение лозунга. Для поворота требуется в крайней мере еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами крестьянские массы убедились в правильности провозглашенного лозунга, приняли его, как свой собственный лозунг. По этому поворот этот подготовлялся исподволь. Подготовлялся он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии, прежде всего развитием индустрии, поставившей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом нашей хлебозаготовок в их новых формах за 1928—1929 годы, ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-середняцких масс. Подготовлялся он развитием сельскохозяйственной операции, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники. Было бы ошибочно видеть в наших совхозах только лишь источник хлебных ресурсов. На самом деле совхозы, их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации»¹.

В результате этого мощного поворота стал возможным переход от политики ограничения и вытеснения кулачества, которое еще в 1927 занимало 20% в товарной продукции хлеба, политике ликвидации его как класса — на бесплоскую коллективизацию.

Колхозное движение, все шире охватывавшее крестьянские массы, несмотря на ряд ошибок допущенных на местах при проведении коллективизации, подвергнутое товарищем Сталиным резкой критике в его статье «Головокружение от успехов» и в «Ответе товарищам колхозникам», обеспечило громадный рост колхозов, которые уже в 1930 г. дали более половины всей товарной продукции зерна в стране.

Таким образом, партия во главе со Сталинским ЦК отстояла от наскоков правых и «левых» агентов и пособников классового врага генеральную линию партии, обеспечила успешное строительство социализма не только в городе, но и в деревне» (Сталин).

Эта всемирно-историческая победа генеральной линии партии окончательно решила только в городе, но и в деревне поставленный Лениным вопрос «Кто кого».

***

20-ю годовщину Октября крестьянство нашего необъятного Союза встречает огромными победами.

250 тысяч колхозов объединили 18 с лишним миллионов крестьянских хозяйств; 250 тысяч колхозов получили на вечное пользование

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 269.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 374.

от советского государства свыше 400 миллионов гектаров земли, в том числе 150 миллионов бывших помещичьих, казенных и монастырских земель.

Изменения, которые произошли в техническом вооружении нашего сельского хозяйства за годы революции, видны из следующих данных (в тыс. штук).

	1910 г.	1937 г. (только в колхозах)
Машины и орудия		
Орудия для пахоты		
Сохи	7 089,1	0
Косули	846,6	0
Плуги деревянные . .	2 356,6	0
Плуги железные кон- ные	4 435,0	5 356,2
Плуги тракторные . . .	0,3	320,34
Сеялки		
Тракторные	0	140,5
Конные	222,7	723,6
Машины для убор- ки зерновых		
Сноповязалки трактор- ные	0	12,7
Комбайны	0	98,6

Наше сельское хозяйство располагает в настоящее время мощным парком тракторов (450 тыс. штук) и комбайнами (121 тыс. шт.). Число МТС выросло в 37 году до 5 612, охватывая подавляющее большинство колхозных посевов.

Несмотря на подлое вредительство в сельском хозяйстве, социалистическое земледелие оставило далеко позади не только урожайность дореволюционной России, но и урожайность 1924—1928 гг., когда господствовали мелкие единоличные хозяйства.

С победой колхозного строя на основе сталинского устава с.-х. артели советская деревня не знает нищеты, неграмотности, не только элементарной, но и технической, агрономической и политической.

В своем докладе «О проекте Конституции Союза ССР» товарищ Сталин в следующих

словах характеризовал положение советского крестьянства в настоящее время:

«В области сельского хозяйства вместо океана мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и засилием кулака мы имеем теперь самое крупное в мире механизированное, вооруженное новой техникой производство в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов. Всем известно, что кулачество в сельском хозяйстве ликвидировано, а сектор мелких единоличных крестьянских хозяйств с его отсталой средневековой техникой занимает теперь незначительное место, причем удельный вес его в сельском хозяйстве в смысле размера посевных площадей составляет не более 2—3 процентов. Нельзя не отметить тот факт, что колхозы имеют сейчас в своем распоряжении 316 тысяч тракторов мощностью в 5 миллионов 700 тысяч лошадиных сил, а вместе с совхозами имеют свыше 400 тысяч тракторов мощностью в 7 миллионов 580 тысяч лошадиных сил». И далее: «Советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества».

Благосостояние трудового крестьянства значительно выросло. Коренным образом изменился социально-экономический и культурный облик нашей деревни. Отсталость техническая, некультурность и неграмотность безвозвратно исчезли. Новая социалистическая деревня, вместе со всей нашей страной, не знающей кризисов, безработицы, гигантскими шагами идет к культурной и зажиточной жизни.

Далеко позади остался тот период, когда Россию били «за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную» (Сталин).

Наша великая родина, где на одной шестой части света под знаменем самой демократической в мире Сталинской Конституции радостно трудятся многомиллионные и многонациональные народы Советского Союза, стала великим фактором прогресса, родиной свободного труда, отечеством всех трудящихся и одновременно грозной силой для черной рати реакции, мечтающей вновь повергнуть весь мир в кровавые ужасы войны.

Колхозное крестьянство вместе со всеми трудящимися нашего Союза радостно встречает праздник двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Что дала советская власть крестьянству за 20 лет революции

Широкие трудящиеся массы нашей социалистической страны и трудящиеся всего мира, нашедшие в Стране советов, рожденной Октябрьской революцией, свое отечество, — чувством величайшей радости и гордости подведут итоги борьбы и побед за 20 лет диктатуры пролетариата.

Товарищ Сталин, касаясь характерных черт пролетарской революции и отличий ее от революции буржуазной, — в числе моментов, характеризующих пролетарскую революцию, сказал: «Буржуазная революция завершается обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее началом, причем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой». Далее товарищ Сталин говорит: «Можно ли проделать такую коренную перестройку старых, буржуазных порядков без насильственной революции, без диктатуры пролетариата?»

Ясно, что нельзя. Думать, что такую революцию можно проделать мирно, в рамках буржуазной демократии, приспособленной к господству буржуазии, — значит либо сойти с ума и растерять нормальные человеческие понятия, либо отречься грубо и открыто от пролетарской революции».

Это указание товарища Сталина еще раз подчеркивает, что победы и завоевания диктатуры пролетариата пришли не сами по себе, не в порядке самотека, а в результате жесточайшей классовой борьбы с врагами социализма как внутри страны, так и вне за переделку старой капиталистической экономики и создание новой социалистической экономики, нового социалистического общества.

Чтобы конкретно ощутить и осознать те огромные завоевания, которых добилось за 20 лет революции наше трудящееся крестьянство, небезынтересно остановиться на прошлом нашего крестьянства.

Ленин в своей исторической работе: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» дал исчерпывающую картину общественно-экономических отношений в сельском хозяйстве России этого периода. Статистические данные, приводимые Лениным в этой работе, говорят о следующем: 30 тысяч помещичьих хозяйств владели в 1905 г. земельным фондом в 70 миллионов десятин, в то же время на долю 10½ миллионов крестьянских хозяйств деревенской бедноты приходилось почти столько же земли — 75 млн. десятин. 70-миллионным земельным фондом владели 1½ миллиона кулацких хозяйств.

При этом необходимо еще учесть, что во времена так называемой «крестьянской реформы» 1861 г. лучшие земли были переданы помещикам, а крестьянам были предоставлены худшие земли, «песочки», у крестьян были отре-

заны при их «освобождении» для помещиков лучшие земли, какими они пользовались во время крепостного права; по ориентировочным данным в 28 губерниях таких земель у крестьян было отрезано около 4 миллионов десятин. Ленин, касаясь этого вопроса, писал: «Крестьяне «освобождены» в 1861 году от необходимых для их хозяйства водопоев, выгонов и т. п. Крестьянские земли вкроены клином между помещичьими, так чтобы господам помещикам был обеспечен чрезвычайно верный и чрезвычайно благородный доход от высканий за поправы и пр. «Куренка некуда выпустить»...¹

Тяжесть имущественного положения крестьянства усугублялась еще вековой отсталостью сельского хозяйства в России. По развитию техники в земледелии, по высоте урожаев царская Россия занимала одно из последних мест среди капиталистических стран. По статистической переписи 1910 г. сохи и косули составляли 45% общего количества пахотных орудий, деревянные плуги — 16%, усовершенствованные же орудия для подъема почвы — всего 3%. Одна селлка приходилась на 70 хозяйств, одна жатка — на 25, одна сенокосилка — на 104, одна молотилка — на 129 хозяйств. Царская Россия почти не имела промышленности по производству сельскохозяйственных машин и орудий. Возьмем основные средства производства крестьянских хозяйств — тягло. Ленин писал по этому вопросу: «Безлошадных крестьян в Европейской России в 1896—1900 г. было 3½ млн. дворов. Можно себе представить, каково их земледельческое «хозяйство» при расходе восьми копеек в год на инвентарь живой и мертвый. Однолошадных крестьян 3¼ млн. дворов. При пяти рублях годового расхода на пополнение инвентаря и скота они могут только вечно маяться в безысходной нужде. Даже у двулошадных крестьян (2¼ млн. дворов) и трехлошадных (1 млн. дворов) расход на живой и мертвый инвентарь составляет всего 9—10 р. в год. Только в двух высших группах (по всей России таких крестьянских хозяйств 1 млн. из 11 млн. всех крестьянских хозяйств) расход на живой и мертвый инвентарь хоть сколько-нибудь приближается к подобию правильного земледельческого хозяйства»².

Безземельное крестьянство вынуждено было арендовать землю у помещиков на кабальных условиях, отдавая в виде арендной платы помещику и кулаку весь свой скудный доход от этой земли. Это вело к обнищанию крестьянства и к постоянным его голодовкам. Ленин в марте 1912 г. после неурожая 1911 г. ставил вопрос: «Почему в России и только в России

¹ Ленин, Избранные произведения, т. I, стр. 6.

² Там же, стр. 32.

сохранились еще эти средневековые голодовки рядом с новейшим прогрессом цивилизации?» И отвечал: «Потому, что новый вампир — капитал — надвигается на русских крестьян при таких условиях, когда крестьяне связаны по рукам и ногам крепостниками-помещиками, крепостническим помещичьим, царским самодержавием. Ограбленные помещиками, задавленные произволом чиновников, опутанные сетями полицейских запретов, придирок и насилий, связанные новейшей охраной стражников, попов, земских начальников, крестьяне так же беззащитны против стихийных бедствий и против капитала, как дикари Африки. Только в диких странах и можно встретить теперь такое повальное вымирание от голода, как в России XX века»¹.

Таково было экономическое положение крестьянства в царской России; не лучше было его и правовое положение. Произвол и беззакония столетиями свирепствовали в русской деревне. Крестьянство, как особое сословие, царскими законами было поставлено в обособленное неравноправное положение по сравнению с другими сословиями (дворяне, купцы, мещане). Добровольный выход из своего сословия был чрезвычайно затруднителен, для этого крестьянин должен был приписаться к какому-либо городскому обществу, получив предварительное увольнение из своего земельного общества. При этом он обязан был отказаться в пользу общества от своей земельной собственности, приобретенной в результате нечеловеческого труда в течение ряда лет. Без согласия общества выход из сословия был невозможен. Крестьянин не мог выехать из места своего постоянного жительства без соблюдения сложнейших паспортных формальностей, и сколько бы лет крестьянин ни жил вне своего села, он всю жизнь считался находящимся «в отлучке по паспорту» и в любое время мог быть вызван в село для отбывания повинности (десятским, старостой, караульным и т. д.). Телесное наказание по суду могло применяться только в отношении крестьян, другие сословия были освобождены от этого вида наказания. До 1906 г. крестьяне не вправе были продавать свой земельный надел, находящийся в общем землепользовании. Царскими законами для крестьян была установлена двойная подсудность — общим для всех сословий судам и специально сословному волостному суду. Волостной суд, яркий образец дореволюционного крестьянского бесправия и беззакония царизма, разбирал все (за небольшим исключением) гражданские иски на сумму до 300 руб. и, без ограничения цены иска, все споры и тяжбы о недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского двора; из уголовных дел он разрешал дела об оскорблениях, мотовстве, пьянстве, влекущем разстройство хозяйства, кражах на сумму не свыше 50 руб. По всем этим делам суд мог поглотить виновного или аресту до 30 дней, или штрафу до 30 руб. При этом интересно отметить, что за один и тот же проступок, совершенный одним и тем же лицом, можно было дать разное наказание в зависимости от того, против кого направлено это преступле-

ние, например: за кражу имущества у крестьянина волостной суд мог применить максимальное наказание 30 суток ареста, а за кражу равноценного имущества других сословий дела рассматривались земскими начальниками, которые могли дать 6 месяцев тюремного заключения (ст. 169 устава о наказаниях). Царское правительство так «пеклось» о крестьянстве, что к уголовной компетенции волостных судов было отнесено мотовство и пьянство, тогда как другие сословия за это не могли быть привлечены к ответственности. Произвол и беззаконие, творимые волостными судами, были настолько очевидными, что даже отдельные представители дворянства и буржуазии не могли скрывать этого. Так, один буржуазный юрист этого времени В. М. Гессен, характеризуя волостной суд, писал: «Независимо от чрезмерной широты компетенции волостных судов, в связи с совершенным отсутствием правильного в них судопроизводства, недостатки крестьянской юстиции усугубляются крайне неудовлетворительным личным составом волостных судов. В огромном большинстве случаев волостные судьи — полуграмотные. Влияние на них иногда единственного твердо грамотного человека, волостного писаря, промадно, а что не всегда это влияние направлено к строго надлежащему правильному решению дела, доказывать тем, кто имел дело с волостными судами, не приходится. Далее, случаи подкупа, решения дел за водку встречаются сплошь и рядом. Между тем не следует забывать, что иногда волостные суды решают дела, по цене далеко превышающие не только компетенцию призванных наблюдать за ними земских начальников, но и уездного члена суда, притом дела очень сложные, особенно по наследованию».

Не менее тяжелым бременем для крестьянства явился институт земских начальников, который, как писало царское правительство, был создан в целях содействия «правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей». В действительности земские начальники, назначавшиеся исключительно из дворянского сословия, являлись основными проводниками административного нажима на крестьян в духе политики царизма. Крестьяне были буквально скованы и терроризованы произволом земских начальников. Опека земских начальников над крестьянством распространялась буквально на всю их бытовую и общественную жизнь. «Самоуправление» крестьянства было сведено на нет. Вот что писала группа буржуазных юристов о «деятельности» земских начальников: «Наши сельские сходы в настоящее время лишены всякой самостоятельности, приговоры их парализуются усиленным контролем, подчас приговоры их диктуются, а те, которые для крестьян желательны, не получают утверждения...». В Курской губернии «как распространенное явление» наблюдается, что «избранные сходом на общественные должности лица не утверждаются, а на место их назначаются другие, не пользующиеся доверием общества. (Здесь буржуазные юристы немного не договаривают до настоящей правды — надо было сказать, что земские начальники утверждали в общественных должностях лишь в том случае, если «избранные» являлись из кулацких слоев насе-

¹ Ленин, т. XV, стр. 415—416.

ния и были угодны земским начальникам и царской охранке, а элементы революционного крестьянства земскими начальниками не утверждались. В. Л.). В Тульской губернии, например, земские начальники для осуществления надзора за деятельностью сельских волостных сходок не ограничиваются проверкою на местах приговоров по таким делам, по которым в силу самого закона требуется такая проверка или утверждение приговоров высшими инстанциями, но просматривают, а будет нужно — и проверяют на месте почти каждый приговор схода... В Уфимской губернии не только на сходах, но собравшись у завалинки, крестьяне часто прерывают свои разговоры и разбегаются при появлении тройки земских начальников»¹.

Эта «критика» и «самокритика» буржуазно-дворянских юристов, конечно, далеко не полная, произвол и самочинство земских начальников далеко превосходили то, что о них сказано.

Таково было экономическое и правовое положение крестьянства царской России; мы не касаемся более отдаленных времен крепостного права, когда крестьяне были «собственностью» помещиков, которую они продавали и обменивали, как и всякое другое имущество, когда помещики в газете «Московские ведомости» печатали такие объявления: «Продаются люди — девка 20 лет, мастерица кружева плести, в тамбуре, в настилку и по филе шить, за 200 рублей, крестьянская девка за 100 рублей, малой крестьянской за 400 рублей». Учебник «Краткий курс истории СССР» так описывает времена крепостного права:

«Барщина дошла до того, что крестьяне почти все время должны были работать на помещика. Все делали крепостные помещику — они были и земледельцами, и кузнецами, и поварами, и лакеями, и охотниками, даже артистами. Крестьянину для работы на себя оставались только праздники и ночь. При Екатерине II оброк увеличился почти в пять раз.

Дворяне торговали крестьянами. За женщину платили 20—30 рублей, за грамотного или ремесленника 100—200 рублей. Маленького ребенка можно было купить за 10—20 копеек. Собак помещики ценили дороже. Помещики всячески издевались над крестьянами. Помещица Салтычиха сама до смерти избивала своих крепостных, обваривала их кипятком, огнем палила волосы. Она погубила более ста человек.

Это ужасное положение приводило крестьян к восстаниям»².

Много раз подымало крестьянство восстания против помещиков (Разин, Пугачев и др.), но, будучи разьединено, не имея союзников в городах, не имея руководителя, все эти восстания крестьян кончались поражением. Товарищ Сталин, касаясь вопроса о крестьянстве, писал: «Куда было ткнуться крестьянству при таких условиях? У кого искать поддержки

против всевластия помещика, против престола царя, против губительной войны, разорвавшей его хозяйство? У либеральной буржуазии? Но она враг — об этом говорит столетний опыт всех четырех Дум. У эс-эров? Эс-эры, конечно, «лучше» кадетов, программа у них «подходящая», почти крестьянская, но что могут дать эс-эры, если они делают оперетку на одних крестьян и если они слабы в городе, где прежде всего черпает свои силы противник? Где та новая сила, которая перед тем не остановится ни в деревне, ни в городе, которая пойдет смело в первую ряды на борьбу с царем и помещиком, которая поможет крестьянству вырваться из кабалы, из безземелья, из гнета, из войны? Была ли вообще такая сила в России? Да, была. Это был русский пролетариат, показавший свою силу свое умение бороться до конца, свою смелость, свою революционность еще в 1905 году.

Во всяком случае, другой такой силы не было, и взять ее неоткуда было.

Вот почему крестьянство, отчаявшись от кадетов и пригласив к эс-эрам, пришлось вместе с тем к необходимости подчиниться руководству того мужественного вождя революции, который вывел пролетариат¹. Только пролетариат под руководством коммунистической партии вывел крестьянство на путь освобождения побед в рамках диктатуры пролетариата. Ленин, Сталин и вся партия разбили реакционные позиции народников эс-эров, проповедовавших мелкобуржуазные иллюзии об устойчивости мелкого «трудового» производства земледелия, об его преимуществах, о якобы коммунистических началах, заложенных в деревенской общине. Разбиты были иллюзии, том, что «трудовое крестьянство» и рабочие составляют не различные классы, а один «трудовой класс». При этом под «трудовым крестьянством» они разумели все крестьянство совершенно замазывая и затушевывая классовую дифференциацию деревни, классовую борьбу внутри крестьянства.

Партия разбила контрреволюционные «теории» фашиста Троцкого о контрреволюционности крестьянства, о «противоречиях» между рабочим классом и крестьянством и т. д. Партия разбила контрреволюционные «теории» правых врагов народа — Бухарина и др. вращении кулака в социализм.

Ленин и Сталин предлагали «исчерпать» революционные способности крестьянства и использовать до дна его революционную энергию для полной ликвидации царизма, для перехода к пролетарской революции. Ленин и Сталин говорили о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством как основе диктатуры пролетариата.

И пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством, под руководством коммунистической партии, в октябре 1917 г. свергнул буржуазную и взял власть в свои руки. За 20 социалистической революции безземельное и бесправное крестьянство в союзе с рабочим классом добилося огромных побед.

¹ Нужды деревни по работам комитетов и нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. I, изд. 1904 г.

² Краткий курс истории СССР, стр. 68—69.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд. стр. 37.

Товарищ Сталин в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов Союза, говоря о крестьянстве, сказал: «Обычно принято говорить, что крестьянство — это такой класс мелких производителей, члены которого атомизированы, разбросаны по лицу всей страны, копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплуатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п. И действительно, крестьянство в капиталистических странах, если иметь в виду его основную массу, является таким именно классом. Можно ли сказать, что наше современное крестьянство, советское крестьянство, в своей массе похоже на подобное крестьянство? Нет, нельзя этого сказать. Такого крестьянства у нас уже нет. Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство. Далее, наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. они базируют свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда.

Как видите, советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества».

Ст. 8 Сталинской Конституции закрепила за колхозами навечно 400 миллионов гектаров земли, из них 150 миллионов принадлежавшей до Октябрьской революции помещикам и кулакам. Крестьянство в союзе с рабочим классом создало социалистическое государство рабочих и крестьян. Крестьянство совместно с рабочим классом и трудовой интеллигенцией имеет самую демократическую в мире конституцию. Сталинская Конституция закрепила как за крестьянами, так и за рабочим классом и трудовой интеллигенцией целый ряд прав, о которых веками мечтали лучшие люди человечества.

Советская власть на основе индустриализации страны и длительного и терпеливого разъяснения мелкому земледельцу-крестьянину о преимуществе крупного коллективного хозяйства создала миллионам трудящихся крестьян возможность избавиться от нищеты и разорения, отсталости, путем создания колхозов социалистического хозяйства.

Товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов говорил: «В области сельского хозяйства вместо океана мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и засилием кулака мы имеем теперь самое крупное в мире механизированное, вооруженное новой техникой производство в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов. Всем известно, что кулачество в сельском хозяйстве ликвидировано, а сектор мелких единоличных крестьянских хозяйств с его отста-

лой средневековой техникой занимает теперь незначительное место, причем удельный вес его в сельском хозяйстве в смысле размера посевных площадей составляет не более 2—3 процентов. Нельзя не отметить тот факт, что колхозы имеют сейчас в своем распоряжении 316 тысяч тракторов мощностью в 5 миллионов 700 тысяч лошадиных сил, а вместе с совхозами имеют свыше 400 тысяч тракторов мощностью в 7 миллионов 580 тысяч лошадиных сил».

Колхозы принесли трудящемуся крестьянству зажиточную, культурную жизнь. Сталинская Конституция, утвердившая право на образование, открыла широкий доступ крестьянству к образованию включительно до высшего. Печать, которая до Октябрьской революции была достоянием буржуазии и дворянства, в стране строящегося социализма является самым широким достоянием трудящихся масс; в то время как в царской России в 1913 г. издавалось 859 газет, в Советском Союзе в 1936 г. издавалось 9250 газет. Крестьянство принимает активное участие в деле управления государством нашей страны и во всем социалистическом строительстве.

Выросло материальное благосостояние трудящегося крестьянства, изменился социально-экономический облик нашей деревни — правовая обособленность крестьянства, его бесправие, отсталость техники в сельском хозяйстве, неграмотность и некультурность — неизбежные спутники деревенской жизни — безвозвратно исчезли. Новая, социалистическая деревня, ведущая свое хозяйство на основе социалистической экономики, семимильными шагами идет вперед. Колхозное хозяйство принесло крестьянству освобождение от непосильной физической работы, заменив ручную допотопную обработку полей, применяемую в единоличном хозяйстве, самыми сложными и усовершенствованными машинами, повышая из года в год доход крестьянства. 90% всех колхозов обслуживаются МТС.

В 1934 г. в колхозах объединено 92,4% крестьянских хозяйств, удельный вес колхозов в общей посевной площади составляет 99,2%. Колхозы обслуживаются 5612 машинотракторными станциями, 400 тыс. тракторов, 100 тыс. комбайнов, — все это обеспечивает рост урожайности в нашей стране. Если до революции средний урожай зерновых за десятилетие до империалистической войны составлял 7 центнеров с а, а в 1924—1928 гг., при господстве мелкоединоличных крестьянских хозяйств — 7½ центнеров с а, то за время второй пятилетки, на основе колхозного хозяйства, урожайность достигла 8½ центнеров с га, не говоря о рекордных урожаях отдельных колхозов.

Огромный урожай 1937 г. является прямым следствием политики партии и правительства по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов. Происшедшие социальные изменения нашей страны, говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов, приводят к тому, что грани между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией — стираются, а старая классовая исключительность — исче-

зает. Это значит, что расстояние между этими социальными группами все более сокращается.

Наша социалистическая экономика, как говорил товарищ Сталин на этом съезде, не знающая кризисов и безработицы, не знающая нищеты и разорения, создала возможность всем гражданам, всем трудящимся, в том числе и крестьянству нашей социалистической страны, все возможности для зажиточной и культурной жизни.

Двадцатая годовщина Октябрьской револю-

ции вызывает огромный подъем энтузиазма рабочих и крестьян, вызывает особый прилив патриотических чувств в каждом честном гражданине нашей великой и дорогой родины. Эту свою любовь к родине, преданность партии Ленина—Сталина рабочие и крестьяне проявляют в борьбе за выполнение государственных планов, в борьбе за уборку прекрасного урожая и с таким же энтузиазмом проявят, если понадобится, и в деле защиты своей прекрасной родины.

М. СТРОГОВИЧ

Развитие пролетарского демократизма в советском правосудии

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. сломала, разбила вдребезги дореволюционный государственный аппарат и создала новое советское государство — государство пролетарской диктатуры. Вместе с всем дореволюционным государственным аппаратом было сломано и острейшее орудие буржуазно-помещичьего государства — суд.

Владимир Ильич Ленин писал: «... суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации. Поэтому безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их подголоски — меньшевики и правые эсеры), — а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппараты.

Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила и выполнила успешно»¹.

Новый советский суд сразу же, в самый первый период советской власти был построен на тех началах, которые лежат в основе всей системы пролетарской диктатуры. Роль, задачи и методы деятельности этого суда были исчерпывающе разработаны В. И. Лениным, который особое внимание уделял суду и давал свои изумительно ясные и решающие указания по всем основным вопросам организации и деятельности советского суда. В ряде своих выступлений Ленин указывал, что новый суд преследовал прежде всего задачи подавления эксплуатации, борьбы с их попытками отстаивать свои отмененные революцией привилегии. Но еще более важную задачу советского суда Ленин усматривал в строжайшем проведении дисциплины и самодисциплины трудящихся и указывал, что нам нужны теперь суды, которые обеспечивали бы эту задачу. «... мы должны добиться организации подобных судов в самом широком масштабе с распространением их деятельности на всю трудовую жизнь страны. Лишь подобные суды, при участии в них самых широких масс трудящегося и эксплуа-

тируемого населения, сумеют в демократических формах сообразно с принципами советской власти добиться того, чтобы пожелания дисциплины и самодисциплины не остались голыми пожеланиями»¹. Эти замечательные слова были написаны Лениным в марте 1918 г., и в них в сжатом виде дана характеристика основных черт советского суда, как суда демократического, в смысле пролетарской демократии. Пролетарская диктатура есть в то же время пролетарская демократия. Это — одно из важнейших положений учения Ленина и Сталина о диктатуре пролетариата. Сталин говорил: «... диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой пролетарской демократии, выражающей интересы большинства (эксплуатируемых), в противовес демократии капиталистической, выражающей интересы меньшинства (эксплуататоров)»². Это положение особо важно — диктатура пролетариата и есть пролетарская демократия. В корне было бы неверно их противопоставлять, противопоставлять друг друга, а суд — советский суд именно потому, что он есть орган пролетарской диктатуры, есть также орган пролетарской демократии. Советский суд — демократический суд, самый демократический суд в мире. Из приведенных выше положений, развитых В. И. Лениным, совершенно ясно определяются основные черты демократизма советского суда; этот демократизм (пролетарский) заключается: 1) в демократической организации суда и 2) в демократических формах его деятельности. И эти принципы нашли свое выражение и осуществление в первых же актах советской власти о суде, они развивались и укреплялись на всем протяжении истории советского суда, пока эти демократические черты с невиданным блеском не засверкали в величайшем документе нашей эпохи — Сталинской Конституции СССР.

Первый же декрет советской власти о суде — исторический «декрет о суде № 1» от 24 но-

¹ Ленин, т. XXII, Первоначальный набросок статьи «Очередные задачи советской власти».

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 170.

ября 1917 г., упразднивший дореволюционную судебную систему, установил основные принципы организации советского суда в духе пролетарского демократизма. В отношении низового звена советской судебной системы — местного суда, позднее превратившегося в народный суд, ставший не только низовым, но и основным звеном в системе судостроительства, декрет о суде № 1 устанавливал следующее положение: «Местные судьи избираются впредь на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов, временно — районными и волостными, а где таковых нет — уездными, городскими и губерньскими советами рабочих и крестьянских депутатов». Следовательно, принципом организации суда декрет о суде № 1 установил принцип прямых демократических выборов судей населением и лишь временно допустил выборы судей советами. Одно время было в моде говорить и писать о пресловутых «ошибках декрета о суде № 1» и едва ли не в каждой работе, посвященной вопросам советского судостроительства, на разные лады аргументировалось положение о том, что декрет о суде № 1 находился в резком противоречии с принципами пролетарской диктатуры, что он был заражен либерально-буржуазными влияниями и что именно эти либерально-буржуазные свойства, которыми декрет наделил народный суд, были причиной слабости последнего в годы гражданской войны. В отношении такой «критики» декрета о суде № 1 особенно постарался институт советского строительства и права бывшей Комкадемии — тот самый возглавлявшийся Пашуканисом институт, который долгое время был рассадником лженаучных, антимарксистских и вредительских теорий в области права.

Совсем в ином виде предстает перед нашими глазами этот декрет — Ленинский декрет. Установленный им принцип всеобщих и прямых выборов судей не удалось тогда осуществить в силу целого ряда причин: развернувшейся классовой борьбы, бешеного сопротивления эксплуататорских классов мероприятиям советской власти, кулацкого саботажа и террора. Казалось, что временная мера — выборы народных судей советами — стала постоянной. Но вот в новых условиях, при окончательной победе социализма и уничтожении эксплуататорских классов в нашей стране, через 19 лет после декрета № 1, великая Сталинская Конституция установила — и еще в более широком виде — именно тот принцип выборности народных судей, который в основном был сформулирован как демократический принцип в этом замечательном декрете о суде № 1 в первые же дни Великой социалистической революции. И сейчас, к двадцатилетию Октябрьской революции, очень уместно вспомнить этот замечательный далекий декрет, изданный на заре истории советского суда.

Демократические принципы советского суда находили свое развитие во всех последующих законах о суде — и в положении о народном суде, и в положениях о революционных трибуналах, и в действующих ныне «Основах судостроительства СССР и союзных республик» 1924 г., и в положениях о судостроительстве отдельных союзных республик. Если не был осуществлен и не мог быть осуществлен до сих

пор принцип всеобщих, прямых выборов народных судей то в полной мере был осуществлен другой организационный принцип судостроительства — также демократический (в смысле пролетарского демократизма) и сохранившийся в Сталинской Конституции СССР для всех вышестоящих (в отношении народного суда) звеньев советской судебной системы — выборность судей советами. Советы как организаторы суда — этот принцип всегда был руководящим принципом, краеугольным камнем системы советского судостроительства, он в полной мере остается в силе и сейчас, так как и при наличии всеобщих, прямых и равных выборов народных судей (и заседателей) при тайном голосовании, непосредственно организаторская роль остается за советами депутатов трудящихся. За прошлые годы мы знаем немало извращений и нарушений советской демократии — они отражались и в области суда (утверждение судей на президиумах советов и исполкомов, а не на пленумах, иногда превращающее выборность судей в их назначение). Борьба с этими извращениями велась и ведется решительно и неуклонно, и с ростом и укреплением советской демократии во всех областях государственной и общественной деятельности растет и укрепляется демократизм советского суда. И характерно отметить — почти нигде в капиталистических государствах не находит применения принцип выборности судей, но повсеместно господствует принцип назначения. У нас — принцип выборности судей является принципом руководящим и его применение все больше и больше расширяется.

Прочным и неизменным элементом демократии советского суда являлась и является обязательность непосредственного участия в его работе трудящихся масс в лице народных заседателей. Этот порядок был введен в первых же актах советской власти о суде — устанавливалось участие народных заседателей даже в расширенном составе (6 человек, 12 человек). Сейчас прочно укоренился коллегиальный трехчленный состав во всех звеньях судебной системы союзных республик (народный суд, краевой суд, верховный суд республик); при рассмотрении дел в первой инстанции — постоянный судья и два народных заседателя. Отступления от этого положения имеются лишь в специальных судах (военные трибуналы, специальные коллегии краевых и верховных судов республик). И несомненно, что именно эта форма суда наиболее обеспечивает привлечение к участию в отправлении правосудия широчайших масс трудящихся. Положение народных заседателей в нашем суде всегда конструировалось как полноправных членов суда, с правом решающего голоса абсолютно по всем вопросам при рассмотрении дела и вынесении приговора или решения. По гражданским делам допускается единоличное рассмотрение дела народным судьей без участия народных заседателей только по очень узкому, ограниченному кругу дел, по уголовным же делам единоличное рассмотрение судей дела фактически вовсе не применяется (хотя по закону допускается опять-таки в очень узких пределах). Не всегда и не всем была ясна действительная роль народных заседателей. Так, в 1921 г. на страницах юридической печати имели место выступления против участия на-

родных заседателей в советском суде по тем мотивам, что институт народных заседателей якобы «порожден либерализмом» и при диктатуре пролетариата не нужен (см. выступление Козловского в «Материалах НКЮ РСФСР», вып. 11—12 1921 г.). Но это были отдельные, случайные голоса. Участие народных заседателей как полноправных членов суда в советском судеустройстве является важнейшим и руководящим принципом, принципом советского демократизма. И этот принцип окончательно закреплен в Сталинской Конституции СССР, причем Конституция роль и положение народных заседателей значительно укрепляет и расширяет: народные заседатели избираются в таком же порядке (всеобщими, прямыми и равными выборами при тайном голосовании) и на тот же срок (3 года), как и народные судьи.

Советская судебная система — демократична снизу доверху. Но этот демократизм проявляется и в том, какое положение занимает в судебной системе низовое судебное звено — народный суд, наиболее близкий к населению, к трудящимся массам. В капиталистических судебных системах низовое судебное звено, так называемый «мировой суд», обычно является судом только по незначительным бытовым делам, о мелких гражданских спорах, о мелких правонарушениях. В первых декретах советской власти о суде компетенция местного (народного) суда была определена в достаточно узких границах — ему были подсудны гражданские иски ценою до 3 тыс. руб., уголовные преступления, влекущие наказание не свыше 2 лет лишения свободы (декрет о суде № 1). Но в дальнейшем имела место тенденция ко все большему и большему расширению компетенции народного суда, и в 1930 году, при реорганизации органов юстиции в связи с ликвидацией округов, компетенция народного суда была расширена настолько, что он в полной мере стал основным судом, рассматривающим всю основную массу уголовных и гражданских дел, кроме лишь отдельных их категорий, подсудных вышестоящим судебным органам. Разумеется, этот вопрос подсудности не имеет какого-либо исключительного, во всех случаях решающего значения: в зависимости от условий работы, от необходимости обеспечения особых гарантий для разрешения наиболее серьезных дел не исключена возможность ограничения законом в той или иной мере подсудности уголовных и гражданских дел народному суду, с соответственным расширением подсудности вышестоящим звеньям судебной системы. Но бесспорным и неизменным остается положение, что именно народный суд есть основной суд в советской судебной системе, что именно ему подсудна подавляющая масса серьезных уголовных дел и что никогда он не будет сведен на положение мирового суда — суда для мелочных, незначительных дел. Отсюда — задача укрепления в первую очередь народного суда, наиболее близкого массам и избираемого населением широкими демократическими выборами.

При всей важности организационных принципов построения судебной системы ими не исчерпываются вопросы, связанные с развитием пролетарского демократизма в советском пра-

восудии. Ленин обращал внимание на демократические формы его деятельности, о чем было сказано выше. Эти демократические формы — процессуальные принципы деятельности суда, обеспечивающие гласность, устность и непосредственность при рассмотрении дел на суде, состоятельность процесса, заключающаяся в обеспечении обвиняемому права на защиту, ряд процессуальных прав, при помощи которых он как сторона в процессе может защищаться от предъявленного ему обвинения, а в гражданском процессе — инициатива и права сторон в отстаивании на суде своих требований и интересов. Эти процессуальные принципы и формы в своих основных чертах являются способами осуществления пролетарской демократии в судебной деятельности, и они укрепляются и расширяются по мере укрепления социалистических отношений в нашей стране, они получают наиболее полное и последовательное осуществление в Конституции социалистического государства рабочих и крестьян, в Конституции окончательно победившего социализма. В зависимости от политической обстановки, от условий классовой борьбы всегда были возможны, возможны и сейчас, те или иные ограничения указанных выше процессуальных форм, например, в законах об организации и деятельности революционных трибуналов в период гражданской войны или в законе от 1 декабря 1934 г. о процессуальных изменениях при рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах. Процессуальная форма всегда была мощным орудием, обеспечивающим нанесение судом метких и сокрушительных ударов врагам народа, дезорганизаторам социалистического общества. Но именно в связи с укреплением пролетарской диктатуры, с победой социализма, с ликвидацией эксплуататорских классов в нашей стране укрепляются и расширяются демократические процессуальные формы советского суда. Так, в 1934 году постановлением ЦИК и СНК СССР, в связи с организацией НКВД СССР, была ликвидирована судебная коллегия ОГПУ, и уголовные дела, которые раньше могли разрешаться во внесудебном порядке, были отнесены к компетенции суда и, следовательно, судебнопроцессуальная форма стала не только основной, но и единственной формой разрешения уголовных дел. Далее, в последнее время разрешение вопросов о принудительном взыскании недоимок по налогам и штрафов за них изъятых из административного рассмотрения и отнесение также к компетенции суда. Наконец, положение о выборах в Верховный Совет СССР возлагает на суд рассмотрение и разрешение вопросов о неправильностях в составлении избирательных списков. Таким образом, судебнопроцессуальная форма распространяется и на наиболее существенные и важные вопросы административного и конституционного порядка. Только враги народа, вредительствующие на правовом фронте и преследовавшие дезорганизацию и ослабления социалистического правосудия, могли предпринять свертывание, ограничение, отрицание, «выветривание» демократических процессуальных форм деятельности советского суда.

Если говорить о советском социалистическом правосудии — нельзя ограничиться только

дом в собственном смысле слова. В этом деле громадная роль принадлежит активным участникам и помощникам правосудия, какими являются прокуратура и адвокатура. Прокуратура в буржуазных государствах не является демократическим органом (в смысле буржуазного демократизма), она есть орган бюрократический. Это орган центральной власти, правительства, проводник его влияний в буржуазном суде. Ее централизованный характер является именно средством отгорожения прокуратуры от общественности и обеспечения ее влияния на все организации буржуазно-демократического порядка — прежде всего на суд. Бюрократическая прокуратура является как бы необходимым коррективом к буржуазно-демократическим формам, внешним проявлением и показателем урезанного, ограниченного характера буржуазной демократии. Советская прокуратура — демократическая прокуратура (в смысле социалистического демократизма). Она централизована сверху донизу, она независима от местных органов власти, но она — орган Верховного Совета СССР, т. е. высшего законодательного органа, и ее задачей является осуществление надзора за соблюдением социалистической законности, борьба с нарушениями законов, защита законных прав и интересов граждан. Поэтому советская прокуратура есть мощное орудие охраны социалистической демократии, страж гарантированных Сталинской Конституцией демократических свобод. Этот демократический характер советская прокуратура имела с самого начала своего существования, когда она была создана по мысли Ленина, при непосредственном участии товарища Сталина. Но этот ее демократический характер был значительно усилен

созданием Прокуратуры СССР (в 1933 г.) и особенно с выделением прокуратуры союзных республик из состава наркомюстов союзных республик в систему Прокуратуры СССР. Завершение свое это положение находит в Сталинской Конституции СССР, согласно которой Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР, которому он и подчиняется, а ему (и только ему) подчиняются все нижестоящие звенья прокурорской системы.

Советская адвокатура — другой помощник социалистического правосудия — имеет также самое непосредственное отношение к демократизации советского суда. Ее роль особенно возрастает в связи с гарантированием Конституцией СССР права обвиняемых на защиту в суде. Но вопрос советской адвокатуры — вопрос большой и сложный и в настоящей статье рассмотрен быть не может.

Сейчас, спустя 20 лет после своего возникновения, советское правосудие в своем существе то же, каким оно было тогда, когда впервые был создан советский суд на подлинно демократических основах. Но на всем протяжении развития советского суда совершенствовались методы осуществления социалистического правосудия, оно укреплялось и развивалось, росла его роль, усложнялось и обогащалось его содержание. Советское социалистическое правосудие всегда было подлинно демократическим, каким никогда не было буржуазное правосудие, но таким демократическим, каким оно делается сейчас, оно никогда не было раньше и в СССР. И именно таким оно встречает двадцатую годовщину создавшей его Великой пролетарской социалистической революции.

С. ГОЛУНСКИЙ

Прокуратура социалистического государства

«Вопрос о прокуратуре вызвал разногласия в чеккистской комиссии, назначенной для руководства работами сессии ВЦИК, — писал Владимир Ильич товарищу Сталину в своем известном письме о «двойном» подчинении и законности, — если эти разногласия не вызывают автоматического перенесения вопроса в Политбюро, то я, со своей стороны, считаю вопрос настолько важным, что предлагаю перенести его на решение Политбюро»¹.

Ленин придавал таким образом вопросу о прокуратуре большое политическое значение, предвидя ту особую роль, которую придется играть прокуратуре в борьбе за социалистическое строительство.

В капиталистических государствах прокуратура всегда была ничем иным, как одним из звеньев полицейского аппарата, связывавших этот аппарат с аппаратом судебным. Вот почему функции полиции и прокуратуры капиталистических стран переплетаются между собой

самым причудливым образом не только в стадии предварительного расследования уголовных дел (это было бы еще понятно), но и в стадии судебного рассмотрения этих дел.

«Рядом с обыкновенным обвинителем правосудия должно было поставить еще необычного, — писал Маркс по поводу Кельнского процесса коммунистов, — рядом с прокуратурой полицию, рядом с Зедтом и Зеккендорфом — Штибера с его Вермутом, с его Фогелем, Грейфом и Гольдгеймом. Вмешательство в суд третьей государственной власти стало неизбежным, чтобы чудодейственными силами полиции постоянно доставлять юридическому обвинению факты, за тенью которых оно тщетно гонялось. Суд так хорошо понял это положение, что председатель, судья и прокурор с похвальной покорностью попеременно уступали свою роль полиции-советнику и свидетелю Штиберу и постоянно прятались за его спиной»¹.

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 298.

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 505.

«Кто мог бы на этом суде заинтересоваться общественной стороной дела и постараться выставить ее со всей выпуклостью? — писал Ленин по поводу процесса об убийстве Воздухова в полицейском участке: — Прокурор? Чиновник, имеющий ближайшее отношение к полиции, — разделяющий ответственность за содержание арестантов и обращение с ними, — в некоторых случаях даже начальник полиции?»².

«Тащить и не пущать» — к этому, в конце концов, сводились задачи прокуратуры капиталистических стран, и в этой области она накопила колоссальный опыт.

Задачи советской прокуратуры, прокуратуры социалистического государства с самого начала не имели ничего общего с этими «пришибевскими» функциями.

Советская прокуратура вместе с органами НКВД и с судебными органами, конечно, является острым оружием диктатуры рабочего класса в борьбе с прагами социализма.

Найти и разоблачить этих врагов, нанести им сокрушительный удар — важнейшая задача прокуратуры социалистического государства.

Но эти удары она наносит не лучшим, передовым представителям народных масс, как это делала и делает поныне прокуратура капиталистических стран, в особенности стран фашистской диктатуры, а злейшим врагам народа, фашистским шпионам и диверсантам и их агентуре из среды троцкистско-бухаринских банд, бандитам и хулиганам, вора и зарвавшимся бюрократам. Поэтому при выполнении этих ответственных обязанностей советская прокуратура не только не противопоставляет себя всему советскому трудовому народу, а непосредственно опирается на народные массы, повседневно борется за насущные интересы трудящихся.

Это коренное отличие советской прокуратуры от прокуратуры любой капиталистической страны сказывается на всей ее деятельности, на ее конкретных задачах, на ее организационной структуре, на методах ее работы.

Во всяком классовом обществе закон есть выражение воли господствующего класса. Поэтому, отстаивая закон, прокуратура отстаивает тем самым и интересы этого класса. Но законы внутреннего развития капиталистического общества таковы, что на определенной ступени этого развития интересы господствующего класса приходят в противоречие с его собственным законодательством. Обострение классовой борьбы в недрах капиталистического общества создает такое положение, при котором буржуазия уже не в состоянии защищать свои позиции в этой борьбе в рамках своей же буржуазной законности. В статье «Два мира», написанной в ноябре 1910 г., Ленин писал: «Эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, при чем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и на-

чинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности»¹.

Для буржуазной прокуратуры это означало, что она из охранителя закона и законности (само собою разумеется, буржуазной законности) должна была превратиться (и превратилась) в орган ликвидации этой законности. В условиях фашистской диктатуры прокуратура превращается в орган неприкрытого произвола.

В социалистическом государстве закон впервые становится действительным выражением воли громадного большинства народа. Согласно Сталинской Конституции законом являются решения Верховного Совета Союза ССР или союзной республики, то есть органа, избранного на основе действительно всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании.

В условиях социалистического общества немалым, чтобы выраженная в законе воля большинства народа стала в противоречие с его действительными интересами. Поэтому у нас не может создаться такого положения, чтобы государственная власть оказалась вынужденной пытаться избавиться от ею же созданной законности. Законы, конечно, могут меняться и без сомнения будут меняться по мере нашего приближения ко второй фазе коммунизма, но такого положения, чтобы государственная власть стремилась обойти, нарушить ею же созданный закон, лицемерно сохраняя действие этого закона, быть не может.

Поэтому задачи прокуратуры как блюстителя закона в наших условиях никогда не могут оказаться в противоречии с задачами прокуратуры как органа обвинительной власти, как органа, призванного выявлять и разоблачать преступников.

Преступление в условиях социалистического общества всегда есть нарушение закона. И наоборот, лицо, соблюдающее законы советского социалистического государства, никогда не может быть поставлено в положение преступника. С первого взгляда это положение может показаться ничего не говорящим трюизмом, может показаться, что и в условиях капиталистического общества преступление всегда есть нарушение закона.

На самом деле, разве десятки буржуазных курсов уголовного права не определяют преступление как «деяние, запрещенное в момент его совершения законом под страхом наказания?» Но в том-то и дело, что на практике это далеко не так.

Ни для кого не было сомнений в том, что Дрейфус не нарушал закона о государственной тайне и не занимался шпионажем, ни для кого не было сомнений в том, что Бейлис не убивал Ющинского, что Маркс не был виновен в тех действиях, которые приписывали ему на Кельнском процессе, что Ленин в июле 1917 г. не был инициатором известных событий в Ленинграде, и т. д. Однако во всех этих случаях, хотя не было никакого нарушения

² Ленин, т. IV, стр. 84—85.

¹ Ленин, т. XIV, стр. 381.

закона, прокуратура воюет с уголовным преследованием, инсценировала судебные процессы, поддерживала на них обвинение и в ряде случаев добивалась обвинительного приговора.

И все эти процессы слушались в обыкновенных судах с соблюдением всех процессуальных гарантий. Что же делалось в многочисленных чрезвычайных судах даже в эпоху расцвета буржуазной демократии, в судах, специально созданных для того, чтобы осуждать людей, которых обыкновенные (даже буржуазные) суды не осудили бы?

«Временное» осадное положение дает коменданту или генералу... — писали Маркс и Энгельс в 1849 г., — право временно отменять обыкновенные суды, временно вводить военные суды, которые тоже временно приговаривают к смертной казни и временно приводят в исполнение смертные приговоры в течение 24 часов. Но «правовая почва» все же спасена... и да здравствует правовая почва! Наше единственное скромное желание при этом заключается в том, чтобы над сторонниками правовой почвы прежде всего были испробованы временные казни именем бога и его христианско-германского вассального величества»¹.

Таким образом, даже в условиях буржуазной демократии «преступником» далеко не всегда является тот, кто нарушил действующий закон. О том, каково положение в этом отношении в условиях фашизма, всем достаточно хорошо известно.

Поэтому в капиталистических странах роль прокуратуры, как органа, наблюдающего за законностью, отступает на задний план перед ее полицейско-обвинительными функциями; сплошь и рядом, осуществляя эти функции, прокуратура сама нарушает закон.

Прокуратура социалистического государства в первую очередь — блюститель закона, охранитель выраженной в этом законе воли трудового народа Советского Союза.

«Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»².

Эта задача была поставлена перед советской прокуратурой с первого дня ее организации. Эта задача стоит перед ней и сейчас. С утверждением новой Сталинской Конституции значение прокуратуры как органа, осуществляющего надзор за соблюдением закона, еще более возросло. «Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было», — сказал товарищ Сталин на чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов 25 ноября 1936 г. А стабильность законов означает не только то, что недопустимо поспешное, легкомысленное изменение законов, не вызываемое изменениями в экономике и в уровне социального развития страны.

Требование стабильности законов означает также, что недопустимо нанизывать без необ-

ходимости на закон всякого рода ведомственные разъяснения и циркуляры, сплошь и рядом искажающие прямой смысл закона, недопустимо обволакивать закон всякого рода местными распоряжениями, изданными под предлогом «местных особенностей», недопустимо игнорировать закон, когда соблюдать его по-чему-либо не хочется. Борьба за стабильность закона в этом широком смысле — обязанность прокуратуры.

Эту почетную обязанность советская прокуратура осуществляет всеми доступными ей средствами. Вся деятельность прокуратуры представляет собой одно гармоническое целое и направлена к единой цели. Всякая попытка противопоставить задачи прокуратуры как органа обвинительной власти ее задачам как органа охраны законности, как органа защиты прав трудящихся явилась бы грубейшим извращением самой сущности советской прокуратуры.

Возбуждая, например, уголовное преследование против троцкиста-диверсанта, руководя расследованием по этому делу, выступал по нему обвинителем на суде, прокурор все время действует как блюститель социалистической законности, как охранитель прав трудящихся.

«Я обвиняю не один! — сказал Т. Вышинский, заканчивая свою обвинительную речь по делу антисоветского троцкистского центра, — я обвиняю вместе со всем нашим народом» (Процесс антисоветского троцкистского центра. Юридическое изд-во, 1937 г. стр. 214). В этих словах, сказанных в завершение обвинительной речи по делу о важнейших государственных преступлениях, ярко подчеркнута особое положение прокурора-обвинителя в социалистическом государстве, положение, которого никогда не занимал ни один прокурор ни в какой другой стране, положение представителя народа, защищающего его от злейших врагов.

Охраняя права трудящихся, разбирая их жалобы, опротестовывая незаконные действия зарвавшегося бюрократа, не желающего считаться с законом социалистического государства, прокурор продолжает ту же самую деятельность, разрушает ту почву, почву беззакония и произвола, на которой так удобно строить любые козни против государства победившего социализма. Недаром Ленин еще в 1919 г. в письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком говорил, что всякое нарушение советского закона есть уже дыра, которую используют враги рабочих и крестьян. Недаром враги всех мастей и оттенков, начиная с троцкиста Родена-Рубинштейна и кончая двурушником и вредителем Панукиным и его приспешниками, стремились дискредитировать социалистическую законность и создать вместо нее культ произвола.

Произвол выгоден врагам народа, так как он дезорганизует государственный аппарат, расшатывает основы советской демократии, вызывает недовольство со стороны тех, кто стал жертвами этого произвола, создает почву для любых антипартийных и антисоветских вылазок. Борьба с произволом всеми способами, предоставленными ей законом, — задача прокуратуры. Значение этой задачи не меняется

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VII, стр. 374.

² Ленин, т. XXVII, стр. 299.

от того, в какой форме выразился произвол, в какой форме произошло нарушение закона в том или ином отдельном случае. Поэтому нельзя делить функции прокуратуры на политически важные и политически неважные. Среди некоторых работников прокуратуры еще держится пренебрежительное отношение к таким обязанностям прокурора, как работа по жалобам, как надзор за законностью действий местных органов власти и т. п. Куда «эффектнее», рассуждают такие работники, поймать какого-нибудь диверсанта, выступить обвинителем по его делу, чем корпеть над жалобами о неправильном увольнении, о невыплате зарплат, о незаконном выселении и т. п.

Рассуждающие таким образом работники не понимают того, что любая из этих «неважных» жалоб может привести их к раскрытию важнейших государственных преступлений, что подготовка диверсионных актов сплошь и рядом начинается с незаконных увольнений неудобных для диверсантов лиц и с замены их своими людьми. Расследуя жалобу на неправильное увольнение, прокурор, при должной бдительности с его стороны, нередко может предотвратить серьезнейшее преступление.

В том-то и заключается основное отличие прокуратуры социалистического государства от прокуратуры капиталистических стран, что она действует не против масс, а вместе с массами и опираясь на массы, что, борясь с нарушением прав отдельного гражданина, выполняет тем самым дело общегосударственного значения. Для прокурора капиталистического государства нарушение прав того или иного гражданина важно только в том случае, если это нарушение грозит интересам всего господствующего класса или отдельных представителей этого класса.

Если, например, бастующие рабочие нарушают «права» владельца предприятия, прокурор, конечно, найдет в этом серьезные основания для своего вмешательства. Но если владелец предприятия уволит рабочего, если домовладелец выбросит его на улицу или произойдет что-либо подобное, прокурор останется в стороне. Пусть пострадавший сам защищает свои права, как умеет.

Прокурор социалистического государства не может оставаться равнодушным ни к какому нарушению прав советского гражданина, так как всякое такое нарушение есть посягательство на социалистическую законность, охрана которой — его важнейшая обязанность.

Отсюда — широкие полномочия прокурора в области надзора за действиями административных органов власти и в области участия в гражданском процессе, полномочия, которыми не обладает прокуратура капиталистических государств.

Сразу же после Великой Октябрьской революции государство рабочих и крестьян назвало свою республику социалистической.

«Мы обязаны сказать, что наша Республика Советов есть социалистическая, — говорил Ленин на III всероссийском съезде советов в январе 1918 г. — потому что мы на этот путь вступили, и слова эти не будут пустыми словами».

За 20 лет, протекавшие с тех пор, как были сказаны эти слова, Республики советов, руководимые коммунистической партией во главе

с Лениным и Сталиным, ни на шаг не свернули с этого пути. Вся напряженная классовая борьба, которую вел за эти 20 лет рабочий класс Союза ССР, была борьбой за социализм, как бы ни изменялись конкретные формы этой борьбы, и советская прокуратура с первых же дней своего возникновения была одним из орудий рабочего класса в этой борьбе, была прокуратурой социалистического государства.

Многочисленные извращения марксизма-ленинизма в области права, как сознательно протаскивавшиеся вредителями вроде Пашуканиса, так и ошибки со стороны многих наших товарищей не могли не отразиться и на оценке роли и значения советской прокуратуры. Раз советское право — буржуазное право, то и советская прокуратура — буржуазная прокуратура. Правда, прямо этого никто не сказал, но такой вывод должен был с неизбежностью вытекать из основного положения о буржуазном характере советского права и советской законности вообще, протаскивавшегося всеми большими и малыми вредителями на правовом фронте. Нелепость этого положения и его контрреволюционный характер теперь, когда уже снимаются леса со здания социализма, когда контуры этого здания предстают перед нами во всей своей красоте, очевидны для всех. Очевидно, что советская прокуратура эпохи Сталинской Конституции — прокуратура социалистического государства, отличающаяся как небо от земли, от прокуратуры любой капиталистической страны. Но для некоторых это столь очевидно, что и с первых дней своего возникновения советская прокуратура была социалистической и по своей структуре, и по своим задачам, и по методам своей работы.

По своей структуре советская прокуратура с первого же дня ее возникновения была теснейшим образом связана с руководящим центром государственного аппарата диктатуры рабочего класса, с Центральным исполнительным комитетом советов и с руководящими центрами передовой организации авангарда рабочего класса, коммунистической партии в лице ЦК и ЦКК.

«В центре же, — писал Ленин в уже цитированном выше письме Сталину, — мы должны найти около десяти человек, которые будут осуществлять центральную прокурорскую власть... Эти десять человек, находясь в центре, работают под самым близким наблюдением и в самом непосредственном контакте тремя партийными учреждениями, которые представляют из себя максимальную гарантию против местных и личных влияний имени Оргбюро ЦК, Политбюро ЦК и ЦКК»¹.

Уже одна эта организационная структура прокуратуры являлась порукой ее социалистического характера. Сомневаться в этом, значило бы сомневаться в том, что партия ее ЦК вели страну к социализму.

Задачи прокуратуры в первый период после ее организации определил товарищ Сталин в своем докладе об итогах первой пятилетки характеристику революционной законности первого периода эпохи: «Революционная законность первого периода эпохи обращала своим острием главным образом против кра-

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 300.

ностей военного коммунизма, против «незаконных» конфискации и поборов. Она гарантировала частному хозяину, единственному, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов»¹.

Проводить эту революционную законность, бороться всеми способами за ее осуществление было основной задачей вновь созданной прокуратуры. Трактовать эти задачи как не социалистические, а буржуазные, значит трактовать неп вообще как простую капитуляцию перед капитализмом, то есть становиться на явно троцкистскую «термидорианскую» точку зрения. Поскольку же неп был политикой диктатуры рабочего класса, направленной на построение фундамента социалистического общества, постольку и задачи советской прокуратуры в этот период, задачи — обеспечить условия для успешного проведения этой политики — были социалистическими по существу. Прокуратура в ту эпоху служила делу социализма и тогда, когда она предъявляла в порядке ст. 2 ГПК иск о расторжении кабальной сделки между кулаком и бедняком в деревне или привлекала к уголовной ответственности непмана за нарушение трудового законодательства, и тогда, когда она опротестовывала незаконную конфискацию у того же непмана его имущества местными органами власти. Делить задачи прокуратуры той эпохи на социалистические в одной части и буржуазные — в другой, столь же недопустимо, как рассматривать советское право этого периода, как это делали авторы «Курса советского хозяйственного права», как право буржуазное со вкрапленными в него отдельными советскими правовыми нормами.

Прокуратура советских республик была с самого начала социалистической и по методам своей работы, так как с первых же шагов она проводила эту работу, опираясь на массы и через массы. Прошло всего полгода с момента организации прокуратуры, как директором Центральной прокуратуры РСФСР № 1 в 1923 г. был создан институт общественных обвинителей, первая организационная форма непосредственного участия широких трудящихся масс в деятельности прокуратуры, форма — неизвестная ни в одном капиталистическом государстве.

В 20-ю годовщину Великой Октябрьской революции, всего на несколько месяцев не совпадающую с 15-й годовщиной советской прокуратуры, работники прокуратуры имеют все основания с удовлетворением оглянуться на пройденный ими путь и сказать, что в великом здании социализма есть кирпичи, положенные и их руками. Но оглядываясь назад, нельзя забывать о том, что предстоит впереди.

Социализм осуществлен на деле, создано государство, в котором нет эксплуатации человека человеком, в котором нет хищничества ростовщиков и спекулянтов, в котором нет нищеты и безработицы. Но еще существует капиталистическое окружение, для которого социалистическое государство уже одним фактом своего существования представляет грозную опасность, тем более грозную, чем больше успехи социалистического строительства, чем разительнее разница между условиями жизни трудящихся при социализме и при капитализме.

Разбиты вдребезги эксплуататорские классы внутри СССР, но не все люди, входившие в состав этих классов, вымерли или перевоспитались. Еще есть отдельные немногочисленные представители бывших эксплуататоров, которые до сих пор не могут забыть своих прежних привилегий, до сих пор таят злобу против нового, социалистического строя. Их очень немного. Но, как сказал товарищ Сталин на февральском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., «чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не больше».

Неизмеримо выросла политическая сознательность и культурный уровень народных масс. Но еще не вполне изжиты остатки частнобывеннической психологии, рвачество и лодырничество, мелкобуржуазная распушенность и некультурность.

Все эти остатки старого умирающего мира ведут отчаянную борьбу с новым общественным и государственным строем растущего социалистического общества.

Борьба со всеми этими враждебными силами — устранение на основе Сталинской Конституции и широкой советской демократии всех препятствий с пути нашего социалистического общества ко второй фазе коммунизма является теперь основной задачей прокуратуры социалистического государства.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 509.

Предварительное следствие за 20 лет

Наша страна, страна победившего социализма, подводит итоги двадцатилетнего существования диктатуры пролетариата, итоги побед и завоеваний первого в мире пролетарского государства.

Под руководством великой партии Ленина—Сталина рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством, свергнув власть капиталистов и помещиков, на протяжении двадцати лет, в ожесточенных боях с врагами героически отстаивал завоевания Великой пролетарской революции и успешно строил и строит новое, социалистическое общество, победоносно осуществляя на одной шестой части мира лучшие чаяния великих умов человечества.

Беспредельны победы и грандиозны завоевания трудящихся нашей страны! Они записаны в величайшем документе нашей эпохи, самой демократической во всем мире — великой Сталинской Конституции.

Нельзя забывать, что победы социализма в нашей стране не дались легко и что борьба не прекращается, а усиливается.

Надо помнить указания товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) по вопросу о гнилой теории затухания классово-вой борьбы.

«Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью. Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных»¹.

В свете этого особо повышается роль и значение всех органов диктатуры пролетариата и, в частности, суда и прокуратуры.

Особенности классовой борьбы требуют большого умения, искусства найти и разоблачить классового врага, тщательно маскирующего свои преступления против пролетарского государства. Выполнение этих задач во многом зависит от работников следствия, от того, насколько они будут удовлетворять предъявляемым к ним требованиям, насколько они будут обладать необходимыми знаниями, насколько искусно они будут вести расследование.

Отсюда понятно огромное значение и роль предварительного следствия.

***

Прежде чем перейти к изложению этапов развития советского предварительного следствия, мы считаем необходимым предпослать

краткий исторический обзор развития предварительного следствия в царской России.

Зарождение института следователей относится к далекому прошлому, когда обвинительный процесс уступил место инквизиционному (зисскому) процессу.

В царской же России до 1860 года все следствие было сосредоточено в руках полиции, причем закон прямо запрещал возлагать ведение следствия на работников судебных учреждений. Лишь 8 июня 1860 г. были учреждены должности судебных следователей, на которых было возложено ведение предварительного следствия, обособленного от полицейского знания.

Организация института судебных следователей была полностью позаимствована из французского уголовного процесса, с тем, однако, различием, что работа судебных следователей царской России была организована на основе принципов инквизиционного, а не состязательного процесса.

По судебной реформе 1864 г. все судебные следователи были прикреплены к окружным судам и ограничены в своих действиях определенными следственными участками. Законом 1870 г. сначала в Петербурге и Москве, а потом и в ряде других городов (всего в 14 городах) были созданы еще должности судебных следователей по особо важным делам, которые, не будучи ограничены определенными участками, вели предварительное следствие по политическим делам и являлись правой рукой царских жандармов и прокуроров. Наряду с этим, при каждом окружном суде состоял один следователь по важнейшим делам, называемый министром юстиции.

Руководство деятельностью судебных следователей осуществлялось прокурорами, на обязанности которых лежало составление обвинительного заключения, однако, жалобы и действия следователей приносились окружному суду, хотя бы эти действия были произведены следователем по предложениям прокурора. Тем самым прокуратура ставилась в отношении к суду в подчиненное положение.

Судебные следователи были тесно связаны с полицией и жандармерией, которые обязаны были оказывать им всевозможное содействие в исполнении их поручения и предложения. Однако это уже в достаточной степени характеризует классовую природу предварительного следствия царской России.

Институт судебных следователей под покровом «судебной независимости» был и оставался верным слугой царизма и ретиво защищал интересы буржуазии.

Февральская революция не внесла никаких изменений в систему предварительного следствия.

Организованная временным правительством комиссия «для восстановления основных положений судебных уставов и согласования их с происшедшей переменной в государственном устройстве» ограничила свою деятельность в части предварительного следствия лишь п

¹ И. Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1937 г., стр. 23.

становкой вопроса о переименовании судебных следователей в следственных судей, сохранив институт судебных следователей по важнейшим делам — этих верных сатрапов царизма.

В таком положении находился следственный аппарат к моменту Октябрьского переворота.

***

Великая Октябрьская пролетарская революция уничтожила классовое господство буржуазии и утвердила пролетарскую диктатуру.

Задачей новой, советской власти была беспощадная борьба против эксплуататоров и против всего, порождающего капиталистическую эксплуатацию. Для проведения этой борьбы не могли, конечно, быть пригодны ни государственный аппарат буржуазии, ни ее законы.

«Диктатура пролетариата не может возникнуть как результат мирного развития буржуазного общества и буржуазной демократии, — она может возникнуть лишь в результате слома буржуазной государственной машины, буржуазной армии, буржуазного чиновничьего аппарата, буржуазной полиции»¹.

Поэтому одним из первых шагов победившего пролетариата было уничтожение, слом всего государственного аппарата буржуазной власти, в том числе и всего аппарата буржуазной юстиции, которая по характеристике Ленина была «слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»².

Советская власть сломала аппарат старого буржуазного суда. Как указывал Владимир Ильич в своем докладе на III всероссийской съезде советов, «советская власть поступила так, как завещали поступать все пролетарские революции, — она отдала его сразу на слом. Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда...»³.

Сломав весь аппарат буржуазной юстиции с ее законами, пролетарская революция приступила к созданию нового судебного аппарата пролетарской диктатуры и новых революционных законов.

Победившему пролетариату впервые пришлось строить свой суд. Многие приходило пробовать, отбрасывая в процессе дальнейшего строительства немало форм и учреждений, оказавшихся неудовлетворительными или даже негодными для выполнения тех задач, которые перед своим судом ставила пролетарская диктатура. Менялись и организационные формы и методы предварительного следствия.

Еще до издания советским правительством первых законов о суде в ряде мест, начиная с первых чисел ноября 1917 г., были созданы временные революционные суды, судьями в которых были рабочие и солдаты.

Следствие в то время проводилось следственной комиссией районного совета (Ленин-

град) или судебно-следственной комиссией военно-революционного комитета (Москва).

Первый закон советской власти о суде — декрет о суде № 1, опубликованный 24 ноября 1917 г., осуществляя ломку старого института судебных следователей, уже намечает новые организационные формы и методы предварительного следствия.

Декрет о суде № 1 (Собр. узак. 1917 г. № 4, ст. 50), касаясь следственного аппарата и предварительного следствия, говорит: «Упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора...

... Впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично, причем постановления их о личном задержании и предании суду должны быть подтверждены постановлением всего местного суда».

Этим же декретом были образованы особые следственные комиссии для производства предварительного следствия по делам, подлежащим ведению революционных трибуналов.

«Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер опражнения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц, учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими советами р., с. и кр. депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же советах образуются особые следственные комиссии.

Все следственные комиссии, донныне существовавшие, отменяются, с передачей дел и производств во вновь организуемые при советах следственные комиссии».

Уже в марте 1918 г. декрет о суде № 2 (Собр. узак. 1918 г. № 26, ст. 347) устанавливает создание следственных комиссий из трех лиц, избираемых впредь до назначения прямых выборов советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. На эти следственные комиссии было возложено производство предварительного следствия по уголовным делам, превышающим подсудность местного народного суда. Иначе говоря, по делам, по которым наказание превышает два года лишения свободы.

Принцип гласности расследования, установленный декретом о суде № 1, оставался неизменным, с той только разницей, что участие защиты в стадии предварительного следствия могло быть ограничено по постановлению следственной комиссии, если того требовали интересы раскрытия истины, причем постановления следственной комиссии по этому вопросу могли быть обжалованы в окружной народный суд.

В дальнейшем функции следственных комиссий расширяются, и на следственные комиссии возлагается производство предварительного следствия по более сложным делам, подсудным местному народному суду. (Декрет о суде № 3, Собр. узак. 1917—1918 гг. № 52, ст. 589).

Положение «О народном суде Российской Социалистической Советской Республики»

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 1-й изд.

² Ленин, т. XXII, стр. 212.

³ Ленин, там же.

(Собр. узак. 1918 г. № 85, ст. 889) уточняет функции следственной комиссии и определяет организационную структуру предварительного следствия (следственные участки, состав следственных комиссий и т. д.).

Таким образом, к концу 1918 г. предварительное следствие, за небольшим исключением, было организовано на коллегиальных началах и было сосредоточено в следственных комиссиях, разрешавших все вопросы следствия, вплоть до предания суду и заключения обвиняемого под стражу. Следственные комиссии действовали гласно, с вызовом обвиняемого и допущением сторон, с прениями сторон, иногда и с вызовом в заседание следственных комиссий и свидетелей.

Предварительное следствие по делам, подсудным революционным трибуналам, производилось следственной комиссией трибунала, причем ст. 7 декрета «О революционном трибунале» от 4 мая 1918 г. («Известия ВЦИК» № 97, от 17 мая 1918 г.) специально оговаривает, что следственная комиссия революционного трибунала разрешает все вопросы следствия в закрытых заседаниях.

Как известно, первоначальный проект декрета о революционных трибуналах, внесенный на утверждение СНК 30 марта 1918 г. наркомом юстиции П. И. Стучка, подвергся резкой критике со стороны Ленина.

В письме «членам коллегии Наркомюста» Ленин указывал: «Декрет о советских трибуналах, по моему мнению, совершенно неправилен и подлежит коренной переделке». Ленин предлагал «вместо обращения внимания на реформы учреждений, реформы мелкие или почти словесные («трибуны»), надо обратить внимание на практические результаты работ коллегии Юстиции в деле создания действительно революционного, скорого и беспощадно строгого к контр-революционерам, хулиганам, подырям и дезорганизаторам суда»¹.

Переработанный на основе специальных указаний Ленина декрет о революционном трибунале, приведенный выше, ликвидировал вредные извращения, которые были внесены левыми эсерами.

Принцип коллегиальности предварительного следствия был сохранен до марта 1920 г. Однако уже в 1919 г. трибуналам было предоставлено право выносить приговоры по делам, расследованным органами ЧК, а «Положение о ревтрибуналах» от 27 марта 1920 г. («Известия ВЦИК» 1920 г., № 67) упразднило коллегиальное начало в расследовании дел подсудных революционным трибуналам. Вместо следственных комиссий и следователей производство расследования возлагалось по делам, подсудным трибуналам, на органы ЧК.

В состав трибуналов выделялись специальные следователи-докладчики для подготовки дел к судебному рассмотрению.

Состоявшийся в июне 1920 г. III съезд деятелей юстиции высказался за полное упразднение коллегиальности в расследовании, ликвидацию следственных комиссий и построение следовательского аппарата по принципу единоначалия.

Следственные комиссии было предложено заменить единоличными народными следова-

телям: а) районными, которые избираются губисполкомами и состоят в ведении губисполкомов, б) следователями по важнейшим делам при отделах юстиции, которые назначаются последними и утверждаются НКЮ, в) следователями по важнейшим делам при НКЮ.

Положением Наркомюста «О местных органах юстиции» от 21 августа и постановление ВЦИК от 21 октября 1920 г. (Собр. узак. 1920 г. № 831, ст. 407) окончательно устанавливается единоличный следователь, учреждается институт народных следователей, состоящий в ведении совета народных судей, особые следователи по важнейшим делам, состоящие при отделах юстиции, и следователи по важнейшим делам, состоящие при Народном комиссариате юстиции.

Необходимо отметить, что хотя следственный аппарат с самого начала учреждения института народных следователей и старших (особые следователи по важнейшим делам) следователей состоял при судах, однако, народный следователь никогда не занимал того положения, что следственный судья в буржуазном процессе.

Теория «следовательской независимости», так усердно пропагандируемая буржуазным правом, является не чем иным, как лицемерным прикрытием классово-буржуазного характера следственного аппарата в капиталистическом государстве.

Мы же, не жуящая ни в каких фикциях, открыто провозглашая классовый характер нашей юстиции, и в том числе своего следственного аппарата, решаем вопрос об его организационном построении исключительно с точки зрения создания наиболее целесообразных условий его работы и обеспечения максимальной оперативности этого аппарата.

Построение нашего следственного аппарата с момента организации в 1922 году советской прокуратуры исходило из принципа ответственности прокуратуры за качество предварительного расследования, а это требовало такой организации руководства работой следователей, которая могла бы обеспечить максимальную оперативность.

Совершенно неправильным, конечно, было сосредоточение в руках одного органа и производства предварительного расследования и решения вопроса о предании суду, т. е. проверки качества этого расследования. Такой порядок неизбежно влек бесконтрольность расследования, что самым отрицательным образом отражалось на интересах следствия, а следовательно, на интересах государства и самих трудящихся.

Этим и следует объяснить очень скоро обнаружившуюся тенденцию изъять следовательский аппарат из ведения судов и передать в исключительное ведение прокуратуры. Уже на V съезде работников юстиции в 1924 г. был поставлен вопрос об установлении между органами дознания, следователем и прокурором такой органической связи, как между звеньями одной и той же системы. Однако в это время это предложение встретило большое сопротивление, в результате чего было принято решение, оставившее следовательский аппарат в системе суда, но усилившее руководство

¹ XXI Ленинский сборник, стр. 219.

следствием со стороны прокуратуры. Эта нерешительность имела отрицательные последствия как в части повышения квалификации нашего следственного аппарата, так и в части качества его работы, так как фактически при системе двойного подчинения следственный аппарат еще некоторый период оставался без хозяина. Лишь 3 сентября 1928 года постановлением ВЦИК были внесены изменения в судостроительство, в силу которых следственный аппарат был изъят из судебных органов и передан в прокуратуру.

В тот же период следственный аппарат был передан прокуратуре и в других союзных республиках. Наконец, 24 апреля 1929 года постановлением ЦИК СССР были изъят из ведения Верховного Суда СССР бывшие при нем следователи по важнейшим делам, которые были переданы Прокуратуре Верховного Суда СССР. Этим постановлением правительства было закреплено организационное построение следственного аппарата в системе органов прокуратуры, а этим самым была создана независимость следователя от суда в административном отношении, что создало большие гарантии, с одной стороны, объективного расследования, с другой стороны — более объективного рассмотрения дела судом.

Таким образом к 1929 году, казалось, имелись все предпосылки к резкому улучшению предварительного следствия. Однако в ближайшие годы не только не было достигнуто повышения качества следствия, но последнее даже ухудшалось.

Оглядываясь назад и анализируя причины, приведшие в период 1929—1933 гг. к снижению качества следствия, надо прийти к заключению, что одной из причин несомненно являлось обезличенное положение, в котором находились следователи, безнадзорность следствия, явно недостаточное внимание, которое уделялось прокурорами вопросам руководства следствием, этому важнейшему участку их работы. Но не это, конечно, являлось основной причиной упадка следствия и потери значительной части основных кадров наших следователей. Надо вспомнить, что этот период был знаменателен левыми настроениями в области отношений к процессуальным требованиям советского закона, покоившимися на контрреволюционных, троцкистских извращениях в области теории советского права, что привело к так называемому «упрощенству», к сведению чуть ли не к нулю значения следствия, а также к превращению следователей в порученцев прокурора, технических исполнителей, «вьючных лошадей». Все это вместе взятое неминуемо привело к ухудшению следственных кадров и понижению качества следствия.

Многим прокурорско-следственным работникам хорошо памятен «знаменитый» циркуляр № 93 Наркомюста РСФСР от 5 июля 1929 г., которым предлагалось буквально следующее: «Возбуждение уголовного преследования и принятие дела к своему производству должно оформляться в виде резолюции милиционера, или следователя, или прокурора на поступившей жалобе, заявлении или переписке: «возбудить уголовное преследование по такой-то статье УК», конечно, когда есть для этого основание».

Далее этим же циркуляром предлагалось со-

кратить списки свидетельских показаний и идти по пути дальнейшего упрощения, выделять дела, по которым расследование вообще является излишним, причем к числу таких тем были отнесены и дела о бытовых убийствах. По этим делам предлагалось ограничиться составлением одного протокола, «оформляющего» событие преступления, с указанием в нем лиц, которые смогут быть свидетелями. Этот универсальный протокол, заменяющий предварительное следствие, предлагалось направлять непосредственно в суд.

После этого циркуляра НКЮ РСФСР на страницах журнала «Советская юстиция» появилось немало «рационализаторских» предложений, рекомендовавших, например, в целях экономии бумаги, вообще не писать отдельных постановлений и протоколов, в том числе и протокола объявления об окончании следствия, а объединять все это в одном документе, не составлять даже отдельных протоколов допроса свидетелей, а заменить это составленным следователем «докладом» или «обзором», вообще упразднить составление протоколов обысков, предоставить органам расследования право по целому ряду преступлений «не заводить производства, если нет определенных указаний на совершившего преступление». Это последнее положение, возлагавшее на заявителя тяжесть установления виновных, предлагалось внести в УПК.

Были и иные подобные приведенным, нередко прямо абсурдные, по существу контрреволюционные «рационализаторские» предложения, которые печатались в официальном журнале работников юстиции, а на основе этого кое-где на местах ретивыми «рационализаторами» проводились в жизнь, не ожидая специальных директив, а лишь исходя из духа циркуляра № 93 и наплевательского отношения к советскому закону.

Любопытнее всего то, что эти «новеллы» преподносились под маркой стремления улучшить качество следствия, но приводили, конечно, к обратным результатам.

Естественно, что в результате всего этого встал логически вытекавший из всего происходившего вопрос о ликвидации следственного аппарата, причем и этот вопрос вполне серьезно в течение длительного периода дискутировался на страницах журнала «Советская юстиция».

Все это привело к упадку следствия, к потере следователем своего места в общей системе судебно-прокурорских органов. Игнорируя требования процесса, вместе с тем следователи предавали забвению и научные методы расследования, и все требования техники, тактики и методики расследования. В большинстве случаев в этот период следствие велось кустарно, самотеком.

Для характеристики состояния предварительного следствия в этот период можно указать, что следователи почти перестали заниматься предварительным расследованием, превратившись в буквальном смысле этого слова в порученцев прокурора. Предварительное же расследование почти полностью легло на плечи органов милиции, не обладавших достаточно подготовленными для этого кадрами.

Там же, где все таки и следователи вели предварительное следствие, качество последне-

го не на много отличалось от расследования, производимого милицией, что являлось следствием ликвидаторских настроений и связанного с этим назначения на должности следователей кого похуже, кто не годился на должности прокуроров. Это достаточно ярко иллюстрируется следующими данными с составом следовательских кадров по пяти крупнейшим областям и краям РСФСР: на 1 января 1932 г. без правового образования — 69%, со сроком работы до 1 года — около 30%.

Такое положение привело к чрезмерно высокому проценту прекращения дел не только в стадии предварительного расследования, но и в суде. Например, в Куйбышеве из 205 дел, внесенных за первые 4 месяца 1934 года на подготовительные заседания суда, 112 дел, или 55%, было судом прекращено. Процент дел, прекращенных в стадии следствия, достигал 30—35. Так же чрезмерно велик был и процент дел, возвращаемых судами на доследование.

Не мало можно было бы привести и прямо анекдотических следственных документов, относящихся к этому периоду. Подобные печальные примеры в достаточной степени приводились на I всесоюзном совещании работников суда и прокуратуры.

В своем докладе на всесоюзном совещании т. Вышинский, детально обрисовав неприглядное состояние следствия и причины, приведшие к этому, отметил:

«Мы безобразно относились к нашим следовательским кадрам, не хранили, не накапливали, не воспитывали их» — и дальше: — «в результате — следователь у нас потерял свое лицо. Надо сказать, что следователь у нас не политический работник, а это — «делопут», как его называют, который призван путать дела. Следователь у нас — это затычка на всякий несчастный прокурорский случай, — вот что собой представляет следователь. Следователь у нас — это не следователь, а третьестепенный канцелярский работник, канцелярская крыса, обреченная на то, чтобы грызть канцелярскую бумагу...»

Конечно, такая характеристика нашего следственного аппарата, лимитировавшего работу всех наших судебно-прокурорских органов, требовала каких-то особых и срочных мер для быстрой ликвидации всех последствий упрощенства и поднятия следствия на должное место.

Переломным моментом в отношении к значению следствия и к роли нашего советского следователя, несомненно, явилось I всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры, состоявшееся в апреле 1934 года. Однако и до этого уже были предприняты некоторые шаги в этом направлении. Сюда прежде всего надо отнести созыв по инициативе Прокуратуры РСФСР в первой половине 1933 года первой всероссийской конференции-курсов народных следователей.

На эту конференцию впервые были созваны народные следователи из различных уголков РСФСР. Здесь впервые было сказано о значении следствия и роли следователя как специалиста в области расследования. Способствуя оживлению мысли следователя, конференция-курсы в то же время заострила вопрос на по-

вышении квалификации, на необходимости вооружения следователей знаниями из области уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Нельзя не отметить и определенную положительную роль изданных в этот же период Прокуратурой республики серий первых методических писем по расследованию отдельных категорий дел.

Также не малое значение должно было иметь постановление коллегии НКЮ РСФСР от 25 августа 1933 года, в котором был четко сформулирован и точно очерчен круг обязанностей следователя. Этим постановлением была объявлена решительная борьба с использованием следователя не по назначению, и всю ширь был поставлен вопрос о необходимости решительного повышения качества следствия.

Однако это постановление, явившись известным толчком в деле улучшения следствия, не имело необходимых результатов вследствие отсутствия должного контроля исполнения и применения лишь методов «уговора» «строгитивных» прокуроров, не желавших реализовать указания НКЮ.

В результате этого к моменту созыва I всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры следствие все еще оставалось узким местом в работе судебно-прокурорских органов, и последствия упрощенства заставляли себя чувствовать.

Заострив внимание всех на вопросах состояния следствия и следовательских кадров, на вопросах необходимости срочного проведения большой работы по повышению квалификации следователей, всесоюзное совещание одновременно объявило решительную борьбу с упрощенством, крепко укоренившимся в следовательской работе, борьбу за высокое качество следствия.

Эти требования и директивы всесоюзного совещания были подхвачены и подняты на принципиальную высоту, что сыграло решающую роль в вопросах поднятия значения следствия, выкорчевывания остатков упрощенства и укрепления следовательского аппарата.

Однако последующие годы показали, что и так-то легко ликвидировать все последствия упрощенства, базировавшегося на извращениях в теории советского права, не так-то легко поднять следствие на должную высоту, не так-то легко вытащить нашего советского следователя на подобающее ему место.

В своих решениях всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры констатировало:

«Основными недостатками в работе судебных органов являются наличие политический извращений и ошибок при применении законов 7 августа, 8 декабря и т. д. (с одной стороны, смазывание политического значения этих важнейших законов, с другой стороны — увлечение массовыми репрессиями), кампанейский характер, отставание и неповоротливость низкого качества судебного расследования, упрощенство, игнорирование процессуальных требований, политическая небрежность составления приговоров, неправильная квалификация обвинения, еще не изжитая волокита и бюрократический порядок рассмотрения дел, нер-

нительность и неумение отсеивать недоброкачественно подготовленные дела, отсутствие проверки эффективности судебной работы и т. д.

Указанные выше недостатки имеют место и в области расследования, являющегося самым узким местом нашей системы. Политическая значимость и роль расследования особенно возрастают в условиях требования меткой и политически подготовленной репрессии. Качественно полноценное проведение расследования является решающим условием правильности судебной политики и высокого качества работы суда».

Для изжития всех этих дефектов, для поднятия предварительного следствия на должную высоту требовалось и требуется напряженная работа всех сил, мобилизация всех форм и методов борьбы и упорная, длительная работа в этом направлении.

За прошедшие с момента I всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры три с половиной года было затрачено немало энергии для поднятия следствия на надлежащую высоту, и эта работа не пропала даром.

Подводя итоги проделанной работе, мы можем отметить значительные успехи в деле укрепления следственного аппарата и поднятия качества его работы на уровень предъявляемых ему требований.

Ликвидация упрощенства, ликвидация так называемой «доследственной проверки», организация учебы следователей в виде регулярно созываемых курсов-конференций на местах и в центре, аттестация следователей, создание следственных отделов и методсовета при Прокуратуре Союза — вот те рычаги, которые позволили поднять следствие. За это время значительно выросла техническая база нашего следственного аппарата. Создание при Прокуратуре Союза Центральной лаборатории научной следственной работы, изготовление «следственных чемоданов», упорядочение дела судебно-бухгалтерской экспертизы — дают возможность советскому следователю применять приемы и методы научного раскрытия и расследования преступлений. Наш следователь перестает быть кустарем. Наконец, самое главное — это наши люди, наши советские следователи, овладевшие техникой своего дела. За двадцать лет мы создали свой следственный аппарат и вырастили своих людей, партийных и непартийных большевиков, беззаветно преданных делу партии Ленина—Сталина, самоотверженно борющихся на таком серьезном участке, как борьба с преступностью. Торжество ленинско-сталинской национальной политики сказалось и в росте наших национальных следовательских кадров. Мы имеем блестящих следователей узбеков, татар, армян, грузин, белоруссов, украинцев и других, составляющих братскую семью великого Советского союза. Из года в год растут наши следственные кадры. Растут политически, растут технически. Этот рост дал возможность раскрыть жуткие преступления Семенчука и его банды, творимые им на зимовке острова Врангеля, дал возможность использовать радио на службу советского следствия. Какой фантазией это бы казалось для господина судебного следователя царской России!

Этот рост дал возможность нашему следователю т. Аноиченко раскрыть сложнейшее дело об убийстве, раскрыть так, что ему бы позавидовали любые Пинкертонны.

Этот рост дал возможность следователю т. Гольст раскрыть дело Афанасьева, преступление которого было раскрыто в результате очень умелого применения экспертизы, очень умелого применения научных методов расследования.

У нашего следователя есть то, чего нет и не может быть у самого талантливого буржуазного следователя. Советский следователь не одинок в своей работе. У советского следователя многочисленные помощники. На стороне советского следователя народ. Советская общественность, группы содействия, контрольные посты секции советов, активы помогают нашему следователю. Размеры этой статьи не позволяют останавливаться на примерах того, как сложнейшие преступления были раскрыты при помощи советской общественности и только благодаря этой помощи. Подобные многочисленные факты общеизвестны. Но именно потому, что наш следователь встречает большую помощь и поддержку, мы должны предъявить к нему более повышенные требования.

Повышение роли и значения работы следственного аппарата (а отсюда и более серьезные требования к этому аппарату) в настоящее время находится в прямой зависимости от более повышенных требований, предъявляемых сейчас к суду, и от более ответственной роли суда и вообще органов юстиции, поставленных перед такими задачами, как укрепление социалистического правосознания, как борьба с последними остатками капиталистических классов и их агентурой, как борьба с пережитками капитализма в сознании людей.

Отсюда задача следствия и всего следственного аппарата уметь изловить врага, поймать его, сорвать с него маску, какую бы личину он на себя ни надевал. Наши следователи должны помнить неоднократные предостережения великого Сталина об уловках врага, о необходимости максимальной бдительности, помнить о капиталистическом окружении. Одной лишь преданности и классового чутья сейчас мало. Для успешной борьбы с врагом надо еще быть крепко вооруженным знанием; надо быть вооруженным большевизмом; надо быть вооруженным специальными техническими знаниями.

Ленин еще в 1919 году в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» учил нас, какими качествами надо обладать, чтобы уметь ловить врагов трудящихся.

«А чтобы уметь ловить их, надо быть и скрупулезным, и осторожным, и сознательным, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов советской власти»¹ (подчеркнуто нами).

Вторая задача, как указал т. Вильямский в своем докладе на объединенном собрании работников прокуратуры и милиции г. Москвы, — «еще более настойчиво, еще более углубленно» бороться за воспитание в массах насе-

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 434

ния «чувства уважения к правилам социалистического общежития, чувства уважения к правилам социалистического труда, социалистической дисциплины».

Эта последняя задача тесно связана с требованием чуткого, внимательного отношения к человеку, от чего зависит судьба не только данного человека, но и его семьи, работы, которая ему поручена. Неуклонное выполнение всех процессуальных прав и гарантий обвиняемого — незыблемый закон для следователя.

Нашему следователю приходится иметь дело не только с преступником. Священная обязанность нашего следователя беспощадно разоблачить и изловить врага. Почетная обязанность. Но не менее почетна обязанность сле-

дователя реабилитировать невиновного человека. Советский следователь должен уметь деловым образом разобраться в конкретной обстановке, не упустить ни одной детали в процессе следствия.

Ленин, поручая председателю тверского губисполкома расследовать жалобу учительницы Ивановой, предлагал:

«Проверку начните осторожно, чтобы раньше времени огласки не было, чтобы вы могли накрыть и изобличить полностью» (XXI Ленинский сборник, стр. 227).

В этих мудрых словах изложено практическое пособие для нашей следственной работы.

Работать так, как учил нас Ленин, как учил нас Сталин, — и успех обеспечен.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

Двадцать лет советского трудового права

Великая социалистическая Октябрьская революция разбила и уничтожила аппарат государственной власти капиталистов и помещиков, а вместе с ним и помещичье-буржуазное право эксплуатации труда пролетариата и основной массы крестьянства.

Государство диктатуры рабочего класса с первых же дней своего существования, приступая к решению задачи перестройки старой экономики и построения новой, социалистической экономики, создало, в частности, и свою систему правового регулирования труда — трудовое право социалистического государства рабочих и крестьян.

Выражая волю установившего свою диктатуру рабочего класса, советское трудовое право с момента своего возникновения и на всех предшествовавших победе социализма этапах не могло не быть социалистическим как по содержанию, так и по форме. Оно неизменно служило задачам борьбы за социалистическую организацию труда как в городе, так и в деревне и стояло на страже интересов рабочего класса, советского крестьянства и интеллигенции.

Социалистическое трудовое право нашло свое конкретное воплощение не только в отрасли советского законодательства о труде рабочих и служащих, но и в соответствующих разделах земельного и колхозного законодательства, промыслово-кооперативного и т. д.

Единство выраженного в различных конкретных отраслях советского законодательства советского социалистического трудового права на всех предшествовавших победе социализма этапах диктатуры рабочего класса определялось единством политики диктатуры рабочего класса в области организации труда, политики, направленной к уничтожению эксплуатации труда во всех ее формах, к неуклонному улучшению условий труда, к осуществлению принципа социализма — «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

Тогда, когда советская власть была вынуждена допускать на известный период и на известных условиях существование частнокапиталистических элементов, перед советским социалистическим трудовым правом стояла задача обуздания эксплуататорских тенденций кулака в деревне, нэпмана и концессионера в городе.

Правовое регулирование труда в существовавшем на уже пройденных этапах борьбы за социализм частном секторе служило одним из рычагов проведения политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов.

С переходом от политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса утратил силу в районах сплошной коллективизации закон о найме труда в деревне. Начавшийся с Великой Октябрьской революции переход трудящихся крестьян на путь колхозов в год великого перелома, всего семь лет тому назад, развернулся в массовое движение многомиллионных крестьянских масс (бедноты и середняков) в сторону колхозов, потому, что «только к этому времени сказались во всей широте хозяйственные результаты Октябрьской революции, только к этому времени удалось двинуть вперед индустриализацию страны»¹. Многомиллионные крестьянские массы были охвачены социалистической правовой организацией труда на основе Примерного устава сельскохозяйственной артели 1930 года. Принципы социалистической правовой организации труда в применении к колхозному труду нашли свое дальнейшее развитие в Сталинском уставе колхозной жизни, принятом в 1935 году.

С ростом социалистической индустрии и победами над капиталистическими элементами в промышленности мы имели все более и бо-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. стр. 527.

более полный охват рабочего класса социалистической организацией труда. Если в первые годы нэпа почти 1/2 часть рабочего класса работала по найму в частных предприятиях, то уже в 1935 году, в год, предшествовавший принятию Сталинской Конституции, число наемных рабочих частных хозяйств составляло лишь 0,04% по отношению к общей численности рабочего класса.

Двадцатилетие Великой социалистической Октябрьской революции знаменательно победой социализма во всех отраслях народного хозяйства и дальнейшим победоносным движением советского общества вперед к высшей фазе коммунистического общества на основе Сталинской Конституции, закрепившей основы всей правовой надстройки социалистического общества, в частности и основы советского социалистического трудового права победившего социализма.

Для советского социалистического трудового права периода победившего социализма характерным является то, что принцип «от каждого по его способности, каждому — по его труду» в СССР уже осуществлен.

Закрепленные в Сталинской Конституции основные положения советского социалистического трудового права базируются на уже построенной в нашей стране социалистической экономике, исключающей эксплуатацию человека человеком, не знающей кризисов и безработицы, не знающей нищеты и разорения и обеспечивающей гражданам СССР все возможности для зажиточной и культурной жизни.

***

Сталинская Конституция, допуская наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, лишь мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда, тем самым определяет и законные формы труда в СССР в условиях победившего социализма.

Наряду с социалистическим трудом, т. е. трудом, основанным на социалистической собственности на средства производства в ее двух формах — государственной собственности и собственности кооперативно-колхозной — в СССР допускается труд только единоличных крестьян и некооперированных кустарей без применения ими в своем частном хозяйстве чужого труда.

Труд советских рабочих и служащих, труд членов колхозов и промыслово-кооперативных объединений являются основными правовыми формами организации труда в советском социалистическом обществе.

Трудовое право социалистического общества призвано регулировать труд нового рабочего класса — рабочего класса СССР, уничтожившего до конца капиталистическую эксплуатацию, труд нового крестьянства — советского крестьянства, в своем подавляющем большинстве объединенного в колхозы, труд новой интеллигенции — советской интеллигенции, связанной всеми корнями с рабочим классом и крестьянством.

Правовый порядок социалистического общества категорически исключает всякую возможность

допускавшегося советским трудовым законодательством в годы первого периода нэпа применения наемного труда в частном хозяйстве. Социалистическому правопорядку не противоречит лишь применение наемного труда в домашнем потребительском хозяйстве, основанном на личной собственности граждан СССР на средства потребления.

В социалистическом обществе, не знающем эксплуатации человека человеком, труд для каждого способного к нему гражданина является не только обязанностью по принципу: «кто не работает, тот не ест», но и делом чести.

«Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения туеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы»¹.

Это новое отношение к труду в социалистическом государстве рабочих и крестьян находит свое яркое проявление в могучем движении стахановцев социалистической промышленности и сельского хозяйства, в массовом развитии социалистического соревнования в городе и в деревне.

Подлинная история советского социалистического трудового права не имеет ничего общего с утверждениями врагов социализма, из школы вредителя Пашуканиса о том, что якобы социалистическое соревнование и ударничество содействуют постепенному выветриванию и свертыванию правовой формы трудовых отношений.

Советское социалистическое трудовое право, организуя проведение в жизнь социалистических принципов труда, в действительности неизменно способствовало развитию социалистических форм труда, развитию социалистического соревнования, подъему его на высшую ступень — к стахановскому движению. Социалистическое трудовое право закрепляет достижение соревнующихся, подтягивает отстающих к уровню передовых.

Социалистическое соревнование неизменно расширяло базу общественного убеждения для правового закрепления труда.

Система трудового права социалистического общества нашла свое яркое выражение в закрепленных в Сталинской Конституции основных правах и обязанностях всех граждан СССР: труд как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле «кто не работает, тот не ест», право на труд с оплатой по его количеству и качеству, право на отдых, право на материальное обеспечение в старости и во всех случаях утраты способности к труду, обязанность блюсти дисциплину труда и т. д.

Закрепленные в Сталинской Конституции основные положения трудового права представляют собой блестящий итог всего предыдущего развития советского трудового права с первых дней существования социалистического государства рабочих и крестьян.

История советского трудового права за 20 лет его существования характеризуется упор-

¹ Сталин, Речь на 1-м всесоюзном совещании стахановцев.

мой борьбой диктатуры рабочего класса за уничтожение эксплуатации труда и все более и более полный охват всех трудящихся социалистической формой труда, за внедрение социалистического принципа оплаты по труду и неуклонное улучшение условий труда на основе роста его производительности, за укрепление социалистической дисциплины труда.

Сталинская Конституция увенчивает итоги этой борьбы и фиксирует основы развитой системы правовой организации труда в обществе победившего социализма.

***

Сталинская Конституция закрепила уже осуществленный в СССР основной принцип правового регулирования труда в социалистическом обществе — «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

В соответствии с этим принципом Сталинская Конституция закрепила за каждым гражданином СССР право на труд с оплатой по его количеству и качеству (ст. 118). Равное с мужчиной право на труд Конституция закрепила за женщиной.

Право на труд с оплатой по его количеству и качеству является краеугольным камнем системы трудового права граждан социалистического общества.

Это право обеспечивается устраняющей хозяйственные кризисы социалистической организацией нашего народного хозяйства и неуклонным ростом производительных сил советского общества.

Обеспечение для всех граждан права на труд, как и все достижения социалистического строительства, не наступило стихийно, самоотеком после взятия власти рабочим классом в свои руки, а завоевано в труднейшей, упорной героической борьбе против внешних и внутренних сил контрреволюции, против нашествия капиталистического прошлого в экономике и классовой структуре общества.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла возможности уничтожения безработицы на базе социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

В первые годы своего существования советская республика, с разрушенным хозяйством, окруженная кольцом белых армий и интервентов, была поставлена перед угрозой того, что «безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения»¹. Это был период, когда В. И. Ленин писал, что «безработица свирепствует все более грозно»².

Страна Советов под руководством большевистской партии Ленина—Сталина победоносно вышла из трудностей гражданской войны и приступила к восстановлению народного хозяйства.

Уже в годы восстановления народного хозяйства была полностью ликвидирована безработица среди квалифицированных рабочих, но цифра безработных все же достигала миллиона за счет притока лиц неквалифицированных

ного труда из деревни, где продолжало преобладать мелкотоварное хозяйство.

Решающее значение в борьбе за право на труд и уничтожение безработицы имели уже первые годы первой Сталинской пятилетки.

Если в процессе восстановления народного хозяйства не было уже безработицы среди квалифицированных кадров, то в период социалистической реконструкции промышленности спрос на эти кадры принял огромные размеры. С другой стороны, массовый поворот крестьян в сторону колхозов приостановил самотек рабочей силы из деревни.

Уже в своем докладе на XVI партсъезде (июнь 1930 г.) товарищ Сталин отмечал, что «биржи труда не удовлетворяют спроса наших предприятий на рабочую силу процентов на 80».

Остатки безработицы в первой половине 1930 года объяснялись исключительно тем, что органы НКТруда, к руководству которым в то время пробрались заклятые враги народа — правые реставраторы капитализма, не развернули подготовки квалифицированных рабочих для удовлетворения огромных потребностей растущей социалистической промышленности в кадрах.

«Ясно, во всяком случае, что эти безработные не составляют ни резервной, ни тем более постоянной армии нашей промышленности», — отмечал в 1930 году в докладе на XVI партсъезде товарищ Сталин.

Знаменательной исторической вехой в борьбе за право на труд является постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 года, констатирующее, что «огромный успех социалистической индустриализации страны и быстрый темп колхозного и совхозного строительства привели к полной ликвидации безработицы в Советском Союзе и потребовали дополнительных сотен тысяч рабочих»¹.

Исторические указания товарища Сталина об организованном наборе рабочей силы (речи на совещании хозяйственников в июне 1931 года) уже исходят из факта осуществления в СССР права на труд.

Сталинская Конституция «не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы»².

Конституционные гарантии права на труд получают свое развитие и конкретизацию в системе социалистического трудового права применительно к различным конкретным юридическим формам осуществления права на труд.

Различия в юридических формах осуществления права на труд в основном связаны с остатками классовых различий внутри советского общества между рабочим классом и крестьянством.

Рабочий класс и вошедшее в своей основной массе в колхозы крестьянство объединены социалистической системой хозяйства.

«Но находясь в одной общей системе социалистического хозяйства, рабочий класс связан своим трудом с государством

¹ «Правда», 22 октября 1930 г.

² Сталин, Доклад о проекте Конституции Союза ССР, стр. 21.

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 27—28.

² Там же, стр. 30.

венной социалистической собственности (всемирным достоянием), а кустовое крестьянство — кооперативно-колхозной собственности, принадлежащей отдельным колхозам и колхозно-кооперативным объединениям» (подчеркнуто мною. Н. А.)¹.

Юридической формой осуществления права на труд в качестве рабочего или служащего является трудовой договор. Юридической формой осуществления права на труд в качестве члена колхоза или члена промысловой артели служит членство в колхозе или промкооперации.

Нормы социалистического трудового права о заключении и расторжении трудовых договоров (присм на работу и увольнение), о приеме в члены и о порядке исключения из членов колхоза или промысловой кооперации представляют собой систему прочных гарантий права на труд в каждом отдельном конкретном случае. Задача состоит в том, чтобы неуклонно осуществлять социалистическую законность на этом важнейшем участке охраны прав граждан.

***

С уничтожением в СССР эксплуатации человека человеком труд стал единственным источником благосостояния и общественного положения людей. Социалистический принцип оплаты по труду уже безраздельно господствует в советском обществе. Этот принцип лежит в основе заработной платы рабочих и служащих и в основе оплаты по трудодням в колхозах.

Сталинская Конституция неразрывно связывает право на труд с правом на оплату по количеству и качеству затраченного труда.

Трудовое право социалистического общества призвано регулировать и охранять право каждого гражданина на оплату по труду.

Исторические указания товарища Сталина о борьбе с мелкобуржуазной уравниловкой были и остаются основной руководящей установкой для социалистического правового регулирования оплаты труда.

Устанавливая обязанность трудиться для каждого способного к труду гражданина и вознаграждая его по количеству и качеству затраченного труда, социалистическое общество материально обеспечивает всех своих членов в случаях утраты или временной потери трудоспособности.

В отношении рабочих и служащих закрепленное в ст. 120 Конституции право на материальное обеспечение во всех случаях утраты трудоспособности обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет предприятий.

В области кооперативно-колхозного труда право на материальное обеспечение гарантируется системой касс взаимопомощи, созданием в колхозах фондов помощи нетрудоспособным и т. д.

Наряду с этими видами материального обеспечения, связанными с определенными формами участия в общественном труде, мы име-

Молотов, Конституция социализма, Партиздат, 1936 г., стр. 33—34.

ем для всех граждан виды социального обеспечения. Это: трудовое устройство инвалидов, пенсии и дома инвалидов, персональные пенсии и т. д.

В первые же дни Великой социалистической революции советское правительство декретом от 29 октября 1917 г. установило 8-часовой рабочий день. На подземных и других вредных работах и для лиц, не достигших 18-летнего возраста, был установлен сокращенный (шестичасовой) рабочий день.

Историческое значение декрета 29 октября 1917 г. состоит в том, что этот декрет впервые закрепил такую важнейшую гарантию права на отдых, как 8-часовой рабочий день.

Последующее советское законодательство о рабочем времени надо рассматривать как выражение дальнейшего развития гарантий права на отдых на основе завоеваний социализма.

Широко охвативший вопросы рабочего времени декрет от 29 октября 1917 г. был вскоре дополнен постановлением 14 июня 1918 г. об отпусках.

Эти акты советской власти были затем развиты и закреплены в Кодексе законов о труде 1918 года.

В принятом VIII партийным съездом (март 1919 г.) программе нашей партии дана характеристика исторического значения КЗоТ 1918 года, при этом программа подробно останавливается на осуществленных законодательных мероприятиях, обеспечивающих отдых.

«С установлением диктатуры пролетариата, — говорится в программе, — создалась возможность осуществить полностью программу-минимум социалистических партий в области охраны труда:

Советская власть в законодательном порядке провела и в Кодексе законов о труде закрепила: 8-часовой рабочий день для всех трудящихся или максимальное рабочее время, причем для лиц, не достигших 18-летнего возраста, в особо вредных производствах, а также для горнорабочих, занятых под землей, рабочий день не должен превышать 6 часов; 42-часовой еженедельный непрерывный отдых для всех трудящихся; запрещение сверхурочных работ, как общее правило; освобождение женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время...»

Далее программа указывает на установление в том же КЗоТ ежегодных отпусков как на один из показателей того, что уже в те годы в своем законодательстве о труде «...советская власть в некоторых отношениях пошла далее программы-минимум».

Программой же партии была намечена перспектива дальнейшего сокращения рабочего дня «при общем увеличении производительности труда».

Осуществленная в первые годы советской власти и указанная в программе партии система законодательных мероприятий советского государства по обеспечению отдыха трудящихся при переходе к нэпу была закреплена в Кодексе законов о труде 1922 г. (главы X и XI), действующем до сих пор, конечно, с существенными изменениями, внесенными в годы социалистической реконструкции.

Характеризуя историческое значение КЗТ 1922 г., В. И. Ленин указывал на 8-часовой рабочий день как на яркий пример того, что мы прочно устанавливаем основы рабочего законодательства в то время, когда «все страны ополчаются на рабочий класс»¹.

Одним из важнейших этапов в развитии гарантий права на отдых в СССР является манифест юбилейной сессии ЦИК СССР 1927 г.

Этот исторический манифест в ст. 1 обязывал Президиум ЦИК и СНК СССР приступить к постепенному переводу производственных фабрично-заводских рабочих от 8-часового к 7-часовому рабочему дню без уменьшения заработной платы.

В развитие ст. 1 манифеста юбилейной сессии ЦИК Союза ССР 1927 г. было издано специальное постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 2 января 1929 г. (С. 3. № 4), которое определило порядок введения 7-часового рабочего дня и установило необходимые коррективы к общему режиму рабочего времени в предприятиях, переведенных на 7-часовой рабочий день.

«Введение 7-часового рабочего дня лишний раз подчеркивает коренное отличие экономики советского хозяйства и социалистический характер его рационализации, направленный к всемерному и неуклонному улучшению экономического положения и культурному росту рабочего класса, в отличие от капиталистической системы и ее методов рационализации»².

Уже ко времени XVI партийного съезда (июнь 1930 г.) на 7-часовой рабочий день было переведено 33,5% индустриальных рабочих. Об этом говорил в своем отчетном докладе товарищ Сталин, как об одном из моментов, создающих «такую обстановку работы и быта рабочего класса, которая дает нам возможность вырастить новое поколение рабочих, здоровых и жизнеспособных, способных поднять могущество Советской страны на должную высоту и защитить ее жизнью от покушений со стороны врагов»³.

Перевод подавляющего большинства рабочих на 7-часовой рабочий день явился одним из блестящих итогов уже первой Сталинской пятилетки⁴.

Семичасовой рабочий день, ежегодные отпуска и другие постановления советского социалистического рабочего законодательства о рабочем времени и времени отдыха являются одним из показателей превращения пролетариата СССР в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства и освобожденный от эксплуатации.

В капиталистических странах горькая нужда «заставляет среднего и мелкого крестьянина работать с утра до ночи»⁵.

Мелкий и средний крестьянин не в силах выдержать конкуренции капиталистического

земледелия, «не надрываясь работой сам и не заставляя вдвое тяжелее работать своих детей. Нужда заставляет крестьянина своим горбом наверстывать недостаток капитала и технических усовершенствований»¹.

С Великой Октябрьской социалистической революции начался и на основе победы социализма в СССР завершен коренной перелом в условиях труда и жизни многомиллионных крестьянских масс. Благодаря коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса, крестьянству обеспечена диктатура рабочего класса возможность «работы в условиях, укрепляющих, а не изуряющих его силы»².

Примерный устав сельскохозяйственной артели, выдвигая перед каждым колхозником обязанность личным трудом участвовать в хозяйстве своего колхоза, отражает то всемирно-историческое значение положение, что колхозный строй освобождает крестьянина от чрезмерного труда. На каждую работу, говорит Примерный устав сельскохозяйственной артели, устанавливаются нормы выработки, доступные добросовестно работающему колхознику с учетом состояния скота, машин и почвы.

Организация культурного отдыха колхозника путем внедрения газет, книг, радио, кино, создания клубов, библиотек, читален и т. д. является одной из основных обязанностей каждой сельскохозяйственной артели по своему колхозному уставу колхозной жизни (см. Примерный устав сельскохозяйственной артели ст. 6 п. «к»). Примерный устав сельскохозяйственной артели предусматривает выделение колхозом для своих культурных нужд специальных средств из получаемых артелью денежных доходов (ст. 12).

Сталинская Конституция поднимает право на отдых на высоту одного из основных конституционных прав граждан социалистического государства. Она обеспечивает это право сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

Эти гарантии права на отдых детализируются и дополняются социалистическим правовым нормированием труда. Право на отдых представляет собой, в частности, один из замечательнейших итогов развития социалистического нормирования труда, полностью противоположного капиталистическому нормированию, направленному к превращению всей жизни трудящихся масс в рабочее время.

***

С победой социалистической революции установлением диктатуры рабочего класса происходит величайшая в истории смена подлинного труда трудом на себя.

Социалистические производственные отношения представляют собой необходимую основу

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 318.

² Резолюция ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) о первых итогах и дальнейшем проведении 7-часового рабочего дня.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 524.

⁴ См. резолюцию январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 г.

⁵ Ленин, т. V, стр. 288.

¹ Ленин, т. XVI, стр. 479.

² Из резолюции VII конгресса Коминтерна о победе социализма в СССР и ее всемирно-историческом значении.

для величайшего исторического перехода «...от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплине сознательной и добровольной»¹. Путь воспитания социалистической дисциплины труда — это путь классовой борьбы с пережитками капитализма в отношении к труду.

Основным методом воспитания дисциплины социалистического труда являлось и является повышение активности трудящихся масс, вовлечение их в социалистическое соревнование.

«Самое замечательное в соревновании состоит в том, — указывал товарищ Сталин в своем докладе на XVI партийном съезде, — что оно производит переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма».

Убеждение трудящихся в необходимости прочной дисциплины труда служило на всем протяжении развития советского социалистического трудового права базой для правового закрепления требований трудовой дисциплины, для правового воздействия по отношению к прогульщикам, лодырям и т. д.

С развитием социалистического отношения к труду, с повышением тех обязательств, которые в порядке социалистического соревнования принимают на себя широкие массы активистов социалистического труда, повышался и тот общеобязательный минимум требований в области трудовой дисциплины, который предъявлялся к каждому работнику советским трудовым правом.

Яркой иллюстрацией в этом отношении может служить хотя бы сравнение первоначальной редакции ст. 47 КЗоТ в части увольнения за прогул (увольнение «в случае неявки на работу более трех дней сряду или в общей сложности шести дней в месяц без уважительных причин») с ныне действующей ст. 47 КЗоТ категорически запрещающей всякие прогулы.

С превращением социалистической системы хозяйства и социалистической собственности на средства производства в экономическую основу СССР осуществляется ленинский план о распространении социалистической дисциплины труда на все общество².

Сталинский устав сельскохозяйственной артели закрепил обязанности по социалистической дисциплине труда для многомиллионных масс колхозного крестьянства.

«Обязанность блюсти дисциплину труда» закреплена Сталинской Конституцией в качестве одной из основных обязанностей всех граждан СССР.

***

Закрепленные в советском социалистическом трудовом праве победы социалистической организации труда имеют всемирное значение.

Они не могут не вызвать глубокого переворота в сознании трудящихся всех стран.

Трудовое право победившего социализма не может не внушать трудящимся капиталистических стран уверенности в необходимости и в практической возможности освобождения от капиталистического рабства с его ужасами безработицы, нищеты, непосильного труда.

Подлые троцкистско-бухаринские изменники — злые и оголтелые враги советского народа хотели надеть ярмо капиталистического рабства на свободный советский народ. Они пытались вернуть безработицу, голод и нищету. Свободный труд рабочих и крестьян эти мерзавцы хотели заменить подневольным, каторжным трудом.

Подлые враги народа пытались и там, где их еще не успели разоблачить, будут пытаться срывать осуществление социалистической законности в области организации и охраны труда.

Социалистическое государство сумеет и впредь давать решительный отпор презренным агентам международного фашизма.

Новое десятилетие социалистического государства рабочих и крестьян будет ознаменовано победоносным движением социалистического общества к высшей фазе коммунизма.

На основе Сталинской Конституции победившего социализма будет дальше развиваться и крепнуть социалистическое трудовое право в борьбе за построение коммунистической организации труда, при которой полностью сотрутся грани между городом и деревней, грани между умственным и физическим трудом и станет возможным осуществление принципа высшей фазы коммунизма: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

¹ Ленин, т. XXII, стр. 463.

² Ленин, т. XXI, стр. 440.

Советская исправительно-трудовая политика за 20 лет

Двадцатилетие Великой пролетарской революции наша страна встречает подведением итогов своих громадных достижений на всех путях строительства социалистического общества. Эти замечательные итоги служат основанием не только для заслуженной гордости, они являются также неоспоримым методом проверки правильности стратегии и тактики пролетарской диктатуры.

Годы 1917—1937 наполнены огромным историческим содержанием. От царства жесточайшей эксплуатации и полицейского террора к царству свободы и радостного труда, от дымящихся развалин разрушенного капиталистического строя к могущественной стране социализма, от страны, о которой даже буржуазный поэт не нашел иных слов, кроме: «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться, царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма», к стране счастливой и яркой, ежедневно рождающей подлинных героев.

Этот путь был проделан всего в двадцать лет, в такой исключительно короткий, с точки зрения исторических масштабов, срок только потому, что пролетариат в своей борьбе находился под руководством «новой партии, партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариат на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели»¹.

Эту партию выковали Ленин и Сталин. Под их гениальным руководством наш пролетариат шел от победы к победе, невзирая на бешеное сопротивление своих классовых врагов, несмотря на подлую террористическую, шпионско-диверсантскую разрушительную работу врагов народа—Троцкого и Зиновьева, Бухарина и Рыкова, Тухачевского и Пятакова и прочих предателей и врагов великого пролетарского дела.

Социализм победил потому, что вооруженная марксистско-ленинской теорией наша партия под мудрейшим руководством своего вождя и учителя товарища Сталина умела в каждый момент определить основные звенья, умела за них ухватиться, находить правильные пути и методы преодоления вставших перед пролетариатом трудностей.

Социализм победил и потому, что пролетариат в процессе построения бесклассового общества осуществлял правильную политику репрессий по отношению к своим классовым врагам. В своем письме к американским рабочим Ленин писал, что «пролетариат усваивает себе теперь среди ужасов империалистской войны, — вполне и наглядно, ту великую истину, которой учат все революции, истину, которую завещали рабочим их лучшие учителя, основатели современного социализма. Эта исти-

на — та, что не может быть успешной революцией без подавления сопротивления эксплуататоров. Наш долг был, когда мы, рабочие, трудящиеся крестьяне, овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплуататоров. Мы гордимся тем, что делали и делаем это»¹.

Необходимость уголовной репрессии существовала на всех этапах нашего социалистического строительства. Не отпала она и на сегодняшний день, ибо, по мере наших успехов, наш классовый враг не только не «врастает» в социализм, как старались нас убедить в том враги народа, а наоборот, усиливает свое бешеное сопротивление, что с особенной наглядностью вскрыто последними судебными процессами над троцкистско-зиновьевскими бандитами. Не отпала она и потому, что пережитки капитализма еще сидят в сознании отсталых слоев трудящихся, толкая их порою на преступления. «Убитый капитализм, — писал Ленин, умирает и разлагается среди нас, заражая нас духом миазмов, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое тысячами людей и связей старого, многого, мертвого»².

Вот почему, подводя итоги двадцатилетнего существования советской власти, итоги борьбы за построение социалистического общества мы должны подвести итоги и нашей политики уголовной репрессии в отношении тех, кто мешает тем или иным путем сорвать наше строительство.

Разрушив до основания всю систему царской юстиции с ее органами по подавлению волеизъявления со стороны эксплуататоров, с ее судами, тюрьмами и каторгой, пролетариат, всемерно укрепляя государство пролетарской диктатуры, создал свои органы подавления, но уже подавления не трудящихся и врагов народа, врагов социалистической волюции.

Эти задачи, стоящие перед советскими органами суда и прокуратуры, делают советскую социалистическую юстицию принципиально отличной от буржуазной юстиции. Если последняя ставит перед собою задачу охраны капиталистического строя и буржуазного порядка, то советская юстиция ставит перед собою прямо противоположную задачу охраны интересов социалистического строительства, таких бы то ни было покушений на реставрацию капитализма, от всяких проявлений пережитков капиталистической психологии.

Вполне понятно, что применяемая страна пролетарской диктатуры уголовная репрессия не является самоцелью, не является актом насилия по отношению к классовым врагам, а имеет подчиненный задачам социалистического строительства характер. И естественно, что в зависимости от конкретной обстановки в данный период революции, она имеет

¹ Сталин, Об основах ленинизма.

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 186.

² Там же.

свои формы и содержание, меняла объекты своего воздействия и силу наносимого удара. Достаточно, например, указать на применение красного террора в 1918 г., на применение репрессивных мер в отношении кулачества в 1929—1930 гг., на издание закона от 7 августа 1932 г. по охране социалистической собственности, на закон от 22 августа того же года по борьбе со спекуляцией или на закон от 8 декабря 1933 г. по борьбе с выпуском недоброкачественной продукции и т. д., на закон 1 декабря 1934 г., закон 14 сентября 1937 г. и, наконец, закон 9 октября 1937 года, чтобы стала ясной служебная роль уголовного закона в деле борьбы за интересы социалистической революции.

Уже из анализа объектов этой репрессии вытекают две ее стороны: подавление сопротивления классового врага пролетариата, лишение его агентов возможности наносить вред нашему строительству и перевоспитание тех неустойчивых элементов из среды трудящихся, которые скатились на путь преступлений. Это не исключает, конечно, применения в ряде случаев методов воспитательного воздействия в отношении отдельных агентов классового врага, или, наоборот, методов подавления в отношении тех элементов из среды трудящихся, которые не поддаются исправительному воздействию. Эти две стороны переплетаются между собою, составляют единую систему уголовной репрессии, осуществляемую диктатурой пролетариата.

В этом принципиальное отличие советской судебной политики от капиталистической. Буржуазия знает только одно возмездие за совершенное преступление, — искупление вины страданием и «обращением к богу». И в соответствии с этим она строит свою систему карательной политики, свое уложение о наказаниях, в соответствии с этим же она строит и систему реализации судебных приговоров.

Исходя из «теорий» неполноценности преступника, буржуазия считает, что радикальнейшим средством борьбы с преступностью является физическое истребление так называемых преступников. В этом по представлению буржуазных юристов вернейшая гарантия от рецидива. Вот почему она до сих пор сохраняет в своем арсенале смертную казнь, видоизменяя только в соответствии с требованием времени и развитием техники методы приведения ее в исполнение. Старые варварские способы четвертования, колесования, замуровывания или закапывания преступника живьем заменяются более «гуманными» способами умерщвления посредством виселицы в технически бедной царской России, топора в фашистской Германии, гильотины в «человеколюбивой» Франции и электрического стула в технически богатых Соединенных штатах Америки.

Стоя на позиции физического уничтожения преступников, буржуазия не всегда, однако, может выступать с открытым забралом. Она зачастую вынуждена вуалировать свои намерения, комбинировать оголенную форму смертной казни со «смертной казнью в расщепку». Для этой цели ей служат вечная камера и вечное заключение в обстановке, гарантирующей постепенное умерщвление наиболее опасных с ее точки зрения преступников.

Даже тогда, когда она идет на дальнейшие уступки и ограничивает применение вечного заключения, судам предоставляется право приговаривать к столь длительным срокам заключения, что по существу стирается какая-либо разница между срочным и бессрочным заключением. Заслуживает внимания, что законодательство некоторых стран знает даже приговоры к 75 и 99 годам заключения. Ведь 99 это не сто лет, следовательно, нет и вечного заключения и преступник не лишен, мол, надежды выйти по окончании срока на свободу.

Было бы тем не менее неверно утверждать, что буржуазная карательная политика сводится к одному только физическому уничтожению преступников. При все растущей преступности подобного рода прямолинейность, если можно так выразиться, даже невыгодна капиталистам, так как уменьшает резервы наемной рабочей силы. И, выполняя заказ буржуазии, на сцену выплывают филантропы с идеей «перевоспитания» преступников. Нет необходимости умерщвлять всех нарушителей буржуазного правопорядка. Необходимо их «исправить», причем исправить так, чтобы они больше уже никакой опасности для существующего строя не представляли.

Эти новые методы «исправления» с исключительным, уничтожающим сарказмом вскрыты К. Марксом в его статье «Тюремный конгресс в Брюсселе». «Филантропы, или друзья человечества», — пишет Маркс, — это господа, которые или занимают доходные места, щедро оплачиваемые из народного кармана, или обладают приобретенным посредством наследования или спекуляции состоянием, которое приносит им 5—10—20 и больше тысяч талеров ежегодного дохода. Все эти господа без исключения принадлежат к тому классу, который не только честно кормится за счет чужого труда, но и живет в прекрасной обстановке, держит превосходную кухню, понимает толк в хороших винах, изысканно и роскошно одевается, ездит на курорты, устраивает охотничьи празднества, содержит в тихом деревенском уединении или в своем родном городе одну или несколько любовниц, помогает стряпать законы, изливает потоки елейных слов о нравственности, дисциплине и порядке и превыше всего любит мир и покой»¹.

Блаженство этих филантропов не имело бы границ, если бы они не дрожали от боязни, что не-филантропы, «карманы которых так же пусты, как и желудки», могут нанести ущерб их состоянию. Но в то же время эти филантропы «слишком культурны, образованы, слишком христиане, чтобы избавляться от преступников прежним наивно быстрым способом — посредством топора, колеса и виселицы».

Поэтому филантропы ставят вопрос по-иному: «Посредством одиночного заключения, принудительного молчания, поповских поучений, филантропических проповедей мы так дойдем и, доняв, исправим заключенных, что навсегда парализуем их способность и волю вновь нарушать изданные нами и в наших интересах законы». При подобной системе донимающего исправления выпущенный из тюрьмы «с го-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 177—180.

лодным желудком, проходя через картофельное поле, не решится взять ни одного клубня».

Подчеркивая цинизм рекомендованного филантропами метода исправления, К. Маркс пишет: «Тот самый г. Дюкпесио, который теперь пропагандирует систему одиночного заключения, в то же время является любезным светским человеком, другом самых различных партий, как правых, так и левых, — веселым жуи-ром, знатоком вин, обладающим рентой в несколько десятков тысяч франков, любящим свои сигары, но строго запрещающим табак, это единственное удовольствие заключенных в находящихся под его надзором тюрьмах, этот самый г. Дюкпесио, который теперь письменно и устно отстаивает одиночное заключение, эту ужасающую, бесчеловечную, варварскую пытку, несколько лет тому назад, когда сам по политическим причинам был *au secret* на несколько дней арестован, — написал самые яркие протесты против одиночного заключения (*au secret*)!»¹

Приняв этот филантропический рецепт, буржуазная юстиция ввела на каторге и в тюрьмах такой режим, который неизбежно должен разложить психику заключенного, раздавить его волю, сделать его по выходе из заключения неспособным к сопротивлению, покорным объектом капиталистической эксплуатации.

Голодный паек, изнурительная работа, содержание в темных, сырых помещениях, кишящих крысами и клопами, отказ в медицинской помощи, пытки, избиения, кандалы — все это должно подорвать физическую сопротивляемость организма заключенного.

Одиночное заключение с одиночными прогулками и даже одиночным из специальных клеток слушанием поповских проповедей, принудительное молчание, надевание на прогулках масок, т. е. полная изоляция заключенного от какого бы то ни было общения с другими людьми должны разложить психику заключенного, создать в нем чувство обреченности.

Замена фамилий номерами, однообразная полосатая одежда, бритье головы, к тому же еще для издевательства только половины ее, жесточайшие меры дисциплинарного воздействия на протестующих, запрещение курения, обязательное обращение на «ты» и тому подобные методы надругательства имеют целью убить в заключенном чувство собственного достоинства.

Таков арсенал мероприятий буржуазной пенитенциарной системы, таковы методы буржуазии по доминирующему исправлению правонарушителей.

На принципиально иной основе зиждется советская исправительно-трудовая политика. Советской юстиции чужды ломброзианские идеи. Она не приемлет антропологической теории. Преступление есть продукт социальных условий и классовой борьбы, его порождают противоречия капиталистического строя, а не врожденная преступность того или иного индивидуума. Вот почему государство пролетарской диктатуры, осуществляя беспощадное подавление врагов советского народа, делает в

то же время упор на трудовое перевоспитание отдельных правонарушителей, которые еще можно спасти для трудовой жизни, превратить их из вредителей социалистического строительства в активных и сознательных участников строительства бесклассового общества.

Статьи первая и вторая основных положений Исправительно-трудового кодекса РСФСР определяют, что «задачей уголовной политики пролетариата на переходный от капитализма к коммунизму период является защита диктатуры пролетариата и осуществляемого им социалистического строительства от посятельств со стороны классово враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся. Соответственно этому исправительно-трудовая политика преследует цели: а) ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству и б) перевоспитывать и приспособлять их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общеполезные цели и организации этого труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и удачничества».

Эта задача «исправления исправимых» встала перед советской властью с первых же шагов по организации государства пролетарской диктатуры. Наказание не как «воздаяние по заслугам», а как метод принудительного исправления в интересах социалистического строительства. Нагляднейшей иллюстрацией этих основных принципов советской уголовной политики являются такие санкции, как предупреждение, денежный штраф, общественное порицание, исправительно-трудовые работы по месту службы или по указанию бюро исправтрудработ и, наконец, условное осуждение. Только за наиболее тяжкие преступления советский суд приговаривает к исправительному воздействию в условиях лишения свободы и к другим суровым мерам уголовной репрессии.

Статистика уже с первых лет показывает, что лишение свободы применялось в значительно меньших размерах, чем иные санкции. Так, в 1918 г. только 25% осужденных было приговорено к лишению свободы. Превалирование более мягких мер над лишением свободы сохранилось и по настоящее время. Статистика за 2-е полугодие 1935 г. показывает, что из общего числа осужденных первой инстанцией приговорено:

к штрафу	5%
к условному осуждению	7,3%
к и.-т. работам	46,2%

и только 39,4% всех осужденных было приговорено к лишению свободы, из них:

до 1 года	1,4%
1—3 лет	20,5%
3—10 лет	15,7%
на 10 лет	1,8%

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения т. V, стр. 177—180.

т. е. больше половины осужденных к лишению свободы приговорены к кратким срокам заключения¹.

Фактически целый ряд особенностей нашего законодательства значительно сокращает номинальный (по приговору) срок лишения свободы. Продолжительность пребывания осужденного в месте лишения свободы всецело зависит от его трудовой деятельности и дисциплинированности. К значительному (до половины) сокращению срока приводит применение зачета рабочих дней, доходящего до зачета месяца работы за два месяца лишения свободы. В широких размерах применяются льготы в виде дополнительного зачета работающим ударными и стахановскими методами. Эти дополнительные и нормальные зачеты колеблются в пределах от нескольких месяцев до двух лет. Наконец, применением судами в порядке ст. 461 Уголовно-процессуального кодекса условного досрочного освобождения также значительно сокращает длительность пребывания осужденного под стражей. Не последнюю роль в этом смысле играет освобождение заключенных в порядке частной амнистии, осуществляемое ЦИК СССР и ЦИК союзных республик по ходатайствам как самих заключенных, так и администрации места заключения.

Таким образом, фактическое отбывание лишения свободы находится в полной зависимости от действительного исправления заключенного. В демагогических целях некоторые капиталистические государства также декларируют применение досрочного освобождения. Однако реальные результаты хорошо видны на примере Италии, где было досрочно освобождено в:

1925 г.	41 человек
1926 г.	39 »
1927 г.	30 »
1928 г.	28 »
1929 г.	20 »

Стоит эти цифры сравнить хотя бы с одним фактом советской действительности, чтобы стала ясной глубокая пропасть, лежащая между нашей и капиталистической пенитенциарной системой. В связи с окончанием в срок строительства канала Москва—Волга ЦИК и СНК СССР 14 июля 1937 г. постановили «досрочно освободить за ударную работу на строительстве канала Москва—Волга 55 000 заключенных». При этом необходимо учесть, что льготы в виде сокращения срока лишения свободы и условного досрочного освобождения получили не только непосредственные строители канала, но и заключенные тех мест лишения свободы, которые доставляли необходимые для канала материалы (камень, дерево и т. д.). Всего было досрочно освобождено и получило частичное сокращение срока в виде дополнительного зачета рабочих

¹ Эта цифра еще больше уменьшается, если учесть, что лишение свободы по приговору до одного года фактически заменяется исправительно-трудовыми работами без заключения под стражу и что в ряд приговоров кассинстанция внесла изменения в сторону смягчения их.

дней около 80% заключенных, непосредственно работавших на строительстве канала. Получили льготы и те из работавших раньше на канале заключенных, которые к моменту окончания строительства находились в других местах лишения свободы.

Такое же глубокое принципиальное различие заложено в основу применения в капиталистических и в советских местах лишения свободы режима заключенных. В то время как режим в капиталистических тюрьмах направлен на максимальное унижение заключенного и на причинение ему физических страданий с целью усиления устрашающего влияния тюрьмы, — ст. 9 Общих начал уголовной политики РСФСР прямо устанавливает, что «меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижения человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят».

Выпущенный из заключения должен иметь все возможности, чтобы стать полноценным участником социалистического строительства. Его физическое состояние не должно быть подорвано, его психика не должна быть подавлена, его человеческое достоинство не должно быть погружено. Вот почему советские места заключения, осуществляя задачу подавления и исправления, применяя дифференцированный режим в отношении различных категорий заключенных, в то же время сохраняют для всех без исключения заключенных определенный комплекс прав, строго охраняемых законом. Вот почему при всех лагерях имеются прокуроры, а другие места лишения свободы находятся под надзором прокуроров, наблюдающих за соблюдением законности в местах заключения.

Советские исправительно-трудовые учреждения не знают ни пыток, ни кандалов, ни сырых карцеров, ни телесных наказаний, они не знают воздействия на заключенных путем отказа в пище или в медицинской помощи, т. е. всего того ассортимента сильно действующих средств, которыми так охотно пользуется администрация буржуазных тюрем.

Выполняя приказ буржуазии на «дожимающее исправление», тюремная администрация капиталистических стран превращает изоляцию заключенных в средство искоренения в них каких бы то ни было общественных привычек, а самую тюрьму—в своего рода лабораторию по изысканию наиболее действительных методов доставления физического страдания и морального унижения. И надо отдать справедливость, что она с успехом справляется со своими задачами.

Что может быть мучительней, чем одиночное заключение в крошечной полутемной сырой камере, где каждый шаг регламентирован, где имеется койка, на которую нельзя лечь, не услышав грубого окрика часового, где нельзя подойти к маленькой, изображающей окно решетке без риска получить пулю в лоб? Может ли доставить какое-либо удовольствие получасовая «прогулка» по тюремному двору, если надо идти размеренным шагом не ближе пяти шагов от вперед идущего, без права произнести хотя бы одно слово, без права остановиться, присесть или только нагнуться, т. е. маршировка под непрерывные пинки и подзатыльники конрой-

ных? Есть ли какая-либо радость в свиданиях, если даже они и даются после долгих и мучительных хлопот и притом только самым близким родственникам, когда эти свидания продолжаются всего пятнадцать минут, а между заключенными и его близкими два ряда железных решеток, в промежутке между которыми находится надзиратель, прислушивающийся к каждому слову? А «гуманное» право переписки не более одного раза в месяц по строго установленным адресам с таким ограничением содержания, что, по существу, кроме «здравствуй» и «прощай», ничего нельзя написать?

Постановка заключенного в положение полного бесправия приучает тюремную администрацию к тому, что любое изощренное издевательство над заключенными является вполне допустимым и законным. Беспочинные зверские избиения, выбитые зубы, проломленные черепа, сломанные ребра, не говоря уже об обращении «встать, сволочи», «шапку долой, мерзавцы» и тому подобном отборном лексиконе тюремщиков, являются обычным для буржуазной тюрьмы. Даже в буржуазной печати приводились примеры такого изощренного надругательства над личностью заключенного (вплоть до того, чтобы заставить заключенного вылизать использованный презерватив), что значительная цифра психически заболевших или покончивших самоубийством заключенных не вызывает особого удивления.

Стоит вспомнить описание фашистского лагеря в произведении известного писателя Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм», стоит вспомнить, что рассказывал Макс Гельц, перечесть воспоминания царских политкаторжан, чтобы весь бесчеловечский ужас буржуазной тюрьмы встал в его оголенном виде. Вот как описал в своих воспоминаниях «Колесуха» А. Соболев условия заключения в Бутырской тюрьме:

«Мы полуголые, в одном только нижнем белье, в халатах, уже в Бутырском карцере. Бреду наугад, руки протянув вперед, и сразу нащупываю стенку. Догадываюсь, что клетушка коротка и узка. Хочу сесть, а на полу воды с вершок, стены мокрые. Опять стучат затвором. Надзиратель сует мне кусок хлеба и какую-то посудину с водой. Ставлю ее на пол. Вскоре пить хочется — ищу посудину, нахожу, подношу ее к лицу — и отшатыриваюсь: вонь нестерпимая. Понимаю, в чем дело, и ищу другую. Нахожу и снова отбрасываю. Так все время нахожусь без воды. Да и без хлеба тоже: держать его негде, в арестантском халате кармана нет — положил в уголок, а когда немного погода потянулся за ним — попал в живой клубок крысиных тел. Они окружали меня со всех сторон, пищали над самым ухом...».

Даже при подобных условиях содержания заключенные фактически лишены права жаловаться, поскольку тюремное законодательство ряда стран, хотя и декларирует право подачи жалоб, но тут же сводит это право на нет, устанавливая дисциплинарные наказания за неосновательные жалобы. И, конечно, легче администрации доказать «неосновательность» жалобы, чем заключенному свою правоту. Единственный способ протеста, остающийся в рас-

поряжении заключенного, — это самоубийство или голодовка.

Понятно, что эти методы мучительства вызывают у заключенных чувство глубочайшей ненависти к администрации, заключенные ожесточаются, звереют или превращаются в отупевших животных, неспособных уже ни на что реагировать, а последнее как раз и отвечает запросам буржуазии. Только ничтожная доля идейно насыщенных людей выходит из заключения с сохранившейся психикой и несломленной волей.

Как безмерно далек от всего этого режим советских исправительно-трудовых учреждений! Первое, что поражает всякого посетителя лагеря, это простые человеческие отношения между администрацией мест заключения и заключенными. Не говоря уже о том, что у нас запрещено обращаться к заключенному «на ты», вся внешняя форма отношений администрации и заключенных не должна никоим образом носить унижительного для последних характера. Преступник и в месте лишения свободы остается человеком, чье достоинство должно уважаться, чьи права, предоставленные ему законом, должны быть ограждены.

Права заключенного строго регламентированы специальными положениями, существующими для отдельных типов исправительно-трудовых учреждений. Отдельные категории заключенных пользуются более широкими правами в области частоты свиданий, переписки, передач, характера поручаемых работ и т. д. иные более сужеными, но обеспечение всей суммы прав, предоставленных той или иной категории, является непреложной обязанностью администрации мест заключения.

К этим правам относится право свиданий, переписки, право хранения при себе ряда предметов обихода и продовольствия, право получения передач в виде денег, продуктов питания, одежды и других разрешенных к хранению у заключенного вещей, право свободного распоряжения определенной суммой денег, право неограниченного курения и ношения своей собственной одежды. (Даже тогда, когда одежда выдается заключенному администрацией, она должна быть нормального цвета и покроя.)

В большинстве мест лишения свободы имеются ларьки, в которых заключенные могут покупать продовольствие, предметы санитарии и гигиены, табак и спички, одежду и т. п. В свободное от работ время заключенные пользуются правом свободного передвижения по территории места заключения, правом свободного общения как с другими заключенными, так и с администрацией.

Не приходится, конечно, и говорить о том, что заключенные пользуются неограниченным правом подачи письменных и устных жалоб, причем жалобы, идущие в адрес высших правительственных органов или прокурору, могут подаваться в запечатанных конвертах и просмотру со стороны администрации не подлежат.

Осуществляемый для различных категорий заключенных дифференцированный режим является обязательным, и всякое произвольное отступление от него как со стороны администрации мест заключения, так и со стороны

заклученных влечет за собою дисциплинарное или уголовное преследование. При этом необходимо иметь в виду, что применение дисциплинарных мер воздействия на заключенных также ограждено от произвола администрации и обставлено необходимыми гарантиями (специальные постановления, надзор прокурора, право обжалования и т. д.), а привлечение заключенных к уголовной ответственности за преступления, совершенные в месте заключения, может производиться не иначе, как с соблюдением всех норм Уголовно-процессуального кодекса, применяемых в отношении всех граждан Советского Союза.

Режим, существующий в советских исправительно-трудовых учреждениях, полностью увязан с возложенной на эти учреждения задачей «перековки» заключенных, превращения их по выходе из заключения в полноценных и честных граждан Советского Союза, строителей социалистического общества. Этой же задаче подчинена и работа администрации мест заключения по поднятию культурно-просветительного уровня заключенных.

Если буржуазная тюрьма не только не заинтересована в поднятии грамотности среди заключенных, а, наоборот, стремится сохранить их в состоянии невежества и отупения, если единственным развлечением для заключенных она допускает поповские проповеди, стремясь религиозным дурманом окончательно их обезвоить, то советские исправительно-трудовые учреждения придают вопросу поднятия грамотности среди заключенных большое значение.

В одном только Дмитровском лагере в 1936 г. функционировали 204 школы для неграмотных, 127 школ для малограмотных, 156 кружков техницизма и 840 кружков текущей политики. Ликвидируется неграмотность на русском языке и на языках национальностей Советского Союза. Так, за 1936 г. в Дмитлаге было обучено 116 неграмотных на узбекском, казахском и татарском языках.

Какое значение имеет ликвидация безграмотности заключенных, какой перелом она в них производит, видно хотя бы из следующего бесхитростного письма заключенного в Дмитровском лагере Хабир Исмагилова:

«До лагеря я не умел читать и писать ни на русском, ни на родном татарском языке. В лагере я стал учиться грамоте татарской и русской. Учил меня преподаватель Кадыев. Теперь я умею читать и писать на своем родном языке и бегло читаю по-русски. Писать по-русски еще не умею, делаю много ошибок. Мне сорок два года, а я словно теперь родился. Недавно я читал в газете «Красный Татарстан» речь вождя товарища Сталина о новой Конституции. Я очень радовался, что все в ней мне понятно. Очень простая, но очень мудрая эта речь. Душа моя кричала вождю «селям!», когда я ее читал. Я очень счастлив, что научился в лагере грамоте. Я обещаю Кадыеву быть за это ударником и держу свое слово, даю на работе больше 150 процентов».

Большое значение в деле поднятия культурного уровня заключенных имеют книги и газеты, не говоря уже о роли последних для заполнения досуга лишенных свободы. Если в царских тюрьмах отпускали для чтения, глав-

ным образом, божественные и патриотические книги, а газеты и журналы давали не раньше, чем по истечении года со дня выхода их в свет, если на содержание школ и библиотек по данным за 1913 г. было ассигновано всего 14 112 руб., причем на каждую библиотеку в среднем приходилось в год около 30 руб., то постановка этого дела в советских исправительно-трудовых учреждениях не идет с этим ни в какое сравнение. Газеты получают заключенными как по собственной подписке, так и за счет администрации и находят для прочтения в красных уголках общежитий заключенных, где регулярно проводятся громкие читки. В библиотеках имеются произведения как классической, так и современной литературы, наряду с книгами политического и технического характера. Нельзя сравнить и количественную насыщенность библиотек с царскими тюремными библиотеками. Так, по данным за 1932 г. в библиотеке Таганского дома заключения было 12 000 книг, Ленинградского — 8000 книг и т. д. По далеко не полным данным по местам заключения РСФСР в 1931 г. было выдано 1 646 856 книг. В местах заключения устраиваются витрины книжных новинок, громкие чтения, литературные диспуты и доклады.

В тюрьмах капиталистических стран не может и возникнуть вопроса о спектакле или концерте для заключенных. Ведь наслаждение, доставляемое спектаклем или музыкой, встанет в резкое противоречие со всем режимом «мертвого дома». Если же в демагогических целях где-нибудь и устраивается такой спектакль, это служит основанием для захлебывающихся излияний о «гуманности» режима тюрем буржуазно-демократических стран.

Между тем в советских местах лишения свободы спектакль, киносеанс, концерт, доклад стали таким обычным, само собой разумеющимся явлением, что отчеты о них выливаются только в сухие статистические цифры с отметкой динамики развития этих культурно-массовых предприятий за истекший год.

Уже в 1922 г. в местах лишения свободы РСФСР было устроено за 10 месяцев 8764 доклада и поставлено 3650 спектаклей и концертов. По отчету за 1923 г. в местах заключения функционировали 87 драматических кружков, 34 хоровых, 26 музыкальных и т. д. В 1931 г. таких кружков функционировало уже свыше тысячи, был дан 15 321 киносеанс, поставлено 7763 спектакля и устроено 3034 концерта, вечеров и т. п. развлечений. В 1932 г. функционировало 75 стационарных киноаппаратов, 116 кинопередвижек и 3014 громкоговорителей.

Последние годы дают дальнейшее значительное развитие агитмассовой работы в местах заключения. Так, за 1935 г. было устроено 27 064 спектаклей и концертов и 26 204 вечера самодеятельности, а за 1936 г. уже 32 559 спектаклей и концертов и 32 909 вечеров самодеятельности.

В театральном репертуаре наряду с классиками драматургии (Островский, Горький, Гоголь) используются и современные пьесы, идущие на подмостках столичных театров, а также произведения самих заключенных, построенные на местном бытовом и производственном материале. Нередко эти спектакли и кон-

церы ставятся профессионалами, но в основном артистами являются сами заключенные. Спектакли ставятся не только на русском языке, но и на языках различных национальностей Союза.

Автору этой статьи в прошлом году удалось присутствовать на концерте джаза заключенных в ныне упраздненном Ветлужском лагере. Надо было видеть, с какой искренней жизнерадостностью и в то же время на значительной художественной высоте исполняли профессиональные воры и грабители различные пьесы своего репертуара. Этот джаз-оркестр, пожалуй, с успехом мог бы конкурировать со своими соперниками из столичных театров. Недаром этот оркестр часто получал командировки в условиях свободного передвижения в другие места лишения свободы. Артисты-заключенные настолько полюбили свое искусство, что, когда было вынесено постановление об освобождении из заключения руководителя этого оркестра (крупного растрачника), он не захотел уезжать и остался на своей работе в лагере в качестве вольнонаемного.

В противоположность режиму капиталистических тюрем, направленному на максимальное разобщение заключенных, советские исправительно-трудовые учреждения всемерно стремятся к привитию заключенным общественных навыков, развитию их самостоятельности и инициативы. Разве мыслима в буржуазных тюрьмах организация из среды заключенных культурно-просветительных или санитарно-бытовых комиссий? Разве могла бы допустить буржуазия существование в тюремных стенах газет с сопутствующей им самокритикой, товарищеских судов, юридических бюро и т. д. Разве, наконец, не величайшей нелепостью с точки зрения буржуазной тюрьмы и ее режима явилось бы самоокарауливание заключенных или даже только поручение им каких-либо административных функций? А между тем все эти моменты имеют широкое распространение в советских исправительно-трудовых учреждениях, преследуя основные задачи перекówki заключенных.

Было бы, однако, неверно считать, что двух рычагов — режим и культурно-воспитательная работа — достаточно для перевоспитания заключенных. Основную роль во всей системе советских исправительных мероприятий играет труд. «В советских исправительно-трудовых учреждениях торжествует подлинный человеческий труд во всем многообразии его творчества. Этот труд в сочетании с особенностями советской власти и социалистического строительства и является тем чародеем, который из небытия и ничтожества превращает людей в героев»¹.

Буржуазная тюрьма также знает институт труда для заключенных. Но какая огромная разница лежит в характере этого труда. Работа, выполняемая заключенными в буржуазных тюрьмах и на каторге, имеет единственной задачей добавить к бесчеловечному режиму еще дополнительные страдания. Именно с этой точки зрения понятным становится, когда в век расцвета техники заставляют заклю-

ченных работать на галерах или на ступенчатых мельницах, а в ряде тюрем — бесцельно перетаскивать тяжести с места на место или строить, выделять и тут же разрушать созданное, чтобы снова приступить к той же работе.

И, конечно, такой труд не может ничего, кроме отвращения, вызвать в заключенных, не может в ничтожной степени содействовать перевоспитанию преступника.

«Мы строили дорогу, — вспоминает Андрей Соболев, — ненавидя ее; мы работали из-под палки, мы знали, что дорога точно нарочно придумана для издевательств над нами, мы чувствовали, от первого до последнего, всю ее бессмысленность, мы знали, что ни один обоз никогда не пройдет по ней».

Наоборот, в стране, где труд является не мучением, а «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» — даже в местах заключения труд может быть только производительным, целеустремленным, направленным на выполнение тех задач, которые стоят перед всей страной социализма.

Труд в советских исправительно-трудовых учреждениях является принудительным, но принудителен он лишь на первых порах приобщения заключенного к труду. В дальнейшем отпадает необходимость принуждения: заключенный убеждается в продуктивности своего труда, он участвует в выполнении грандиозных по размаху и значению работ, реально ощущает связь своей работы с работой всех честных граждан Советского Союза. Ведь в таких объектах, как строительство промышленных комбинатов, путей сообщения, не говоря уже о величайших стройках, как Беломорско-Балтийский канал и канал Москва—Волга, принимала участие вся страна, и наряду с каналоармейцами ударно выполняли заказы строительства миллионы рабочих фабрик и заводов, разбросанных по всему Союзу.

Выполнение заключенными важнейших работ заполняет их гордостью, чувством собственной значимости, сознанием приносимой ими пользы. Паразитическое существование, «легкая нажива» теряют свое былое обаяние. «Мы должны сделать для себя вывод, что паразитическое бездельное существование человека в нашей стране бессмысленно и позорно. Мы должны научиться в лагерях работать, и работать по-стахановски, по-советски», — говорит заключенный каналоармеец Байков.

И вчерашний откатчик сегодня становится энтузиастом строительства. Он уже не удовлетворяется формальным выполнением своей производственной нормы, он уже не считается с рабочим временем, он болеет за свою работу наравне со всеми остальными рабочими Советского Союза.

Данные за 1936 г. показывают, что в местах заключения было немало бригад, работавших ударными и стахановскими методами. Не редки случаи, когда отдельные заключенные выполняют по 200—300% положенной нормы.

Этот творческий труд заставляет заключенных менять свои взгляды на труд вообще и на преступные дела в частности, со старой спаянностью преступного мира. Известны случаи, когда «измена»

¹ А. Вышинский, сборник «От тюрем к воспитательным учреждениям», стр. 10.

стороны члена какой-либо воровской шайки «воровскому товариществу» и переход его в категорию работников-ударников вызывал острые столкновения с его прежними товарищами, оставшимися на прежних «позициях». Иногда эти столкновения приводили к убийствам ударников и стахановцев, но тем не менее количество последних все растет, показывая жизненность исправительно-трудовой политики. Можно привести случаи, когда осужденный по ст. 73¹ УК РСФСР за противодействие стахановскому движению в лагере становится стахановцем, много перевыполняющим нормы.

Разве мыслимо было бы где-нибудь в капиталистической стране, чтобы освобожденные из мест лишения свободы заключенные добровольно оставались на работах, организованных администрацией этих же мест заключения? Между тем значительное количество освобожденных из заключения строителей обоих каналов закрепилось на вольнонаемной работе по этим строительствам.

Может ли администрация капиталистических тюрем продемонстрировать хотя бы одно благодарственное письмо, полученное от бывшего заключенного? Между тем освобожденные из советских исправительно-трудовых учреждений нередко сохраняют свою связь с администрацией мест заключения.

«Мы строим бумажный комбинат, — пишут Широкий и Нагуманов, — здесь есть много ребятшек из Дмитлага, которые уже дают рекорды. Данное нами чекистам слово будет исполнено с честью. Не знаем, как и благодарить вас за руководство и воспитание нас, тридцатипятиников. Мы стали счастливыми людьми. Кончаем на этом письме и шлем вам, начальнику лагеря, наше пролетарское спасибо».

Задача советских исправительно-трудовых учреждений не ограничивается только целью приохотить заключенных к труду. Они ставят себе попутную задачу — дать заключенным специальность, которую они смогут использовать по выходе на свободу. И в первый же день прибытия заключенного в место лишения свободы выясняется, имеется ли у него специальность и какая, с тем чтобы он мог быть наилучше использован.

Поставив перед собой задачу труда не бессмысленного, а продуктивного, советские места заключения учитывают все индивидуальные способности заключенных. Широкий размах строительных работ и огромная работа по перевоспитанию преступников позволяют использовать по специальности землекопа и учителя математики, бетонщика и скульптора, шофера и журналиста, повара и инженера по высоковольтным токам. Экономисты, поэты, парикмахеры и музыканты — все находят применение для своей специальности. А когда у заключенного специальности нет, — работа в месте лишения свободы ему эту специальность создает.

«Сперва мне было трудно, — пишет заключенная Дмитровского лагеря Карташева, — но я добилась своего, окончила «ликбез» на отлично. В школе для малограмотных заниматься стало совсем легко. Потом я окончила курсы медицинских сестер и несколько месяцев работала по этой специальности. Но

меня больше тянуло на производство. Я все просилась и просилась на канал. Тогда послали меня на курсы мотористов. Я их кончила успешно. Теперь имею настоящую квалификацию. Но это еще не все. Я думаю учиться и дальше, когда уеду из лагеря... Оглядываясь я на свое прошлое: какая я была дура! Через свою темноту сделала преступление и попала в лагерь. Думала: так и пройдет моя жизнь по тюрьмам и лагерям. Но два года прошли в лагере не даром. Я здесь научилась многому хорошему и теперь даже других научу. Я очень довольна, что здесь людей исправляют и ставят на правильную дорогу. Спасибо вам, гражданин начальник, от перекованной ударницы Карташевой».

Только за второе полугодие 1936 г. по одному только Дмитровскому лагерю 22 000 заключенных сдали испытания по техническому минимуму. За прошлый год в местах заключения получили специальность:

Машиниста-экскаваторщика	393 чел.
машиниста-гидромеханика	211 »
арматурщика	2077 »
десятника по земляным работам	550 »
десятника по гражданскому строительству	499 »
электромонтажника	826 »
электромонтера	956 »
слесаря-монтажника	496 »
электросварщика	1125 »
шофера	5215 »
моториста	831 »
агротехника	590 »
звеньевого по сбору хлопка	1131 »
бригадира полеводческих бригад	588 »
слесаря	2215 »

и т. д. и т. д.

Но советские исправительно-трудовые учреждения не ограничивают свою задачу поднятием культурного уровня заключенных, приобщением их к труду, снабжением их трудовой квалификацией. Надо помочь освобожденному из места лишения свободы найти себе место для честной трудовой жизни.

В то время как заключенные по выходе из буржуазных тюрем без денег, только с узелком тряпья, с которым они попали в тюрьму, беспомощно озираются и силою обстоятельств вынуждены искать какую-либо близлежащую трущобу и тем самым вновь вернуться к преступной жизни, администрация советских мест заключения дает освобожденному возможность осмотреться и включиться в трудовую жизнь.

С этой целью освобожденные снабжаются железнодорожным «литером» на бесплатный проезд к избранному самим заключенным месту жительства, им выдаются даже «суточные» на время проезда. Несмотря на то, что у заключенных по выходе из заключения всегда имеется накопленная ими сумма денег (та часть вознаграждения за труд, которая не выдается на руки), администрация исправительно-трудовых учреждений выдает еще освобожденным в довольно широких размерах денежное пособие. Так, за 1936 г. было выдано из фонда помощи бывшим заключенным

2 128 932 руб., а при освобождении в 1937 г. 55 000 бывших заключенных строителей канала Москва—Волга, каждому освобожденному было выдано денежное пособие, доходившее до 500 руб.

Администрация мест заключения принимает все меры к трудоустройству освобождаемых из мест лишения свободы путем заключения соответствующих договоров с хозяйственными организациями. И организация, получившая такую рабочую силу, не имеет основания жаловаться. Председатель, например, завод-строителя в Ярославле, т. Шалашев пишет: «В большинстве каналаармейцы приходили на строительство квалифицированными рабочими и закреплялись на длительный период на строительстве площадки. Чувствуется, что с этими людьми проведена громадная политико-воспитательная работа».

За 1936 г. было трудоустроено 63 368 человек бывших заключенных. Не ограничиваясь трудоустройством в организованном порядке, советская власть осуществляет заботу о трудоустройстве тех одиночек, которые не пожелали пойти на работу по договорам администрации мест заключения с хозяйственными организациями.

Каковы же плоды советских методов исправления преступников с точки зрения динамики преступности? Достигают ли они своей цели? Можно сослаться, как это было сделано выше, на ряд примеров, когда бывшие заключенные не только порвали с преступной деятельностью и включились в трудовую жизнь, но и стали у руководства ответственных объектов социалистического строительства. Однако эти случаи не обобщены и могут поэтому служить только иллюстративным материалом.

Реальным доказательством правильности методов советской исправительно-трудовой политики является изучение явлений рецидива преступлений.

По данным за 1933 г. количество осужденных в капиталистических странах рецидивистов по отношению ко всему количеству осужденных в этом году выразилось:¹

в Латвии	36,4%
в США	37,3%
в Данциге	40,9%
в Германии	43,7%
в Ирландии	63,2%
в Англии	72% и т. д.

Необходимо учесть, что и эти огромные цифры далеко не полны, ибо раскрываемость преступлений, совершенных рецидивистами, весьма незначительна. Так, в Германии, по данным Гейндля, из 100 совершенных преступлений раскрывается только одно².

Стоит с этими цифрами сравнить цифры советской судебной статистики, чтобы вся разница методов советской исправительно-трудовой системы и буржуазной карательной политики встала со всей наглядностью. Так, по статистике за 1935 г. рецидивистов по отношению ко всем осужденным было:

за однородные преступления	4,6%
за разнородные преступления	9,3%

¹ Данные проф. Хекера, «Сов. юстиция», 1937 г., № 2.

² Там же.

Наиболее показательны цифры рецидива по таким преступлениям, искоренение которых представляет особо трудную задачу:

по спекуляции	3,1%
имущественным преступлениям	5,9%
хулиганству	7,1%

В этих цифрах сказывается реальность советской исправительно-трудовой политики не как системы возмездия, а как суммы мероприятий, направленных к возвращению к честной трудовой жизни тех из социально-близких нам групп заключенных, которые скатились на путь преступлений. В наших исправительно-трудовых учреждениях еще много недостатков. Особенно остро ощущается недостаток квалифицированных кадров. Достаточно указать хотя бы на такой факт, что в местах заключения значительный процент административных должностей заполнен бывшими заключенными, добровольно оставшимися на работе в местах лишения свободы. Хотя эти лица и честно встали на путь трудовой жизни, хотя они на практике в период своего заключения и усвоили основные начала советской исправительно-трудовой политики, все же они не обладают необходимой квалификацией для такой ответственной и трудной работы, как перековка бывших заключенных.

Заканчивая этот беглый обзор советской исправительно-трудовой системы, столь отличной от буржуазной карательной политики, необходимо указать, что было бы глубоко неверно представлять себе советские места заключения как дом отдыха и развлечений. Ни на минуту не следует упускать из виду, что назначением лишения свободы является не только перевоспитание заключенных, но и охрана завоеваний революции и социалистического строительства от всяких покушений агентов классового врага. Задача подавления классовых врагов продолжает стоять во весь рост перед страной пролетарской диктатуры. Строгая изоляция, суровый, требовательный трудовой режим, строжайшая дисциплина являются необходимейшими средствами принудительного перевоспитания. И это перевоспитание далеко не легко дается как администрации мест заключения, так и самим заключенным. Мы имеем еще в местах лишения свободы необходимость в дисциплинарных мерах воздействия, в штрафных изоляторах, в усилении строгостей режима. В лагерях функционирует лагерный суд, задачей которого является не только применение условного срока осуждения, но и усиление уголовных репрессий в отношении не поддающихся исправительному воздействию и продолжающих идти по пути преступлений. Надо помнить слова покойного Максима Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Советская тюрьма не дом отдыха, даже не педагогическое учреждение типа школ для трудновоспитуемых. Советские места заключения — это эффективный орган пролетарского государства по подавлению своих классовых врагов. «Сильная и мощная диктатура пролетариата — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развезть в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации» (Сталин). И советские исправительно-трудовые учреждения обязаны выполнять стоящие перед ними ответственные задачи.

Общественное обвинение в советском законодательстве

I

Общегражданское и общественное обвинение в римском и в буржуазном праве

Общественному обвинению противопоставляется обвинение должностное и обвинение потерпевшим по делам, преследуемым в так называемом частном порядке (несомненно недавний термин). Хотя только чисто внешним образом, общественное обвинение может быть сопоставляемо с общегражданским обвинением¹, — с тем типом обвинения, которое принято обозначать термином, заимствованным из римского права: «actio popularis» («популярный», или народный иск, иск, который может быть предъявлен каждым из народа).

Общегражданское обвинение действительно существовало в римском уголовном праве, хотя оно и не называлось «actio popularis». Институт, который носил название «популярного иска», породил при его историческом исследовании немало контраверз, но одно бесспорно, что «популярный иск» как иск, предъявлявшийся к лицу, причинившему ущерб интересам общегития, с целью взыскания с него денежного штрафа, осуществлялся в порядке гражданского процесса. Поэтому составители проекта германского устава уголовного судопроизводства 1879 г. допускали неточность, когда предложение ввести общегражданское обвинение они квалифицировали как предложение вернуться к «популярным искам» римского права². Действительно существовавшее в римском уголовном праве «общегражданское» обвинение не называлось «actio popularis».

Институт общегражданского обвинения можно проследить на протяжении всей истории древнего Рима — даже в тот поздний период, который характеризуется торжеством самодержавия и уничтожением всех институтов, напоминавших о былом народовластии. Когда были упразднены при Августе народные комиции (собрания), в компетенцию которых входило и отправление правосудия, а позднее и «постоянные комиссии» (имевшие сходство с судом присяжных), и правосудие полностью сосредоточилось в руках императорских чиновников, общегражданское обвинение все-таки сохранилось по так называемым «crimina publica». Последний термин получил двойное значение: это и преступления, по которым обвинение может быть предъявлено «каждым из народа», и самые предъявляемые по поводу их обвинения. Так как, несмотря на все исключения, огромное большинство преступлений могло служить поводом для предъявления уголовного обвинения любым гражда-

нином, то, в сущности, выражение «crimina publica» стало применяться почти ко всем преступлениям и противопоставляться «гражданским правонарушениям», а в смысле «публичного обвинения» противопоставляться гражданскому иску.

Выходит, таким образом, что термин «популярный иск» не только не покрывал собою общегражданского обвинения, а противопоставлялся ему¹.

Общегражданское право публичного обвинения в период, когда Рим был республикой, включало в себя и право публичного обвинения чиновников. Маккиавелли в своих знаменитых «Рассуждениях» придавал большое значение этому праву, которое, как он думал, давало выход возникающему недовольству против правительства и тем самым полагало предел распространению клеветнических слухов. «Людей обвиняют в судах, перед народом, перед советом; клеветят же на них на улицах, на площадях» — эту цитату из «Рассуждений» Маккиавелли выписал и занес в свою тетрадь молодой Маркс².

В настоящее время общегражданское обвинение представляет собою специфический институт англо-американского права. В Англии до сих пор признается, что за некоторыми исключениями уголовное преследование есть функция, выполняемая членами общества, как таковыми, независимо от занимаемого ими положения. Правда, фактически в Англии должностные лица играют преобладающую роль в уголовном обвинении, так как органами, возбуждающими обвинение, в Англии являются по преимуществу чины полиции, но в принципе (который так часто бывает не похож на действительность) признается, что и полицейские учреждения предъявляют обвинение на том же основании, на каком это мог бы сделать каждый гражданин. В Англии нет прокуратуры. Сфера действия дирекции публичного обвинения, представляющей собою суррогат прокуратуры, как известно, очень ограничена.

Существующая в Англии система обвинения прославляется поклонниками английского права как система, обеспечивающая «великое конституционное право английского гражданина привести уголовный иск в движение». На деле эта система приводит к тому, что состоятельные лица, потерпевшие от преступления, могут, возбуждая уголовное преследование, обеспечить себя такою юридическою помощью, которая совершенно недоступна беднякам; с другой стороны, если обвиняемый располагает средствами, которых нет у обвинителя, обвинение и защита уже в силу одного этого обстоятельства часто оказываются поставленными в неравные условия при собирании дока-

¹ Сопоставлять не значит проводить аналогию — тем более не значит отождествлять. С самого начала подчеркнем: общегражданское обвинение не есть общественное обвинение. Подробнее об этом ниже.

² Gneist, Vier Fragen Zur Deutschen Strafprozessordnung, 1874, стр. 46.

¹ Geib, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1 B., стр. 78, 79.

² К. Маркс, Выписки из сочинений Маккиавелли — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 4, 1929, стр. 347.

зательств и обеспеченными неравными средствами судебного состязания. Как правило, несостоятельные обвинения вообще не берут на себя уголовного обвинения, удовлетворяясь теми мерами, которые будут приняты полицейскими органами. Отсюда то характерное распределение преступлений по преследующим их органам или лицам, которое отмечено американским наблюдателем английских судебных порядков: преступления, совершенные с насильственными действиями, чаще всего расследуются полицией; преследование (а следовательно и расследование) преступлений, сопутствующих торговому обороту (мошенничества и т. п.), обычно берут на себя потерпевшие¹.

В ст. 7 английского закона о дирекции публичного обвинения имеется оговорка, что в законе не содержится ничего, «что стесняло бы принадлежащее каждому лицу право возбуждать, предпринимать или поддерживать какое бы то ни было уголовное преследование», а ст. 9 прибавляет: «термин «лицо», употребленный в законе, обнимает и всякое соединение лиц, все равно, введенное или не введенное на степень корпорации». В соответствии с этой оговоркой в Англии, наравне с отдельными лицами, преследование преступлений берут на себя и общества (корпорации) — общества, которые ставят себе целью или одной из целей преследование определенного рода преступлений, или стоят на страже частной собственности, или ставят перед собою задачи филантропии, которая, как известно, в капиталистическом обществе служит для того, чтобы те, кто пользуется благосостоянием за счет чужой нужды и чужого труда, могли носить личину добродетели. Существует специальное общество банкиров, преследующее мошенничества и подлоги при банковых операциях, имеющее для этой цели у себя на службе хорошо оплачиваемых адвокатов, общество собственников лошадей для преследования конокрадства, общество торговцев съестными припасами для преследования преступлений, причиняющих ущерб этой отрасли торговли, и т. п. Для уголовного преследования посятательств на детей было учреждено Национальное общество защиты детей от жестокого обращения².

Общегражданское право обвинения в Англии принадлежит к числу институтов буржуазной демократии. Подобно другим буржуазно-демократическим институтам «народное обвинение» не лишено известной ценности и для рабочего класса и его организаций, которые могут использовать его для разоблачения тех или иных злоупотреблений власти. Но, как правило, и этот институт под формою равного для всех права (право публичного обвинения — право каждого английского гражданина) не только скрывает, но поддерживает и усугубляет классовое неравенство.

Государство старейшей демократии на континенте Европы, Франция, не знает общегра-

жданского обвинения. Французскому законодательству известно в очень ограниченном объеме общественное обвинение, но в таком виде, в каком оно несколько не похоже на общественное обвинение советского права, а именно, профессиональные организации в случае совершения преступления, нарушающего их имущественные интересы, могут, хотя бы имущественный ущерб от преступления был лишь косвенным и не поддающимся исчислению денежной суммой, все же предъявить гражданский иск и тем самым вступить в дело с уголовным обвинением. Другими словами, наделение профессиональных организаций правом уголовного преследования поставлено в связь с искусственным расширением условий гражданского иска. В основу этого права кладется не публичный интерес, а частный, имущественный интерес, и, хотя бы только косвенный и отдаленный, ущерб¹. В законах, в силу которых профессиональные организации могут привести уголовный иск в движение (1884, 1920 гг.), жив дух гражданского кодекса Наполеона.

Вопрос об общегражданском обвинении в Германии был одно время весьма популярным среди юристов-теоретиков. Главным образом, благодаря тому широкому освещению, которое он получил в известных «Vier Fragen» («Четыре вопроса») Рудольфа Гнейста. Гнейст выдвинул в институте общегражданского, или народного обвинения на первый план его политическую сторону. Он видел в народном обвинении средство защиты конституции от искажений и нарушений ее противозаконными мерами, принимаемыми в порядке управления и не навлекающими на их виновников уголовного преследования со стороны органов должностного обвинения; он характеризовал народное обвинение как оплот против министерской кабинетной юстиции и против кабинетного партийного управления. Право предъявления уголовного обвинения любым гражданином отстаивалось в качестве субсидиарного, т. е. на случай бездействия обвинительной власти, связанной партийными директивами или предубеждениями. Народное обвинение в глазах Гнейста имело значение контроля за соблюдением начала легальности в обвинительной деятельности прокуратуры. В этом качестве народному обвинению Гнейст придавал значение конституционного начала. Мысли и предложение Гнейста не нашли осуществления в Германии ни при действии довоенной монархической конституции, ни при веймарской республиканской конституции. Само собою разумеется, что они оказались не ко двору в современной фашистской Германии. Известный представитель фашистской идеологии в юриспруденции Дам пишет: «народное обвинение, которое пропагандировалось со ссылкой на существо демократического, народного государства сначала Гнейстом, а потом Гольдшмидтом и Мангеймом, помимо всех других соображений, принципиально не соответствует духу национал-социалистического государства»².

¹ P. Howard, Criminal Justice in England, 1931, стр. 15.

² Мимоходом отметим тот любопытный факт из истории филантропии, что общества для защиты животных возникли раньше общества для защиты детей от жестокого обращения.

¹ Vidal, Cours de droit criminel, 8 изд. 1935, стр. 745, 750 и сл.

² Dahm, Bemerkungen zur Reform des Strafverfahrens—«Zeitschr. für die ges. Strafrechtswiss.» 1934, B. 54, H. 4, стр. 408—409.

В начале 70-х годов прошлого столетия, когда Гнейст излагал свою доктрину об общегражданском обвинении как о конституционной гарантии, он никак не мог предвидеть, что несколько десятилетий спустя она будет иметь отголосок в такой тогда отсталой стране, как Бухара. Когда в 1920 г. в Бухаре был низвергнут эмир, в ней, как известно, была установлена народная республика. Конституция Бухарской народной республики, пересмотренная и утвержденная третьим Всебухарским курултаем, предоставляла всем гражданам право единоличного и коллективного предъявления обвинения ко всем должностным лицам.

II

Общегражданское и общественное обвинение в РСФСР до УПК

Обращаемся к истории общегражданского и общественного обвинения у нас.

Едва пролетариатом была одержана октябрьская победа, в новорожденной республике советов революционное творчество местных советов опередило законодателя в деле построения нового правосудия. Раньше чем был издан первый декрет о суде (24 ноября 1917 г.), в Ленинграде в Выборгском районе стал работать суд, состоявший из пяти членов — по одному от районного совета депутатов, районного совета профсоюзов, районного совета фабрично-заводских комитетов, районной думы и совета домовых комитетов. Для него не было даже установлено точно определенного наименования: он назывался то народным, то революционным, то народно-революционным судом.

Первым разбиралось дело о солдате-милиционере Беляеве. В официальном органе «Известия Центрального Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» был помещен отчет об этом деле. В нем читаем: «Обвинение кратко: в нетрезвом виде стрелял из винтовки». Кратко, просто и объяснение подсудимого: «Товарищи, был очень пьян; может быть, и стрелял, не знаю. Даю слово, что этого не будет». Председатель предлагает высказаться желающим обвинителям. Продолжительная пауза... Наконец, выступают двое из публики. Один за другим высказываются они за вред, какой могло бы принести подобное поведение в столь тревожное время, и находят, что подсудимый подлежит наказанию»¹.

Таким образом, с самого начала общегражданское право обвинения было принято, как не вызывающее сомнений. Наряду с «народным», любительским, если можно так выразиться, обвинением не было еще организовано никакой другой формы обвинения.

В тех же «Известиях» в номере от 9 ноября 1917 г. рассказывается об установившихся уже в новом суде порядках, причем публика в суде именуется «гостями»: «Все дела решаются публично при активном участии гостей. Гости после прочтения протокола следственной комиссии могут задавать вопросы, выяс-

няющие суть дела и степень виновности подсудимых, и выступать как обвинители или защитники подсудимых».

Эту практику общегражданского обвинения санкционировал и первый декрет о суде от 24 ноября 1917 г. в постановлениях о местных судах. Право общегражданского обвинения декрет ограничил только требованием, чтобы обвинители были неопороченными гражданами (ст. 3, ч. 3). Право общегражданского обвинения декрет распространял и на стадию предварительного следствия¹.

Так как никаких справок о судимости новые суды в своем распоряжении не имели, то ясно, что суд о неопороченности гражданина почти всегда мог судить только на основании его собственного заявления, не подлежащего проверке.

Попрежнему и после декрета от 24 ноября 1917 г. продолжали выступать в качестве обвинителей на суде все желающие. После названного декрета в «Известиях ЦИК и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» в номере от 30 ноября впервые появляется отчет о судебном деле. Судились участники вечеринки, устроенной тремя братьями Комлевыми в день имени одного из них. Хозяева и гости перепились, вышли со скандалом на улицу, произвели стрельбу, от которой, правда, никто не пострадал, при аресте оказали сопротивление и оскорбляли красногвардейцев. Первым рассматривалось дело одного из братьев Комлевых, у которого при задержании были найдены 4000 руб. Дело это интересно, во-первых, тем, что в нем наряду с обвинителем из публики выступали в качестве обвинителей (не касаясь напесенного им лично оскорбления) те самые красногвардейцы, которые арестовали подсудимого, и, во-вторых, тем, что по нему можно судить, как обвинители, простые рабочие, не имевшие опыта судебных выступлений, призванные давать первые образцы построения советского обвинения на суде, совсем не плохо справились со своею задачею и умели поднять обвинение по второстепенному бытовому делу на надлежащий политический уровень.

Огласив свидетельские показания, из которых следовало, что подсудимый до 1916 г. был рабочим, потом стал заниматься торговлею, причем спекулировал и денатуратом, председатель обратился к публике: «Прошу кого-нибудь из граждан, неопороченных судом, взять на себя защиту и обвинение подсудимого».

Обвинение взял на себя рабочий Демидов. Он говорил: «Нам предстоит сейчас обвинить или оправдать человека. Мы должны всесторонне посмотреть на все обстоятельства дела и судить судом народным, судом справедливым. Мы живем в революционное время, со всех сторон окружены врагами. Враги следят за каждым нашим шагом и за проступок одного клеймят позором всех. На это мы должны показать им, что мы умеем с честью по-

¹ Декрет говорил: «В роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам — поверенными допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами».

¹ В № 219 от 8 ноября 1917 г. заметка: «В народно-революционном суде».

сильно имя свободного гражданина и имеем право вражеские обвинения называть ложью. И вот такие, как Комлев, мешают и всячески вредят нам в этом деле. В дни великих событий он пьянствует и скандалит на улице. Во время разрухи он торгует по недозволенным ценам мясом... торгует денатуратом и политурыю. За все эти преступления он был бы судим и при самодержавном строе и при временном правительстве. Но теперь к его вине прибавилось еще то, что своим поступком он мешает нам строить нашу новую жизнь».

После защитника, полагавшего, что нельзя осудить Комлева за поступок, в который вкладывается вина, по крайней мере, еще десяти лиц, так как без их участия он не мог бы заниматься спекуляцией, попросил слово красногвардеец, рабочий, который резонно ответил, что, если нельзя переловить всех спекулянтов, то отсюда не следует, что надо с миром отпустить пойманного, и что наказание подсудимого может послужить уроком для других. Говорил и другой красногвардеец, заявивший, что он не сторонник наказания, но требовавший в интересах революции осуждения подсудимого, что и должно для него послужить наказанием¹. Нельзя не признать, что такая постановка вопроса, если принять во внимание, что обвинитель был потерпевшим от оскорбления со стороны подсудимого, придавала вес обвинению.

Время, когда был издан декрет о суде № 1, было временем, когда власть на местах склонна была трактовать законы, исходившие от центральной власти, не как обязательные для себя нормы, а как директивы, сообщавшиеся только к руководству. «О подчинении центру не было речи. Несмотря на принцип пролетарской диктатуры, получалась самая широкая децентрализация»². К руководству, но не к исполнению был принят на местах и декрет о суде № 1. Декрет постановлял об упразднении окружных судов, а Совет народных комиссаров Ставропольской губернии «Правилами о введении местных судов» сохранил окружной суд в Ставропольской губернии, только введя в него депутатов от местного исполкома. Декрет, далее, упразднял институт судебных следователей, а Ставропольский совет народных комиссаров постановлял: «предварительное следствие по уголовным делам возлагается на судебных следователей». Однако норма об общегражданском праве обвинения нашлась, повидимому, общее признание. О сохранении прокуратуры не решился постановить и Ставропольский совет народных комиссаров, а другой организации обвинения не было; поэтому и в ставропольских «правилах» содержалось постановление: «Защитниками, обвинителями и поверенными по делам могут быть все полноправные неопороченные по суду граждане без различия пола»³.

Конец 1917 г. и первые месяцы 1918 г. были временем, когда представители советской власти думали, что в деле организации, а затем

и осуществления правосудия им трудно будет обойтись без помощи старых опытных юристов-практиков, но старые юристы бастовали и саботировали.

На институте общественного обвинения это отразилось тем, что вместо недавно существовавшего общегражданского права обвинения должна была быть введена повинность обвинения. Так, в «Известиях Петросовета» от 23/X 1918 г. было помещено следующее сообщение: «Ввиду упорного нежелания наших интеллигентных практиков по судебной части добровольно вступить в ряды работников по своей специальности Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны поручает Комиссару Юстиции выработать проект привлечения в случае отсутствия достаточного количества кандидатов, добровольно заявивших свои кандидатуры интеллигентных работников, свободных от производительной работы, к отбытию судебных обязанностей в качестве председателей следственных комиссий, членов окружного и обязательного третейского суда, обвинителей и защитников» (стр. 2). Можно себе представить, какими могли быть обвинители, как и судьи, привлеченные из числа лиц, заведомо праждебно относившихся к новому государственному строю и не желавших нести никакого производительного труда в условиях революции.

На первой стадии развития советского законодательства о суде задача организации обвинения отодвигалась на задний план. С точки зрения исторической это, как нельзя более понятно.

С одной стороны, в первые месяцы после октябрьского переворота еще не была изжита революционная романтика, в которой больше всего были повинны левые эсеры.

С другой стороны, общегражданское обвинение предпочиталось должностному потому, что должностное обвинение ассоциировалось с тем одиозным представлением о прокуратуре, которое было порождено и крепко утверждено в сознании трудящихся масс деятельностью царской прокуратуры. П. И. Стучка, верно отражая это представление, писал в статье «Старый и новый суд»: «Отвергаем мы и прежнюю монополию государства на роль обвинителя и предоставляем эту роль любому гражданину, который волен преследовать на суде всякое как частное, так и должностное лицо, в чем либо провинившееся. Прежде государство как орудие угнетения было заинтересовано исключительно в обвинении. Новому строю чужда подобная тенденция, его более интересует защита, чем обвинение (курсив наш). И если и новое государство обратится к содействию обвинителя, то оно будет искать его в тех же рядах, как и защитника»⁴.

Этот взгляд на обвинение как на функцию второстепенного значения в суде находил себе отражение и на местах. Например, принятый 20 декабря 1917 г. Изюмским мировым съездом проект организации революционного трибунала, предусматривая, что «защитником обвиняемого может быть всякий неопороченный

¹ «Известия ЦИК и Петроградского Совета», № 240.

² С. К. «Взаимоотношения центральных и местных органов» — «Материалы НКЮ», вып. 10, стр. 3.

³ «Материалы НКЮ», вып. 2, стр. 100.

⁴ П. И. Стучка, «Старый и новый суд» в «Материалах Народного комиссариата юстиции», 1918, вып. 2, стр. 14.

гражданин», повидимому, совсем не предполагал поддержания обвинения на суде: ст. 15 проекта предусматривала только, что «обвинение формулируется представителем мирового съезда»¹.

Впервые термин «общественный обвинитель», но не в том смысле, какой придается этому термину теперь, был употреблен в инструкции революционному трибуналу от 19 декабря 1917 г. Учреждение революционных трибуналов «для борьбы против контрреволюционных сил» было предусмотрено уже декретом о суде № 1. Порядок производства в революционных трибуналах был регламентирован названной инструкцией. Она была опубликована как единое распоряжение народного комиссара юстиции Штейнберга. Для «общественного обвинения», как и для «общественной защиты», по инструкции, при революционном трибунале должна была быть учреждена коллегия правозаступников; эта коллегия образовывалась «путем свободной записи лиц, желающих оказать помощь революционному правосудию и представивших рекомендацию Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». Из состава этой коллегии, не дававшей никаких гарантий нужной квалификации входящих в нее лиц, революционный трибунал и мог пригласить для каждого дела общественного обвинителя. Но, наряду с этим, инструкция сохраняла и право общегражданского обвинения, предусматривая, что «могут принять участие в судебных прениях один обвинитель и один защитник из числа присутствующих в заседании».

Инструкции 19 декабря 1917 г. вторил регламент Самаркандского революционного трибунала, не знавший, правда, еще коллегий правозаступников, но предусматривавший, что «помимо обвинителей и защитников, назначаемых судом в распорядительном заседании, могут быть назначаемы «по одному добровольцу из публики» в самом судебном заседании»².

На I всероссийском съезде областных и губ. городских комиссаров, состоявшемся в апреле 1918 г., комиссар юстиции Западно-Сибирской области в своем докладе сообщал, что в революционных трибуналах, которые были организованы в Омске и в Тобольске, «как защитники, так и обвинители из публики выступают довольно часто»³.

«Обвинители из публики» в революционных трибуналах—это, как правило, были представители рабочего класса. Председатель Саратовского революционного трибунала жаловался: «Тяжело приходилось работать трибуналу при недостаточности компетентных лиц для ведения дел по обвинению и защите, и нам, рабочим, трудно было первое время справляться с этой задачей при явном и тайном саботаже интеллигенции, которая не шла к нам работать, но, прибавляя он, нашим партийным и идейным работникам все-таки теперь удалось эти трудности побороть и поставить на высоту губернский революционный трибунал»⁴.

Термин «общественный обвинитель» был усвоен и декретом о суде № 2, но в ином

смысле, отличном от того, в каком он был употреблен в инструкции революционным трибуналам. Постановив, что при советах рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов учреждается коллегия правозаступников, декрет в ст. 26 предусматривал: «Из коллегий правозаступников суд может пригласить для каждого дела общественного обвинителя». Инструкция революционным трибуналам тоже говорила об обвинителях из коллегии правозаступников, но так как коллегия правозаступников, согласно инструкции, образовывалась путем свободной записи всех желающих, то обвинение со стороны члена этой коллегии было не чем иным, как видом общественной помощи правосудию. Между тем предусмотренные декретом о суде № 2 правозаступники были должностными лицами¹. Коллегия правозаступников по декрету о суде № 2 А. Я. Вышинский характеризует, как «специальную организационную форму государственного обвинения»².

Наряду с «общественным обвинением» приглашенным судом членом коллегии правозаступников декрет предусматривал, что принимать участие в судебных прениях могут один обвинитель и один защитник из присутствующих на судебном заседании лиц (ст. 28). Позднее Народный комиссар юстиции Д. И. Курский называл эту норму «остатком еще не изжитых иллюзий»³.

Двойкий тип обвинения, установленный декретом о суде № 2, — «общественное обвинение», представленное правозаступником, и обвинение лицом из публики — был установлен, хотя в законе это не было сказано прямо, не только для окружных судов, но и для ранее учрежденных местных судов. В соответствии с этим временная инструкция по организации и действию местных народных судов, выработанная Московским советом местных народных судов, предусматривала в ст.ст. 37 и 38 те же две формы обвинения⁴.

Напротив, все же отражая взгляд, по меньшей мере не дооценивавший значения обвинения на суде, изданный в апреле 1918 г. декрет об учреждении Петроградского окружного суда не содержал в себе ни слова об обвинении, предусматривая в то же время в ст. 9: «Для защиты по уголовным делам председателю окружного народного суда предоставляется назначать на началах платной

¹ Из «Материалов НКЮ» видно, что, напр., в Вятской губ. избранные во исполнение декрета о суде № 2 правозаступники должны были, по постановлению общегубернского съезда советов р. с. и кр. депутатов, получать из средств народного казначейства по 500 р. в месяц. — «Материалы НКЮ», вып. 5, 1918 г., стр. 33. Такое же положение и такое же вознаграждение были установлены для правозаступников в Тверской губ. Там же, стр. 57.

² А. Я. Вышинский, Судостроительство в СССР, 1936, стр. 187.

³ Д. И. Курский, Новое положение о народном суде, «Материалы НКЮ», вып. 7, 1920, стр. 3.

⁴ «Материалы НКЮ», вып. 2, 1918 г., стр. 87, 88.

¹ «Материалы НКЮ», вып. 2, 1918, стр. 38.

² «Материалы НКЮ», вып. 2, 1918, стр. 38.

³ «Материалы НКЮ», вып. 1, 1918, стр. 21.

⁴ «Материалы НКЮ», вып. 5, 1918, стр. 4.

трудовой повинности лиц, не занятых производственным трудом, имеющих подготовку»¹.

В отличие от декрета № 1, декрет о суде № 2 совсем не касался революционных трибуналов. В них продолжали действовать нормы инструкции от 19 декабря 1917 г. Последовавший 28 января 1918 г. декрет о революционном трибунале печати странным образом не говорил ни об общественном, ни об общегражданском обвинении. Он предусматривал лишь обвинение по началу представительства стороны в деле. По ст. 6 декрета, «в качестве обвинителей и защитников, имеющих право участвовать в деле, допускаются по выбору сторон все пользующиеся политическими правами граждане обоего пола».

Вопрос об организации обвинения получил новое, коренным образом отличавшееся от прежнего, решение в декрете о революционных трибуналах от 4 мая 1918 г. По ст. 5 этого декрета при каждом революционном трибунале учреждалась коллегия обвинителей в составе не менее трех лиц, избираемых местными советами рабочих и крестьянских депутатов. Так впервые было создано должностное обвинение и заложена основа для будущей прокуратуры. Штейнберговская инструкция революционному трибуналу была отменена постановлением Народного комиссара юстиции от 16(3) июня 1918 г. Майский декрет о революционных трибуналах ничего не говорил об общегражданском праве обвинения, но и не отменил его. Оно вновь нашло себе признание, но на этот раз уже наряду с должностным обвинением в руководящих началах, которые от имени кассационного отдела Всероссийского центрального исполнительного комитета советов² были «сообщены» президиумам революционных трибуналов. В циркуляре кассационного отдела³ говорилось: «Как защитники, так и обвинители из публики могут быть допущены к участию в деле только в стадии судебных прений, но до последнего слова обвиняемого, причем отказ суда в допущении должен быть мотивирован». Это требование циркуляра несколько изменяла инструкция революционным трибуналам, выработанная на I всероссийском съезде представителей руководящих коллегий революционных трибуналов. Ею исключалась возможность допущения обвинителя из публики уже после того, как должностной обвинитель и защитник обменялись речами; только перед открытием судебных прений (следовательно, не раньше, но и не позже этого момента) председатель, по инструкции, мог допустить к защите и обвинению еще одного защитника и одного обвинителя из числа присутствующих на заседании из публики. Об обязательной мотивировке отказа в допущении в инструкции не упоминалось.

¹ «Известия Петроградского Совета» от 25(12) апр., 1918, № 32.

² Кассационный отдел Всероссийского центрального исполнительного комитета советов был учрежден декретом 11 июня 1918 г. «для рассмотрения кассационных жалоб и протестов на приговоры революционных трибуналов».

³ Опубл. в «Известиях ЦИК советов» от 6 октября 1918 г.

Институт общегражданского обвинения, ведущий свое начало от судебной практики первых дней революции и от декрета о суде № 1, был отвергнут изданной комиссаром юстиции П. Стучка инструкцией об организации и действии местных народных судов от 23 июля 1918 г., которая предваряла собой Положение о народном суде РСФСР. По инструкции, кроме правозаступников, допускались к выступлению в процессе по особым доверенностям или уполномочиям только точно определенные категории лиц (прим. к ст. 1).

Положение о народном суде, опубликованное 30 ноября 1918 г., заменив прежние коллегии правозаступников коллегиями защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе, предусматривало, что «обвинители персонально назначаются судом числа прикомандированных к суду членов коллегий». Ни о каких других обвинителях в Положении о народных судах не было речи.

В этом отношении новое Положение о народном суде от 21 октября 1920 г. внесло существенное новшество. Подобно тому как области чрезвычайной юстиции (революционных трибуналов) впервые декретом 4 мая 1918 г. были предусмотрены штаты должностных обвинителей, так в области общей юстиции такие должностные обвинители впервые были созданы ст. 39 Положения о народном суде 1920 г., согласно которой «при отделе юстиции состоят обвинители в количествах, установленном означенными отделами». Но, наряду с этим, ст. 42 предусматривала, что «право выступать в народном суде в качестве обвинителей принадлежит также возбуждающим дело советским учреждениям и профессиональным организациям в лице особых представителей».

В Положении о народном суде не пояснено, в каких случаях профессиональные организации могли возбудить дело, но надо полагать, что за ними признавалось право возбуждать дело не только тогда, когда они являлись потерпевшими от преступления, но и тогда, когда преступлением затрагивались те общественные интересы, на страже которых призваны состоять профессиональные организации. В этих случаях обвинение представителем профессиональной организации было общественным обвинением в том смысле, какой и теперь вкладывается в это понятие.

Итак, в первый период советской юстиции до издания Уголовно-процессуального кодекса 1922 года — сначала единственной организационной формой обвинения было общегражданское обвинение; потом (по инструкции революционному трибуналу 19 декабря 1917 г. по декрету о суде № 2) общегражданское обвинение стало дополнительным к общественному обвинению, под которым разумелось обвинение членом коллегии правозаступников (с отмеченным выше различием в смысле общественного обвинения в революционных трибуналах и в народных судах); затем (в циркуляре кассотдела ВЦИК) общегражданское обвинение получило значение дополнительного к обвинению должностному и притом осуществляемому членами специально для обвинений установленной корпорации (коллегии); наконец, сначала инструкцией о народных судах от 23 июля 1918 г., а затем и Положением о

родных судах 30 ноября 1918 г. общегражданское обвинение было отвергнуто вовсе. Вместе с тем не было предусмотрено и общественное обвинение. Впервые в недостаточно ясной форме общественное обвинение в его современном значении было установлено Положением о народном суде 1920 г.

III

Общественное обвинение по УПК РСФСР

В 1922 г. был издан Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Ст. 54 Кодекса (теперь 50), действующей без изменения до настоящего времени, было предусмотрено, что в качестве обвинителя, помимо членов прокуратуры, потерпевшего и представителей рабочей, крестьянской, технической, продовольственной, санитарной и иной инспекции по делам их ведения, могут выступать уполномоченные профессиональных союзов.

Уполномоченные профессиональных союзов, поскольку им предоставлялось выступать по делам, в коих профессиональный союз непосредственно не был «потерпевшим», и были общественными обвинителями в собственном смысле слова¹. Они имели право выступать на суде без уполномочия от прокуратуры. Но уже инструкция губпрокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора, от 29 июля 1922 г. ввела другую категорию общественных обвинителей. Инструкция обязывала прокурора «привлекать к участию в судебных процессах в качестве уполномоченных им общественных обвинителей членов РКП и профсоюзов, руководя и направляя их выступления в суде». Позднее циркуляром НКЮ от 3 января 1923 г. для общественных обвинителей этой второй категории, созданной не законом, а циркуляром, был установлен особый регламент. Они были поставлены в привилегированное положение по сравнению с общественными обвинителями по праву представительства от организаций, а именно, было установлено, что «общественный обвинитель, выступающий по ордеру прокуратуры, может допускаться тем самым к участию в деле с момента распорядительного заседания суда при утверждении обвинительного заключения и защищать свои предложения уже в этот момент в распорядительном заседании». В этом же циркуляре был разрешен и вопрос о возможности разногласий между прокурором и общественным обвинителем, и притом разрешен был в общей форме, применительно к общественным обвинителям обеих категорий (по ордеру и по праву представительства).

Как теоретически должен быть решен этот вопрос? Вправе ли общественные обвинители в своих заявлениях перед судом расходиться с прокурором в оценке доказательственного материала в квалификации преступления, в вопросе о мере предлагаемого наказания? Если выступление в процессе общественного обви-

нителя есть так же, как участие в процессе народных заседателей, форма участия представителей широких трудящихся масс в деле отправления правосудия, то не следует ли отсюда, что подобно тому как народные заседатели могут не соглашаться с оценкою доказательственного материала профессиональным судьей, так и общественному обвинителю должно принадлежать право заявить, что он придерживается иного мнения по делу, чем прокурор?

Теоретическим основанием для решения этого вопроса должны служить следующие соображения.

Взаимоотношение профессионального судьи и народного заседателя коренным образом отличается от взаимоотношения прокурора и общественного обвинителя. Можно сказать, как говорит т. Крастин, что в лице народных заседателей суд пользуется «непосредственной фактической помощью трудящихся масс»¹, но сказать о народных заседателях, что они только помощники председательствующего судьи было бы неправильно: народные заседатели — сами самостоятельные судьи; голос каждого из них равнозначущ голосу судьи; мнение двух народных заседателей, не согласных с народным судьей, заставляет последнего вынести приговор, противоречащий его мнению. Иное положение общественного обвинителя: он действительно приносит с собою от общества трудящихся только помощь обвинителю. Иначе и не может быть; если бы было иначе, участие общественного обвинителя вносило бы дезорганизацию в дело отправления правосудия. Народный заседатель высказывает свое суждение по делу в совещательной комнате. Если мнение одного или мнение обоих народных заседателей расходится с мнением судьи, это не нарушает единства приговора: оглашается приговор суда, а не мнение судей. Наоборот, если бы общественный обвинитель заявил о своем согласии с защитой, когда прокурор остался не убежденным ею, или предлагал иную квалификацию деяния, чем та, на которой настаивает прокурор, то ясно, что в таком случае его выступление было бы не помощью, а помехою государственному обвинителю, а с трибуны обвинителя вместо единого голоса раздавалась бы разногласица обвинения. Такая разногласица была бы допустима, если бы общество противопоставлялось государству, но в советском государстве, где такое противоположение исключено, обвинение по делам о преступлениях, расследуемых в публичном порядке, никаким другим, как только государственным (вместе с тем общественным, а не и общественным и не или общественным) быть не может, и по тому самому может быть только единым, как только единым может быть судебный приговор.

Приведенными соображениями с самого начала устраняется и вопрос, почему защитники могут расходиться друг с другом в высказываемых ими мнениях (хотя и это, как правило, нежелательно), а прокурор и общественный обвинитель не могут: если обвиняемых несколько, то защитники уже потому могут рас-

¹ Циркуляр НКЮ от 3/1 1923 г. к общественным обвинителям причислял и представителей Рабкрин и других ведомственных инспекций. В действительности они относятся, конечно, к числу представителей должностного государственного в собственном смысле, а не общественного обвинения.

¹ Крастин, Общественные обвинители и народные заседатели в уголовном суде 1920. стр. 4.

ходиться между собою, что интересы их защитных могут расходиться; если же обвиняемый один, то и тогда защитники могут выбрать неодинаковый метод защиты, ибо, хотя защитники и служат интересам правосудия, но представляют интересы частного лица, а говорят перед судом не от имени государства и даже не от имени подсудимого, а от своего собственного имени, тогда как обвинители служат интересам государства и говорят или от имени государства или от имени той общественной организации, которая считает, что в данном случае на ней лежит обязанность поддержать государственное обвинение.

В полном согласии с этими теоретическими соображениями уже циркуляр НКЮ от 3 января 1923 г. разъяснил, что в случае, если общественный обвинитель выступает совместно с лицом прокурорского надзора, руководство ведением процесса принадлежит официальному представителю прокуратуры: он представляет соображения о квалификации преступления и предлагает меры наказания. «Разногласие в этих случаях, категорически говорил циркуляр, между общественным обвинителем и лицом прокурорского надзора недопустимо, и все спорные вопросы окончательно разрешает прокурор, не допуская ни в какой мере проявления этих разногласий на суде».

Много позднее, в 1935 г., на встречающиеся в практике расхождения в выступлениях прокурора и общественного обвинителя было обращено внимание Союзной Прокуратурой¹. Ввиду этого «для избежания в дальнейшем подобного разнобоя, дезориентирующего суды», Прокурором республики (в РСФСР) было предложено краевым прокурорам и прокурорам автономных областей установить учет кадров местных общественных обвинителей и проводить с ними систематические занятия, при совместных выступлениях прокурора и общественного обвинителя совместно прорабатывать дело и составлять план обвинения².

Положением общественного обвинителя в процессе как сотрудника прокурора, выступающего под его руководством, предпрещается и вопрос о разделении труда между ними как вопрос не принципиального, а технического порядка. Проф. Строгович совершенно правильно считает несостоятельным то мнение, согласно которому на общественном обвинителе лежит освещение общественного значения дела, а на государственном обвинителе — фактическое обоснование обвинения и связанные с ним правовые вопросы. «Такая формальная и механическая концепция не имеет никаких оснований — прокурор всегда обязан освещать на суде не только фактическую и юридическую сторону дела, но и его общественное и политическое значение, а с другой стороны, общественный обвинитель не в меньшей мере, чем прокурор, должен исходить из фактической стороны дела, участвовать в проверке

доказательств и делать из обстоятельств дела соответствующие юридические выводы»³.

IV

Общественное обвинение по законодательству СССР и союзных республик

Общегражданское право обвинения в УПК не предусматривалось. Его не знают и «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 31 октября 1924 г. п. ст. 18 «Основ», «обвинение на суде поддерживается прокуратурой и другими указанными в законе должностными лицами, а также уполномоченными на то представителями общественных организаций, рабочих и трудового крестьянства» (С. З. 1924 г. № 24, ст. 206). Таким образом, «Основы» ограничили круг общественных обвинителей представителями общественных рабочих и трудового крестьянства. Ближайшую регламентацию обвинения, в том числе и общественного обвинения, «Основы» предоставили законодательствам союзных республик, как об этом говорит вторая часть первого абзаца ст. 18.

Вопрос об общегражданском обвинении возник в 1926 г. попутно при обсуждении проекта изменений в основах уголовного законодательства на второй сессии Центрального исполнительного комитета 3 созыва. В связи с этим предложением признать за каждым право необходимой обороны против посягательства на советскую власть т. Ветошкин высказал, что ему было бы понятно внесение в законодательство правила, аналогичного тому, как существовало в древнем Риме, и согласно которому «всякий гражданин, если он заметил с одной стороны других лиц или другого лица деяние, направленное в ущерб государству, имел право выступить с обвинением против этого лица перед судом и доказывать, что такое-то лицо учинило или намерсвалось учинить деяние, направленное во вред обществу, во вред государству»⁴. Это замечание было неправильно понято т. Винокуровым, который, отвечая на него, говорил, что соответствующая статья имеется во всех советских уголовных кодексах, причем сослался на п. 1 ст. 91 УПК РСФСР, которую к числу поводов возбуждения уголовного дела отнесено и заявление частных лиц⁵. Тов. Винокуров упустил различие между поводом к уголовному преследованию и самим уголовным преследованием (уголовным иском). И в старом, дореволюционном уставе Уголовного судопроизводства ст. 297 говорила об объявлении частного лица как о законном поводе к начатию предварительного следствия по делу, но никому не приходило, конечно, в голову утверждать, что дореволюционное право знало общегражданское право обвинения или, что то же, уголовное иска. Необходимым элементом понятия права уголовного иска является право поддержания иска лицом, которым он заявлен

¹ Циркуляр 2 июля 1935 г. № 63/11 «Сборник циркуляров и разъяснений Прокуратуры СССР», 1936, стр. 124.

² Циркуляр Прокурора республики № 91 от 14/VIII 1935 г., в «Сов. юст.», 1935 г. № 27, стр. 24.

³ Строгович, Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде, 1934, стр. 36.

⁴ Строгович, отчет, стр. 603.

⁵ Там же, стр. 637.

или его представителем; между тем роль заявителя, по ст. 91 УПК, его заявлением о преступлении исчерпывается. Его заявление может послужить только поводом для уголовного иска, который будет предъявлен и будет поддерживаться официальным органом.

Ст. 54 украинского УПК в редакции 1922 г. и ст. 48 того же украинского УПК в более поздней редакции 1927 г., ст. 48 УПК Узбекской республики в редакции 1926 г., ст. 47 УПК Азербайджанской республики (изд. 1929 г.) в числе лиц, которые могут выступать обвинителями, называют уполномоченных профессиональных союзов. Ст. 86 УПК Узбекской республики 1929 г. закрепляет в законе деление общественных обвинителей на две категории, установленное в РСФСР не законом, а циркулярной практикой, а именно, по ст. 86 УПК Узбекской республики 1929 г., «обвинение на суде поддерживается: ...общественным обвинителем по уполномочию прокуратуры или следователя, уполномоченными профессиональных союзов»...

В УПК Белорусской республики изд. 1927 г. и республики Грузии, также 1927 г., в числе общественных обвинителей уже включаются и крестьянские представители. По ст. 51 белорусского УПК, «в качестве обвинителей могут участвовать в деле ... уполномоченные профессиональных союзов и их объединений, представители крестьянских обществ взаимопомощи и других общественных организаций пролетариата и трудового крестьянства по делам их членов». Этот перечень общественных обвинителей сохранился в белорусском УПК изд. 1935 г. По ст. 49 УПК ССР Грузии, «в качестве обвинителя могут участвовать... представители общественных организаций рабочих и трудового крестьянства». Ст. 46 УПК Туркменской республики 1928 г. также учтя изменения в условиях организации крестьянского труда, и в соответствии с «Основами уголовного судопроизводства СССР», говорит об общественных обвинителях, уполномоченных общественными организациями рабочих и трудового крестьянства (крестьянства).

УПК Таджикской республики 1935 г. имеет в виду только общественных обвинителей по назначению. По ст. 76 таджикского УПК, «обвинителем в суде участвует прокурор и назначенный им общественный обвинитель».

Проект УПК Союза СССР, опубликованный в 1934 г., знает только одну категорию общественных обвинителей — по уполномочию прокуроров (ст. 8). Это не значит, конечно, что, по проекту, общественные организации (профсоюзы, колхозы, кооперативы, партийные организации) не должны выдвигать своих общественных обвинителей. Постановление проекта, очевидно, имеет тот смысл, что, так как задача общественного обвинения — помочь прокуратуре, то для того, чтобы выступать, общественный обвинитель должен иметь полномочие от прокуратуры, без чего общественное обвинение иной раз может оказаться только не прошенной, но и вредной услугой правосудию, а в качестве общественного обвинителя может выступить такой друг — союзник обвинения, который «опаснее врага». Ст. 8 проекта редактирована таким образом: «Обвинение на суде поддерживается проку-

ратурой, а также уполномоченными ею общественными обвинителями».

Примеру проекта УПК Союза ССР, очевидно, последовал таджикский УПК в приведенной выше ст. 76, изменив, однако (едва ли к лучшему), редакцию постановления проекта Союзного кодекса.

V

Общественное обвинение как институт социалистического уголовного процесса

В заключение остается рассмотреть, чем общественное обвинение по советскому праву отличается от общегражданского обвинения и от общественного обвинения в том виде, в каком эти две формы обвинения существуют в буржуазном праве или отстаиваются в буржуазной литературе.

Сближать общественное обвинение с общегражданским позволяют не положительные, а только отрицательные признаки: общественное обвинение, как и общегражданское, не есть должностное обвинение и осуществляется не потерпевшим. Однако общегражданское обвинение не есть общественное обвинение. Общегражданское право обвинения составляет право личности, оно есть индивидуальное право, которое, впрочем, подобно другим правам личности, может все же иметь серьезное общественное значение. В такой стране как Англия, в классической стране общегражданского права обвинения (в принципе), этому праву, как и «гражданским свободам», неизбежно сопутствуют пороки классового права буржуазных государств: оно порождает неравные условия для состоятельных и несостоятельных обвинителей, с одной стороны, для состоятельных обвинителей и для обвиняемых, не имеющих средств для обеспечения надлежащей защиты, с другой стороны. В странах, где, в отличие от Англии, существует прокуратура, общегражданскому обвинению придается по преимуществу значение средства общественного контроля над деятельностью официальных органов обвинения. Коротко, соображения в пользу общегражданского обвинения в этом именно значении сводятся к следующему: несмотря на принятие законодательством принципа «легальности обвинения», в деятельности прокуратуры могут оказаться «пробелы», т. е. не оправдываемые законом случаи воздержания от преследования преступления — потому ли, что преступник пользуется пристрастным благоволением прокурора, или потому, что прокурор сам сочувствует преступлению (например, преступлению, совершенному в интересах той партии, к которой принадлежит прокурор), или просто вследствие недостатка у прокурора нужной энергии или даже достаточных сил. В этих случаях, средством против упущений прокуратуры, не привлекающей к ответственности виновных, часто может быть только право всех граждан на уголовный иск. Одного права потерпевшего на уголовный иск недостаточно, так как упущения прокуратуры как раз имеют наибольшее значение именно там, где нет отдельных потерпевших лиц в юридическом смысле этого слова.

Эти соображения у нас теряют всю свою силу. Общегражданское обвинение у нас не

могло бы быть сохранено в качестве средства контроля над должностным обвинением, однако, не в силу того бесспорного, конечно, факта, что в Советском союзе общество не противостоит государству. Если верно, что в нашем Союзе общество и государство не составляют противоборствующих сил, то верно также и то, что этим не исключается контроль советской общественности за деятельностью органов советской власти. Мы знаем меры, принимаемые к укреплению и развитию контроля за деятельностью агентов власти со стороны советской общественности, представленной партией и профсоюзными организациями. Такой контроль рассматривается как наиболее надежное средство борьбы с бюрократизмом.

Против усвоения советским правом общегосударственного обвинения, как метода контроля за государственным обвинением, говорит следующее.

Обвинение, предъявляемое любым гражданином, уже по форме вовсе не равнозначуще тому организованному общественному контролю, который только и может быть по настоящему действенным. По существу же включение общегосударственного обвинения в число средств контроля над осуществлением прокуратурой государственного обвинения означало бы бессилие советской общественности понудить государственного обвинителя выполнить свою обязанность предъявления и поддержания уголовного иска, когда общественные интересы этого требуют. Ведь, если гражданин (не потерпевший от преступления), возмущенный тем, что прокуратура закрывает глаза на преступление, не имеет иного средства «привести уголовный иск в движение», как только самому взять его в руки, так, ведь, в сущности, это означает, что общественность бессильна преодолеть пассивность или злонамеренную инертность прокуратуры. Такое положение вещей у нас допущено быть не может: общественность, представленная партией, профессиональными и др. организациями, располагает достаточно сильными средствами, чтобы сломить пассивность или сопротивление прокурора, воздерживающегося от преследования преступления по каким-то ему одному известным соображениям.

Не будучи общегосударственным обвинением, общественное обвинение советского права решительно отличается и от общественного обвинения (т. е. обвинения от имени общественных организаций) буржуазного права. Отличие общественного обвинения советского права от общественного обвинения в смысле буржуазного права и буржуазной юридической литературы по содержанию этих институтов, по классовой направленности совершенно очевидно. Социалистическое своеобразие советского института общественного обвинения по форме заключается в том, что, не будучи государственным обвинением, оно, в то же время, представляется обвинением, организованным при содействии государства и поставленным под контроль органов государственного обвинения. Организуемое в помощь государственному обвинению, оно, в то же время,

опирается на тот или иной не государственный, общественный коллектив. Общественное обвинение, представленное отдельным лицом, исходит, однако, от коллектива и опирается на поддержку коллектива и притом социалистического коллектива, т. е. служащего и подчиненного целям и задачам всего социалистического общества. Институт общественного обвинения по своей природе, по источнику, по основанию, по организации — есть институт коллективистический, всецело и всесторонне социалистический.

Тов. Лаговьер в своей брошюре об общественных обвинителях констатирует «ослабление внимания к общественным обвинителям за последние годы»¹. Тов. Лаговьер объясняет это явление переключением внимания прокуратуры и суда на иные виды общественного актива, выросшего вокруг прокуратуры и суда. Надо полагать, что другим фактором, снижающим роль общественного обвинения, является усиление в составе аппарата правосудия удельного веса прокуратуры и повышение качества ее работы: по мере того, как крепнет организация государственного обвинения, представляемого прокуратурой, по мере того как ее работа освобождается (далеко не освобождаясь) от бюрократических приемов и навыков, по мере того, как накапливается ее опыт и расширяется кругозор, естественно становится менее ошутимой потребность в помощи общественного обвинения. Работа прокуратуры над самою собою неизбежно заставляет ее меньше уделять внимания институту общественного обвинения, который, естественно, для своего развития требует активной поддержки прокуратуры (не только благожелательного отношения с ее стороны): в отношениях между прокуратурой и общественными обвинителями есть или по крайней мере должен быть элемент активной взаимопомощи. Условия времени, характеризующегося обострением классовой борьбы, требуют укрепления и усиления прокуратуры как боевой организации обвинения, и, по тому самому, в известной мере отвлекают внимание от института общественного обвинения, но так как общественное обвинение, как и советская прокуратура, представляет собою институт, в котором очень выпукло выявляется социалистическая природа советского права, он имеет данные рассчитывать на развитие и укрепление его в будущем на основе союзного УПК. Как известно, проект союзного УПК возводит на степень одного из важнейших «общих положений» требование привлечения трудящихся к широкому участию в процессуальной деятельности. Как отмечает председатель подкомиссии по уголовно-процессуальному законодательству А. Вышинский, это сделано в соответствии с принципами пролетарской демократии, определяющими основной характер проекта².

¹ Н. Лаговьер, Общественный обвинитель в советском уголовном процессе, 1935, стр. 46.

² А. Я. Вышинский, К реформе уголовного процессуального кодекса, «Проблемы уголовной политики», 1935, кн. 1, стр. 37.

Советская адвокатура за 20 лет

I

В самый канун Октябрьской революции в августе 1917 г. В. И. Ленин заканчивал свою блестящую работу «Государство и революция», посвященную разработке учения марксизма о государстве и задачам пролетариата в революции. «Вопрос о государстве,—писал Ленин,—приобретает в настоящее время особую важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях... Явно нарастает международная пролетарская революция. Вопрос об отношении ее к государству приобретает практическое значение...»¹.

Один из основных своих выводов в этом исследовании В. И. Ленин сформулировал в том смысле, что революционная задача пролетариата состоит, прежде всего, в том, чтобы не просто захватить старую государственную машину, но ее разбить и сломать. «Разбить эту машину, сломать ее — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза не прочна демократия и невозможно социалистическое преобразование»².

Октябрьская революция осуществила на практике это теоретическое требование. Старая государственная машина была не только захвачена: она была разбита и сломана и на ее месте началось строительство нового аппарата молодого советского государства.

Судебные элементы государственной машины дооктябрьского капиталистического государства не могли, конечно, не разделить участи всей государственной машины в целом. Старый дореволюционный суд был уничтожен и на его месте были созданы новые органы.

Вместе со всей судебной машиной была упразднена и дореволюционная адвокатура. Упразднение ее имело, конечно, более глубокие принципиальные причины, чем те, на которые указал, например, в одной из своих речей Н. В. Крыленко. Он обращал внимание на то, что значительная часть дореволюционной адвокатуры была враждебна Октябрьской революции, что это вызывало естественное недоверие у представителей только что организовавшейся советской власти и что поэтому «мы начали нашу революцию с уничтожения старого адвокатского сословия»³.

Наличие в старой дореволюционной адвокатуре элементов, враждебно относившихся к Октябрьской революции, не подлежит никакому сомнению. Но совершенно несомненно, что если бы это явление, подчеркнутое Н. В. Крыленко, и не было так ясно выражено, все же старая адвокатура, как определенная форма

организации юридической помощи, была бы упразднена, ибо не было принципиальных оснований сохранять организационные формы адвокатуры при сломке всего без исключения государственного аппарата и его судебных частей, в особенности. И этому принципиальному процессу упразднения адвокатуры как организации, составлявшей часть старой государственной машины, не могло, конечно, помешать и то обстоятельство, что в адвокатуре, несомненно, были широкие круги, полностью, прямо и искренно принявшие Октябрьскую революцию.

Строя новый суд, советское государство приступило заново к разрешению всех вопросов, связанных с организацией юридической помощи населению. Советская адвокатура в том виде, как она существует в настоящий момент, была создана не сразу. История создания ныне существующей советской адвокатуры может быть разделена на ряд достаточно ясно распознаваемых периодов, в пределах которых ставились и разрешались те или иные принципиальные проблемы организации защиты и адвокатуры.

Первым таким периодом надо считать промежуток времени от момента Октябрьской революции 1917 г. и вплоть до первой кодификации советского судебного права в 1922 г. Никаких готовых проектов новой организации адвокатуры в момент Октябрьской революции еще не существовало. И весь первый период, поэтому, отмечен рядом весьма серьезных колебаний в разрешении самых основных вопросов, связанных с организацией защиты в суде и юридической помощи населению. Это был период переходов от одной формы к другой, от одного метода организации к другому, иногда прямо противоположному. В пределах этого периода можно поэтому, в свою очередь, наметить отдельные этапы, связанные с различными формами организации.

Второй крупный период в истории советской адвокатуры правильно начинать с 1922 г., на который падает первая кодификация советского судебного права. Этот второй период завершается концом 1929 г. и отмечен созданием устойчивой формы организации юридической помощи населению в виде самоуправляющихся адвокатских организаций. Основной формой адвокатского труда являлась за этот период индивидуальная практика адвокатов. На этот же период падает осуществление весьма серьезной государственной задачи — создание широко разветвленной сети юридических консультаций.

Начало третьего периода следует отнести к 1930 г., когда было проведено новое организационное начинание внутри советской адвокатуры, видоизменившее внутреннюю структуру форм адвокатской работы и перенесшее центр тяжести с частной, индивидуальной адвокатской практики на работу адвокатских коллективов.

На основе Сталинской Конституции предстает новая кодификация всего судебного

¹ В. И. Ленин, Государство и революция. Партиздат. 1936 г., стр. 3, 4.

² В. И. Ленин, там же, стр. 28, 30 и сл.

³ Речь Н. В. Крыленко на общем собрании Московской коллегии защитников 9/VIII 1936 г. «Советская юстиция» № 27 за 1936 г., стр. 3.

права Советского союза, охватывающая как материальное право, так и судостроительство и процессуальное право. Естественно, что на очереди также реорганизация и советской адвокатуры. Эта реорганизация кладет начало четвертому периоду в ее истории. Основными предпосылками этой реорганизации является расширение функций защиты в процессе и забота о поднятии значения и авторитета адвокатуры, в связи с превращением права обвиняемого на защиту из процессуального принципа в принцип конституционный.

Поскольку под адвокатурой всегда понимается организация, призванная оказывать юридическую помощь населению, и поскольку основным видом такой юридической помощи является судебная защита прав и интересов граждан в судебном процессе, постольку нельзя изучать историю адвокатуры, отрывая организационные вопросы от задач по оказанию юридической помощи населению. Поэтому изучение истории советской адвокатуры за истекшее двадцатилетие должно учитывать следующие три момента: 1) организационные формы адвокатуры; 2) процессуальное положение адвокатуры; 3) формы оказания юридической помощи населению.

II

Дореволюционная адвокатура была упразднена первым же декретом советского правительства о суде от 24 ноября 1917 г.¹

Законодательство отказалось в этот момент от какой бы то ни было формальной и регламентированной организации обвинения и защиты в судебном процессе. А поскольку основной функцией прокуратуры и адвокатуры является именно обвинение и защита в процессе, постольку отказ от организации обвинения и защиты сделал логически ненужным и организацию прокуратуры и адвокатуры как специальных институтов. По тому же декрету № 1 о суде «в роли обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам поверенных, допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами». Отказ от организации институтов прокуратуры и адвокатуры имел своим последствием невозможность организации и какого бы то ни было общественного и государственного контроля над отправлением функций обвинения и защиты на суде.

Неудобство такого порядка очень быстро сказалось, и уже через 3 месяца декрет № 2 о суде создал при местных советах специальные коллегии лиц, посвящающих себя правозащитничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты². Членам этой коллегии предоставлено было монопольное право профессионального выступления в судах в качестве защитников. Создан был, таким образом, вновь институт профессиональных защитников. Но, одновременно с этим, было сохранено ничем не ограниченное право непрофессионального выступления в качестве

защитников и всех других неопороченных граждан, хотя бы и не принадлежавших к коллегиям правозащитников¹.

Постановления декрета № 2 о суде в части организации как защиты, так и обвинения были совершенно схематичны и потому сами по себе недостаточны для того, чтобы надлежащим образом организовать и поставить на ноги оба института — обвинителей и защитников. Это быстро отразилось на дальнейших законодательных актах.

2 всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции, состоявшийся в Москве в июле 1918 г., вплотную занялся этим вопросом и в итоге своих работ принял проект типового положения о коллегиях правозащитников, выработанный на основе указаний декрета № 2 о суде².

На почве этого проекта, принятого съездом, на местах затем были изданы положения о коллегиях правозащитников, правда, с различными отступлениями от того проекта, который был принят съездом. Этими постановлениями были восполнены недостаточные сами по себе указания декрета № 2 о суде. Для примера можно указать на постановление президиума Московского совета «О коллегиях правозащитников» от 3 сентября 1918 г.³.

Право комплектования личного состава коллегии, т. е. право принятия и отзыва членов коллегии принадлежало совету рабочих депутатов. Коллегии предоставлено было право внутреннего самоуправления: выбор совета коллегии, выработка правил и инструкций, нормирующих деятельность членов коллегии, наблюдение за моральным уровнем последних и за исполнением ими своих профессиональных обязанностей, наложение на них дисциплинарных взысканий, выработка таксы, распределение судебных выступлений в качестве защитников и обвинителей. Правозащитникам предоставлено было право принимать дела как по избранию тяжущихся и обвиняемых, так и по назначению. Вознаграждение должно было вноситься в кассу коллегии, а затем распределяться между членами последней.

Вторая половина 1918 г. была периодом организации коллегий правозащитников. Организация эта весьма затянулась, и едва успела закончиться формирование коллегий правозащитников на местах, как они были уничтожены

¹ В свое время проф. Васильковский определял самое понятие адвокатуры через понятие правозащитничества: «адвокатура есть правозащитничество, т. е. оказание гражданам юридической помощи» (см. его исследование «Организация адвокатуры». 1893 г., ч. 1, стр. 5 ч. 2, стр. 2).

² Журналы заседаний этого съезда помещены в выпуске 3 «Материалов Народного комиссариата юстиции»: О коллегиях правозащитников, стр. 17—20. В том же выпуске помещены проекты построения коллегии, принятые на съездах деятелей юстиции Сибирского, Урала и Туркестана — стр. 40, 45, 50, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82; Тверской губ. — стр. 96 и Тамбовской — стр. 106.

³ «Известия ВЦИК» № 189 от 3/III 1918 г. перепечатано в Собрании постановлений и распоряжений Московского совета рабочих и крестьянских депутатов № 2, стр. 20.

¹ Газета Временного рабочего и крестьянского правительства № 17 от 24/IX 1917 г., С. У. № 4 за 1917 г.

² С. У. № 26 за 1918 г.

ны издаваемым в декабре 1918 г. Положением о народном суде¹.

Вместо коллегий правозаступников были созданы коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Таким образом, вместо того, чтобы создать две самостоятельные организации — одну для обвинителей, другую для защитников — вновь была организована единая коллегия, из которой на одинаковых основаниях надежда было черпать и обвинителей и защитников. В этом сказалась несомненная тенденция законодательства того периода (вплоть до 1920 г.) — к постепенному превращению адвокатов в должностных лиц, состоящих на государственной службе. Если Положение о коллегии правозаступников в первой половине 1918 г. еще не давало в этом отношении достаточно четких правовых нормировок, то Положение о народном суде во второй половине 1918 г. уже прямо провозглашало, что члены коллегий защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе избираются исполнительными комитетами советов рабочих и крестьянских депутатов на общих со всеми должностными лицами советской республики основаниях из состава лиц, удовлетворяющих требованиям Конституции, причем «члены коллегий, как должностные лица советской республики, получают содержание в размере оклада, устанавливаемого для народных судей по смете Народного комиссариата юстиции». Таким образом, были созданы защитники, состоящие на государственной службе. Так продолжалось до 3 съезда деятелей юстиции, созванного в июне 1920 г.²

Опыт построения защиты и обвинения на почве образования единой коллегии должностных лиц, обнимавшей в своем составе и обвинителей и защитников, признан был на этом съезде не удавшимся. Это не возбуждало почти никаких сомнений. Идея организации защитников как государственных служащих также себя не оправдала. Поэтому съезд постановил упразднить единую коллегию защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Пути организации обвинения и защиты разошлись.

Для выполнения функций обвинения должны были быть созданы специальные кадры обвинителей при отделах юстиции. Что же касается организации защиты, то перед съездом стояла трудная задача: организация адвокатуры по образцу дооктябрьской адвокатуры была отвергнута декретом № 1 о суде; идея свободного допущения к защите всех желающих неопытных граждан, испытанная на практике в первой половине 1918 г., была отвергнута декретом № 2 о суде; создание профессиональных защитников в виде должностных лиц, состоящих на государственной службе, было испытано в течение почти двух лет (1918—1920 гг.) и осуждено самим же съездом.

Резолюция 3 съезда наметила совершенно новое решение вопроса: отныне в качестве за-

щитников должны привлекаться судебными органами в порядке обязательной трудовой повинности все граждане, способные исполнять эту обязанность, для чего соответственные исполкомы составляют особые списки, подобные спискам народных заседателей.

В октябре 1920 г. на почве постановления 3 съезда деятелей юстиции было издано новое Положение о народном суде¹, согласно которому в качестве защитников привлекаются судебными органами по специальным спискам граждане, способные выполнять обязанности защитника на суде. При недостатке защитников из числа этих лиц, в качестве защитников должны привлекаться консультанты, состоящие при отделах юстиции. В развитие этого положения Народным комиссариатом юстиции была издана специальная инструкция об организации обвинения и защиты на суде, провозгласившая, что «защита по уголовным делам является общественной повинностью для всех тех граждан, которые по своей профессии, образовательному, партийному или служебному стажу подготовлены для исполнения обязанностей защитника на суде»².

Практически трудовая повинность ничего не дала для систематического и организованного обслуживания судебных защит, и в подавляющем большинстве случаев обязанности защитников выполнялись консультантами отделов юстиции, т. е. фактически действовала та же система «должностной адвокатуры», которая была осуждена 3 съездом деятелей юстиции еще летом 1920 г.

Можно поэтому констатировать, что если резолюции 3 съезда от лета 1920 г. и Положение о народном суде от октября 1920 г. имели в виду заново и по-иному организовать дело оказания юридической помощи в процессе, то фактически сохранился и продолжал действовать тот же организационный принцип, который существовал до 3 съезда и характеризовался идеей организации защиты на основе государственной службы. Так продолжалось до 1922 г., когда в истории советской адвокатуры наступил резкий перелом.

III

К 1922 г. относится первая кодификация советского судебного права. Дано было развернутое материально-правовое и процессуальное законодательство. В его составе были подробные постановления об обвинении и защите, о прокуратуре и адвокатуре. Все формы организации этих двух институтов, предшествовавшие законодательству 1922 г., являются в исторической перспективе суррогатными по сравнению с советской прокуратурой и советской адвокатурой, созданными в 1922 г.

Второй период в истории советской адвокатуры открывается 4 съездом деятелей советской юстиции в январе 1922 г., на котором проблема прокуратуры и адвокатуры была поставлена в совершенно развернутом виде. Очередные задачи судебной реформы во всех областях определялись к этому моменту необходимостью во что бы то ни стало обеспечить господство революционной законности. Суще-

¹ С. У. № 85 за 1918 г.

² Протоколы III всерос. съезда деятелей советской юстиции с приложением резолюций съезда напечатаны в выпуске 11—12 «Материалов Народного комиссариата юстиции» (см. стр. 5 и приложения, стр. 1—2).

¹ С. У. № 83 за 1920 г.

² С. У. № 100 за 1920 г.

ствует мнение, что лишь введение нэпа, т. е. новой экономической политики, в 1921/1922 гг. впервые вызвало к жизни в советском законодательстве и советском государственном обиходе идею революционной законности. Так например, делая в апреле 1925 г. доклад о революционной законности на XIV партийной конференции, А. А. Солц начал его с утверждения, что «первый раз мы почувствовали потребность говорить о революционной законности в 1921 г., когда началась новая экономическая политика»¹.

Это утверждение явно неверно, ибо для него нет никаких исторических оснований. Правильным будет совсем обратное утверждение, ибо идея революционной законности имеет для всей системы советского государства совершенно принципиальное значение с первых же лет его существования. Достаточно указать на то, что с хозяйственной стороны вся деятельность советского государства подчинена идее плана. Советское народное хозяйство есть принципиально плановое хозяйство. Но вряд ли можно сомневаться в том, что без неуклонного проведения принципа законности ни о каком осуществлении плана говорить нельзя. С этой точки зрения революционная, социалистическая законность представляет собою правовое выражение советского народнохозяйственного принципа — планового регулирования народного хозяйства. В. И. Ленин коротко, но категорически формулировал свою мысль о том, что принципиальной задачей является повышение законности, для чего надо «научить бороться культурно за законность, ничуть не забывая границы законности в революции». Так проблема советской законности связана неразрывными узами с проблемой культуры. Эту мысль В. И. Ленин затем подробно развил в своем известном письме И. В. Сталину о двойном подчинении и законности².

Уже в июле 1918 г. на 2 всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции П. И. Стучка говорил о необходимости обеспечить революционную законность, а судебных работников именовал блюстителями революционной законности³.

Затем 8 ноября 1918 г. VI всероссийский съезд советов принял известное постановление о законности, которое тогда же было охарактеризовано председателем съезда Я. М. Свердловым как чрезвычайно важный государственный акт⁴.

IX всероссийский съезд советов вынес в 1921 г. специальное постановление о революционной законности по докладу Ленина⁵, а 4 съезд работников юстиции в 1922 г. ста-

вил перед собой уже задачу практического законодательства, осуществляющего принципы революционной законности¹.

Таким образом, не новая экономическая политика обусловила впервые необходимость обеспечения законности в советском государстве, а вновь обретенная после победоносного окончания гражданской войны возможность мирного социалистического строительства была причиной того, что мысль снова обратилась к идее укрепления и обеспечения революционной законности. Именно этот момент и был свое время ясно и отчетливо подчеркнут товарищем Сталиным: «Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры, но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д.»².

Здесь подчеркнут и еще один существенный признак революционной законности: революционная законность как форма и метод работы диктатуры пролетариата. Поэтому совершенно прав был А. Я. Вышинский, когда он, выступая в 1933 г. перед Московской коллегией защитников с докладом о «Революционной законности и задачах советской защиты», говорил о том, что «переход к новой экономической политике не порождал вопроса о революционной законности, а вызывал лишь необходимость в ее укреплении» и что «нужно решительно отклонить такое понимание революционной законности, которое самый ее источник видит в новой экономической политике, а не в диктатуре пролетариата, являющейся единственной и подлинной основой революционной законности и революционного правосознания. Революционная законность возникла в первые же дни Октябрьской революции, вместе с ней она развивалась, крепла и росла. Революционная законность на всем протяжении пролетарской диктатуры неизбежно являлась и является активной и творческой силой социалистического строительства»³.

И адвокатура также была реорганизована в 1922 г. не по причине только введения новой

¹ Стенографический отчет XIV конференции Российской коммунистической партии. 1925 г., стр. 246.

² Ленин, т. XXVII, стр. 298.

³ «Материалы Народного комиссариата юстиции», вып. III, 1918 г., стр. 23.

⁴ Стенографический отчет VI всероссийского чрезвычайного съезда советов. 1918 г., стр. 70—71: «Съезды советов в постановлениях и резолюциях». 1935 г., стр. 103.

⁵ «Съезды советов в постановлениях и резолюциях». 1935 г., стр. 189.

¹ Затем вопрос о революционной законности ставился неоднократно в целом ряде официальных актов и документов (см. «Положения о Верховном суде СССР»: «Съезды советов в постановлениях и резолюциях», стр. 269; Конституция СССР 1923 г., стр. 43; постановления III съезда советов СССР: С. З. № 35 за 1925; постановление Президиума ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г.: С. З. СССР № 50 за 1932 г.; доклад И. В. Сталина о проекте Конституции на Чрезвычайном VIII съезде советов.

² И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 113.

³ А. Я. Вышинский, Революционная законность и задачи советской защиты. 1933 г., стр. 22—23 (см. также ст. А. Я. Вышинского «Революция и законность»: «Советская юстиция» № 5 за 1933 г., стр. 4.

экономической политики, а в более глубоких и принципиальных целях — укрепления революционной законности.

Под режимом революционной законности Н. В. Крыленко предложил на 4 съезде деятелей юстиции понимать «такой установившийся порядок, при коем каждому будет обеспечена полная безнаказанность действовать, если он совершает то, что законом не воспрещено, во-первых, и наказуемость для всякого, кто бы он ни был — при совершении деяния, воспрещенного законом, во-вторых»¹.

Это определение должно быть признано для того момента достаточно ясным и четким.

Поэтому, прежде всего, нужно было создать развитое материально-правовое законодательство в качестве необходимой предпосылки революционной законности. «Если мы будем говорить о революционной законности,—указывал народный комиссар юстиции Д. И. Курский на съезде,—а законов не будет, то это будет весьма эффективное слово и больше ничего». Во-вторых, должно было быть создано развитое процессуальное законодательство, без которого также немислимо обеспечить господство революционной законности, и, в-третьих, должны были быть созданы специальные организации, призванные к непосредственному осуществлению двуединой задачи революционной законности. Этими организациями и явились государственная прокуратура, с одной стороны, и коллегии защитников, с другой стороны. Именно для осуществления прямо и непосредственно этих задач революционной законности и созданы были эти две организации. В этом смысл их существования и исторически и логически. Совершенно ясно, какие серьезные задачи были поставлены перед прокуратурой и перед адвокатурой, если речь шла, с одной стороны, об обеспечении наказуемости для всякого, кто бы он ни был, за совершение деяния, воспрещенного законом, с другой стороны, об обеспечении каждому полной безнаказанности действовать, если он совершает то, что законом не воспрещено.

Перед лицом этих задач Д. И. Курский характеризовал положение, существовавшее в вопросе об адвокатуре к 1922 г., в следующих словах: «До очевидности ясно, что оставаться при системе списков защитников, который мы вели до настоящего времени, сейчас анахронизм»².

Если до 1922 г. при разрешении адвокатских проблем имела в виду лишь задача организации защиты в судебном процессе, то теперь самые задачи адвокатуры понимались гораздо более широко и были поставлены на большую высоту. Речь шла уже не только о защите в судебных заседаниях, а о том, чтобы создать адвокатские организации, призванные, вообще, к оказанию населению культурной и добродетельной юридической помощи во всех областях права, в целях обеспечения населению

революционной законности. Этими адвокатскими организациями и явились коллегии защитников, созданные Положением об адвокатуре в мае 1922 г.

Эти коллегии защитников являлись самоуправляющимися организациями, созданными при губернских судах¹. Членами коллегий защитников могли являться граждане, пользовавшиеся избирательными правами, если они имели не менее двухлетнего стажа работы в органах советской юстиции на должностях не ниже следователя, или при условии сдачи ответственного испытания. Коллегии избирали свой президиум, задачей которого было руководить всей деятельностью коллегий и выполнять обязанности дисциплинарного суда по нарушениям, допускаемым членами коллегий в связи со своим званием и профессиональной деятельностью. Контроль за личным составом членов коллегий, в форме отвода вновь принимаемых членов, и отзыва лиц, уже состоящих в коллегии, принадлежал президиуму соответствующего исполкома (сначала губернского, затем окружного, а затем краевого или областного). Президиум исполкома являлся также по законодательству 1922 г. второй инстанцией, рассматривавшей жалобы на дисциплинарные решения президиумов коллегий защитников.

В 1924 г. это последнее правило было изменено, и апелляционной инстанцией по дисциплинарным делам вместо исполкома был сделан суд². Таким образом, с этого момента коллегий, по существу, стали целиком подконтрольны судам, при которых они состояли.

Основной формой адвокатской работы при оказании юридической помощи населению являлась по законодательству 1922 г. индивидуальная практика адвокатов, в основе которой лежало прямое обращение клиента к адвокату и непосредственное между ними соглашение об оказании юридической помощи.

В процессуальной области лишь за членами коллегий защитников по законодательству 1922 г. признано было право профессиональной защиты в судебных процессах. Для целого ряда случаев процессуальное законодательство стало на точку зрения необходимой защиты, которая должна быть организована по требованию суда адвокатскими организациями, если сам обвиняемый не озаботился приглашением защитника и прямо от защиты не отказался. По законодательству РСФСР защита является необходимой, если в заседании участвует обвинитель, или если обвиняемый нем, глух и, вообще, лишен в силу физических недостатков способности правильно воспринимать те или другие явления. Законодательство УССР еще более широко раздвигает рамки обязательной защиты, требуя ее в тех случаях, когда подсудимому грозит высшая мера уголовного репрессии — расстрел.

Уже в самый момент создания законодательства об адвокатуре в 1922 г. было совер-

¹ Стенографический отчет IV съезда деятелей советской юстиции: «Материалы Народного комиссариата юстиции», вып. 16—17, стр. 61, а также «Еженедельник советской юстиции» № 5 за 1922 г., стр. 11.

² Стенографический отчет VI всероссийского съезда деятелей советской юстиции, стр. 9 и 13.

¹ Затем, в связи с изменением административного деления, коллегии защитников стали сначала окружными, а затем краевыми или областными и состояли, соответственно, при окружных, а затем при краевых или областных судах.

² С. У. № 48 за 1923 г. и № 78 за 1924 г.

иенно ясно, что оказание юридической помощи только в порядке индивидуальной адвокатской практики не может полностью и целиком гарантировать разрешение основной поставленной адвокатуře задачи: обеспечить всему без исключения населению и, в первую очередь, всей массе трудящихся добросовестную юридическую помощь в целях укрепления революционной законности. Поэтому, в дополнение к предоставленному адвокатам праву индивидуальной практики, на адвокатуру была возложена большой важности государственная задача — организовать для оказания юридической помощи сеть юридических консультаций, в работе которых должны в общественном порядке принимать участие все без исключения члены адвокатуры.

Мысль о создании юридических консультаций существовала и до революции. Более того, эта мысль была одной из любимых идей той части адвокатуры, которая рассматривала адвокатскую профессию не как ремесло, а как общественное служение, во имя этого служения организовала специальные кружки для судебной защиты революционеров, которых судили в царских судах, и во имя этой же идеи общественного служения сделала ряд попыток организовать также юридические консультации для обслуживания широких масс населения. Все эти попытки были грубо и решительно пресечены Щегловитовым, руководившим царским министерством юстиции в самую мрачную пору между двумя революциями (1905—1917 гг.)¹.

И лишь построение адвокатуры в 1922 г. дало впервые возможность раскинуть широкую сеть юридических консультаций, проникающих в самую толщу населения и дающих возможность получить юридический совет там, где ранее его найти никогда нельзя было. Коллективно организуемая правовая помощь населению перестала, таким образом, быть случайностью, зависящей от инициативы отдельных лиц или групп, она стала для адвокатуры публичной обязанностью, основанной на законе и законом гарантированной. Это возложило на адвокатуру большую и ответственную задачу построить и раскинуть общественные и юридические консультации по всей стране — в городе и в деревне, сделать их абсолютно доступными и в губернском центре и на периферии, в самой гуще населения. Чем ближе к населению спускалась первая инстанция суда, тем ближе к нему должна была стать и правовая помощь. Поэтому всякий, кто шел для работы в советскую адвокатуру, должен был дать себе совершенно ясный отчет в том, какие серьезные обязательства общественного характера он на себя принимает.

Поставленную перед ней законом задачу советская адвокатура, созданная законодательством 1922 г., в основном выполнила: по всей стране раскинута небывало широкая сеть юридических консультаций. Консультации эти как со стороны личного состава, так и со стороны материальной базы их существования являются целиком и полностью детищем самой адвока-

туры. Консультации эти находятся в состоянии непрерывного роста и совершенствования. В 1930 г. они претерпели изменение своей внутренней структуры (об этом ниже). Создание этой широко развитой сети юридических консультаций для оказания юридической помощи населению является одним из главных достижений советской адвокатуры как по сравнению с дореволюционной адвокатурой, так и по сравнению с адвокатурой любой из капиталистических стран. Советские юридические консультации действительно широко раскинуты, как в городе, так и в деревне и действительно проникают в самую гущу населения. Этого не имеет ни одна страна, кроме Советского союза.

Но для необъятных размеров Советского союза того количества консультаций, которые имеются еще и на сей день, совершенно недостаточно. Задача советской адвокатуры на будущее время состоит в том, чтобы, совершенствуя работу юридических консультаций с точки зрения непрерывного повышения качества их работы, позаботиться также и о дальнейшем росте количества консультаций, в особенности, на периферии и, в особенности, в деревне. Должно быть создано действительно такое положение, при котором бы никто, нигде и никогда не мог встретиться с какими-либо затруднениями в получении добросовестной и культурной юридической помощи.

IV

За первое же пятилетие своего существования и прокуратура и адвокатура прочно вошли в жизнь. Вряд ли уже тогда можно было серьезно ставить вопрос о нужности или ненужности защиты в советском процессе и адвокатуры как организации, призванной к профессиональному выполнению обязанностей судебной защиты. Этот вопрос серьезно не возникал в первые годы после Октябрьской революции¹ и считался совершенно бесспорным и при кодификации советского судебного права в 1922 г. Но к концу рассматриваемого периода на адвокатском горизонте появились тучи. Это стояло в несомненной связи с положением, создавшимся в тот момент на правовом теоретическом фронте и с упрощенческими тенденциями, проявившими себя в судебной практике. Испытанное советской юстицией влияние правового упрощенства не могло, разумеется, не отразиться и на вопросах, связанных с адвокатурой и с защитой. В теоретической области основным выразителем ложных и вредных теоретических построений, которые должны были служить квази-научным обоснованием нигилистических, упрощенческих тенденций в области права, вообще, и в области уголовного процесса, в частности, являлся Пашуканис. Отсутствие к тому периоду углубленных, стоящих на ленинских позициях, теоретических работ в области права и, в част-

¹ История русской адвокатуры, т. 1, И. Б. Гессен, Адвокатура, общество и государство. 1914 г., стр. 452—454.

¹ В 1918 г. такая точка зрения была высказана А. А. Молочковым на страницах журнала «Пролетарская революция и право» № 7 за 1918 г., стр. 21 и сл. Никакого внимания эта статья к себе не привлекла и никаких последователей себе точка зрения автора не нашла.

ности, в области уголовного процесса, облегчили распространение этих воззрений — упрощенно-вульгарных, антиленинских и лженаучных.

Такое отношение к праву не могло, естественно, не отразиться, в частности, и на отношении к процессуальному праву. И процессуальное право было провозглашено подлежащим отмиранию по мере роста социалистического строительства, ибо «уголовный процесс как правовая форма» объявлялся лишь одной из форм специфически буржуазной сделки.¹

Пашуканис взял в общую скобку все буржуазное право, безотносительно к тому или иному этапу его развития. Буржуазно-демократическое право и фашистское право в его глазах не имеют отличия между собой. Стоя на такой позиции, он для своих насмешек избрал наиболее прогрессивный момент из истории развития буржуазно-демократического права, отвергаемый и сведенный на-нет фашизмом. Свои «процессуальные» воззрения он изложил на примере принципа процессуальной состязательности, который был введен в буржуазно-демократический процесс в тот период истории, когда буржуазия в борьбе с феодальным режимом являлась в исторической перспективе прогрессивным классом. Этот принцип состязательности является одним из культурных достижений уголовно-процессуального права и именно его избрал Пашуканис как «момент иррациональный, мистифицирующий, чуждый, чуждый» и потому «специфически правовой».²

В действительности, под внешне революционной фразой, это не что иное, как борьба с демократическими элементами уголовно-процессуальной организации.

Действительное осуществление принципа процессуальной состязательности немисливо, разумеется, без прочно организованной профессиональной защиты. Борьба с принципом состязательности была тем самым и борьбой с защитой в процессе. Высмеивание принципа состязательности вело тем самым к компрометированию положения защиты и адвокатуры.

Это отрицательное отношение к правовому регулированию, пренебрежение к правовой форме и правовым гарантиям, к сожалению, не осталось только на страницах выпущенных книг! и на практике был проведен ряд ошибочных и неудачных мероприятий, осуществлявших такое отрицательное отношение к процессуальному праву. При неизменности законодательных постановлений о защите — это отразилось на фактическом ее положении.

Составленные в 1927 и 1928 гг. проекты уголовно-процессуальных кодексов полностью отражали эти нигилистические тенденции в отношении защиты. Защита должна была по про-

екту 1928 г.¹ допускаться, по общему правилу, лишь по усмотрению суда. Суд не мог отказать в допущении защиты лишь в ограниченном количестве случаев: если обвиняемый являлся несовершеннолетним или был одержим физическими недостатками, лишающими его возможности правильно воспринимать окружающие явления, или если о допущении защиты специально ходатайствуют общественные или профессиональные организации. Наконец, в первой инстанции защита не могла быть устранена при участии в заседании прокурора. В кассационном же заседании защита могла быть устранена даже при участии прокурора. В тех случаях, когда участие защиты допустимо в процессе, по усмотрению суда могут быть устранены прения сторон. Наконец, проект 1928 г. обязывает самого защитника отказать в судебном заседании от защиты, если для защиты нет оснований.

К тому же кругу явлений относится публичное выступление одного из судебных работников, о котором нельзя не упомянуть. Речь идет о публичном докладе, с которым счит возможным выступить в 1929 г. бывший председатель Московского губернского суда и член коллегии Народного комиссариата юстиции Стельмахович. На публично организованном диспуте он выступил с докладом, в котором поставил ребром вопрос о том, нужна ли в советском процессе, вообще, защита, и решал этот вопрос в том смысле, что советский процесс тем и должен отличаться от буржуазного процесса, что в нем никакой защиты не требуется. Правда, в этом своем выступлении Стельмахович оказался совершенно одиоким и не был поддержан никем из участников этого диспута: ни судьи, ни прокуроры, ни адвокаты не только не стали на эту точку зрения, но ответили на это выступление дружной и резкой отповедью. Но совершенно несомненно, что это выступление лишь довело до абсурда ту точку зрения, которая проявлялась и на целом ряде других упрощенческих проектов. Известно, что проект УПК 1928 г., хотя и не получивший силы закона, оказал, тем не менее, сильное влияние на судебную практику, в частности, период времени 1929, 1930 и 1931 гг. отмечен максимальным за все время существования советской юстиции использованием возможности слушания дел без защиты как в первой инстанции, так и в кассационной инстанции.

В законодательной области попытки упрощения получили лишь очень незначительное отражение в постановлении от августа 1929 г. об организации опытных судебных округов, в которых предполагалось произвести в виде опыта упрощение процесса. В состав этих упрощающих мероприятий входило, в частности, и полное устранение защиты от участия в кассационных заседаниях судов. Опыт этот очень быстро был признан неудавшимся и соответственные узаконения были признаны утратившими силу.²

Эти вредные для советской юстиции и упрощенческие тенденции по вопросу о защите

Прав был поэтому П. Юдин, когда указал, что на теоретическом правовом фронте именно Пашуканис является «основоположником» вульгаризации и искажений в области права» (см. ст. П. Юдина «Против путаницы, прошлого и ревизионизма» в «Правде» № 20 от 20/1 1927 г.).

¹ «Еженедельник советской юстиции» № 46—47 за 1928 г.

² С. У. № 67 за 1929 г. и № 37 за 1932 г.

нашли себе отражение и в области публицистики. Тогдашнее руководство издательства «Советское законодательство» нашло возможным выпустить пошлейший памфлет «Волчья стая», представляющий из себя прубый и грязный пасквиль на советскую адвокатуру.¹ Различные случаи нарушения и ополчения отдельными адвокатами своих обязанностей, неизменно вызывавшие по отношению к себе дисциплинарную репрессию со стороны самой адвокатуры, изображены были в этом памфлете в качестве типовых особенностей, неминуемо и неразрывно связанных с самой профессией адвоката. Это был грубый и пошлый, доведенный до крайнего абсурда вывод из «теоретических» построений Пашуканиса о состязательности в процессе и упрощенческих тенденций некоторых судебных работников, попавшихся на удочку антиправовой пропаганды Пашуканиса и его последователей.

Нужны были какие-то решительные меры к тому, чтобы поднять значение защиты в процессе. Проведение этих мероприятий составляет содержание следующего, третьего периода истории советской адвокатуры.

V

Начало третьего периода относится к 1930 году, когда были проведены значительные изменения в порядке работы советской адвокатуры. Эти изменения имели для судеб адвокатуры настолько большое значение, что весь период, начиная с проведения этих мероприятий, правильно рассматривать особо от предыдущего периода в качестве самостоятельного. Мы имеем в виду организацию коллективов защитников.

Организация коллективов защитников была произведена внутри коллегий защитников. Поэтому это нововведение не затронуло внешнего правового положения коллегий защитников, как самоуправляющихся, публично-правовых организаций, состоящих при судах. Это положение коллегий защитников было полностью сохранено, и самая организация коллективов защитников была возложена на президиумы коллегий защитников.

Организация коллективов защитников формально не затронула также указанного в процессуальном законодательстве процессуального положения защитников, ибо законодательство это осталось неизменным. Что же касается фактического положения защиты в суде, значительно ухудшившегося к концу предыдущего периода под влиянием лженаучных «теорий» и упрощенческих тенденций, о которых мы говорили выше, то организация коллективов защитников именно в этом вопросе оказала весьма благотворное влияние. Организация коллективов защитников сводилась к следующему.

Мы уже выше указывали, что предыдущий период в истории советской адвокатуры, начатый законодательством 1922 г., характеризовался тем, что наряду с индивидуальной практикой адвокатов, как основной формой оказания юридической помощи населению, была соз-

дана широкая сеть юридических консультаций. Но в течение всего предшествующего периода эти консультации продолжали иметь лишь дополнительное значение по отношению к индивидуальной адвокатской практике.

Теперь поставлена была задача — изменить взаимное соотношение удельного веса этих двух форм адвокатской работы и сделать оказание юридической помощи через юридические консультации основной формой адвокатской работы вообще. Каждому из адвокатов предложено было на выбор: оказывать юридическую помощь или в форме индивидуальной практики или в форме работы юридической консультации. При этом лица, занимающиеся индивидуальной практикой, лишались права работы в юридических консультациях, хотя бы в порядке выполнения своих общественных обязанностей, а лица, работающие в консультациях, лишались права заниматься индивидуальной практикой.

Таким путем юридические консультации были превращены в коллективы защитников, как постоянно действующие учреждения. Клиент обращался в коллектив, а коллектив поручал оказание того или иного вида помощи одному из своих членов. Денежные расчеты за оказываемую помощь клиент должен производить непосредственно с коллективом. Труд членов коллективов оплачивается последними пособиям вознаграждением.

Поскольку лицам, занимающимся индивидуальной практикой, запрещена была какая-либо работа в организованных на общественных началах консультациях, постольку это, естественно, сказывалось до известной степени и на общественной оценке обоих видов адвокатской работы: индивидуально-практикующих адвокатов стали иногда рассматривать с общественной точки зрения как адвокатов второго ранга по сравнению с теми, кто работал в консультациях.

В начале 1930 г. коллегии защитников повсеместно перешли на новые рельсы. Преобладающее значение получили коллективы защитников. Индивидуальная практика сошла в этот момент почти на-нет.

При создании коллективов защитников было допущено на местах не мало ошибок и перегибов, которые относились, главным образом, к организации коллективов в порядке администрирования, вместо того, чтобы обеспечить и организовать создание их в порядке добровольного объединения адвокатов между собой для совместной работы, как это следовало делать на основании изданного Народным комиссариатом юстиции типового Положения о коллективах.²

¹ В различных коллективах и в различное время формы месячной оплаты были различными: твердые ставки, так наз. «марочная» система, сдельная оплата и т. д.

² Наличие этих ошибок, допущенных при организации коллективов в виде «принудительного распределения наличных кадров защитников по коллективам», была признана и народным комиссаром юстиции Н. В. Крыленко в его речи на общем собрании Московской коллегии защитников 9/VIII 1936 г., «Советская юстиция» № 27 за 1936 г., стр. 8.

¹ Вл. Валерин, Волчья стая, изд. «Советского законодательства», 1931 г.

Но две существенных ошибки были допущены и самим первоначальным Положением о коллективах защитников. Переоценены значение возражений и нападок против самого принципа соглашения между адвокатом и клиентом, в котором усматривалось создание зависимости адвоката от клиента, первоначальное постановление Народного комиссариата юстиции о коллективах защитников от 11 января 1930 г. запрещало клиенту при обращении его за юридической помощью в коллектив избирать того или иного конкретного защитника, которому он желал бы доверить свои интересы, а обязывало его обращаться безлично в коллектив защитников, от которого уже зависело поручить дело тому или иному из своих членов¹.

От этого ограничения пришлось очень быстро отказаться, и постановлением Народного комиссариата юстиции от 21 марта 1930 г. каждому клиенту, обращающемуся в коллектив, предоставлено было право избирать того именно из членов коллектива, которому он доверит².

Другая ошибка самого Положения о коллективах состояла в том, что индивидуально практикующим адвокатам была вовсе запрещена какая бы то ни было работа в консультациях, хотя бы в порядке выполнения своих общественных обязанностей. Такое решение вопроса не может считаться правильным, между тем это положение сохраняется и по настоящее время. Такой резкий отрыв индивидуально практикующих адвокатов от консультаций не может быть рекомендован. Соответствующие изменения должны быть произведены.

Не мало ошибок было также допущено и в работе президиумов коллегий защитников по организации коллективов, и самими коллективами, при организации своих работ, и судами, при осуществлении надзора за коллегиями защитников.

О недостатках в работе коллективов защитников и ряде мероприятий, необходимых для повышения качества их работ, нам приходилось уже высказываться на страницах «Социалистической законности». Поэтому мы позволим себе не повторять в настоящей статье всех этих указаний.

Но, оценивая создание коллективов защитников в исторической перспективе, надо признать, что, несмотря на все указанные ошибки, это мероприятие имело, несомненно, и для советского уголовного процесса и для советской адвокатуры положительное значение в смысле укрепления самой идеи о необходимости защиты в процессе. Если под влиянием упрямых тенденций выросло отрицательное отношение к защите и к адвокатским организациям, существование которых в тот момент было построено в основе на идее частной адвокатской практики, то создание коллективов защитников в значительной мере смягчило именно эти нападки на защиту и доказало невозможность обойтись без защиты на суде. У тех критиков адвокатуры, которые, исходя из преобладавшей в то время организационной формы оказания юридической по-

мощи в виде частной практики, делали вывод о порочности самой функции защиты, организация коллективов защитников выбивала основной аргумент: критиковать процессуальную функцию защиты, исходя из неудовлетворявшей формы организации оказания юридической помощи, стало невозможно.

Коллективы защитников существуют с начала 1930 г., т. е. заканчивают восьмой год своего существования. Население к ним пришло и совершенно несомненно, что они себе завоевали право на дальнейшее существование. Это не значит, конечно, что коллективы защитников не нуждаются ни в каких изменениях и улучшениях, программа которых должна быть тщательно продумана и разработана адвокатскими организациями на почве того Положения об адвокатуре, которое должно быть в ближайшем будущем издано.

Взаимоотношение удельного веса юридических консультаций и индивидуальной адвокатской практики в настоящий момент обратно пропорционально тому взаимоотношению, какое имелося в период времени с 1922 г. по 1930 г. Тогда основной формой оказания юридической помощи населению была частная практика и дополнением ее являлись юридические консультации.

Теперь основной формой является юридическая консультация, параллельно с которой и дополнительно к которой существует также возможность оказания юридической помощи в форме индивидуальной практики отдельных адвокатов. Это положение аналогично тому, которое имеется, например, и в системе здравоохранения. Амбулатория и поликлиника вместе с государственной больницей являются основными формами оказания медицинской помощи населению. Индивидуальная медицинская практика количественно занимает незначительное место по отношению к государственной медицинской помощи.

Оказание юридической помощи в адвокатских консультациях и оказание ее в форме индивидуальной практики является с точки зрения закона двумя равноправными формами адвокатского труда. Закон уважает одинаково обе эти формы труда, если только оказание юридической помощи производится субъективно, добросовестно и если оказываемая юридическая помощь объективно стоит на высокой качественной высоте с правовой и политической точки зрения.

Перед советской адвокатурой на дальнейший период времени стоит большая и почетная задача дальнейшего развертывания сети юридических консультаций и обеспечение их высококвалифицированным личным составом.

VI

Организация коллективов защитников, несомненно, как мы указали уже выше, значительно укрепила процессуальное положение защиты на суде и ликвидировала самый вопрос о том — нужна или не нужна защита в советском суде. Этот вопрос перестал быть в какой бы то ни было степени дискуссионным. Но атмосфера вокруг защиты и тем самым вокруг адвокатуры, зараженная стараниями авторов лженаучных и реакционных «тео-

¹ «Еженедельник советской юстиции» № 4 за 1930 г., стр. 26.

² «Еженедельник советской юстиции» № 11 за 1930 г., стр. 26.

рий» типа Пашуканиса, еще не была тем самым полностью оздоровлена. Не мало энергии и внимания вопросу о необходимости оздоровления такой обстановки, созданной вокруг защиты, отдал Прокурор Союза А. Я. Вышинский. Его выступления на эту тему имели, несомненно, весьма большое практическое влияние, и при анализе этого периода в истории советской адвокатуры указанным выступлениям должно быть отведено заметное место.

Еще в 1933 г., выступая на собрании Московской коллегии защитников с докладом о революционной законности и задачах советской защиты, А. Я. Вышинский констатировал, что «к сожалению, в настоящее время в некоторых кругах работников наших органов юстиции оживают взгляды, которым надо дать решительный отпор, взгляды, которые, как раз, определяются недооценкой роли, места и значения на данном этапе нашего социалистического строительства органов советской защиты... Многие, или во всяком случае некоторые (правда, их становится за последнее время меньше, но кое-кто еще остается), думают, что отрицание защиты, отрицание необходимости работы защитника в советском суде является своего рода последним словом революционной теории процесса. Увы, в этой новизне старина слышится... Задачи советской защиты, добавлял к этому А. Я. Вышинский, нужно рассматривать не столько с точки зрения института, как одного из звеньев в системе учреждений, осуществляющих работу судебного порядка, сколько в качестве еще одного из культурных рычагов, и я прямо скажу: когда мы сейчас еще встречаемся с недооценкой роли защиты на фронте революционной, социалистической законности, то недооценка эта является не чем иным, как результатом некультурности»¹.

К тому же вопросу об отношении к защите А. Я. Вышинский вернулся вновь на I всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г., на котором он являлся основным докладчиком по программным вопросам работы суда и прокуратуры. «Положение защиты у нас таково, говорил он на совещании, что защиту у нас, в сущности говоря, только едва терпят, причем стараются всячески продемонстрировать свое пренебрежение к защите, думая, что они таким отношением к защите доказывают свою высшую «революционность». Такое отношение к защитникам и к защите — это своеобразное проявление пережитков капитализма в нашем сознании, это результат определенной некультурности. Некоторые думают, что таким отношением к защите они выражают нечто новое в процессе, делают самый советский процесс особенным, отличающимся именно этим от буржуазного процесса. В действительности же в этой «новизне старина слышится», ибо такое отношение в процессе к защите характеризует не пролетарский суд и даже не буржуазный суд, а крепостнический, дореформен-

ный суд¹. Сейчас роль защиты в советском суде, продолжал А. Я. Вышинский, особенно важна, так как через наши суды проходят подавляющее большинство трудящихся, требующие высококачественной юридической помощи. Думать так, как думают некоторые, что в советском суде специального органа такой помощи не нужно потому, что сам суд защищает обвиняемого — тоже ошибочно, думать так — значит впадать в схему, рассуждая абстрактно, совершенно нежизненно»².

В следующем своем выступлении на совещании судебных работников УССР в Киеве в 1935 г. А. Я. Вышинский вновь остановился на вопросе о защите, связав его на этот раз с самыми основными положениями советского уголовного процесса. Если нигилистическое отношение к защите в упрощенческой теории и практике исходило из отрицательного реакционного отношения к демократическому принципу процессуальной состязательности, то именно необходимость развития демократизма и состязательности аргументировал А. Я. Вышинский и необходимость укрепления защиты в советском процессе.

«В советском суде должны быть реализованы в полной мере принципы советской демократии, обеспечивающей всестороннее, объективное и исчерпывающее рассмотрение дел, дающих равные права и возлагающей равные обязанности на участвующие в процессе стороны, создающей крепкую гарантию справедливости и правильного решения дел, равно охраняющей интересы пролетарского государства каждого трудящегося человека великой Страны советов. Сказанным определяется и ответ на вопрос о перспективах развития советского уголовного процесса. Развитие это идет вглубь и ширь. Не свертывание, а развертывание гласности, публичности, состязательности, равноправия сторон... Развитие нашего процесса должно идти по линии большего укрепления состязательности... Этим определяется решение вопроса о защите в советском судебном процессе. Нужно окончательно отбросить попытки представить судебное дело так, будто бы объективный и справедливый судья успехом может обойтись и без прокурора без защитника. Как бы судья ни был объективен и подготовлен к выполнению своих трудных обязанностей — без помощи таких органов, как прокуратура, поддерживающая обвинение, и защита, представляющая обвиняемого в пользу обвиняемых, ему не обойтись. Утверждать противное — значит просто не видеть и не знать жизни, фактически, объективно тянуть процесс назад, к системе розыскного, инквизиционного процесса, тоже пытавшегося обходиться без участия прокуратуры и защиты»³.

Наконец, в августе 1936 г. А. Я. Вышинский остановился на том же вопросе, выступая на общем собрании Московской коллегии защитников. «Мне представляется одной из основных больших опасностей в нашей работе, — го-

¹ «Социалистическая законность», № 5 1934 г., стр. 30.

² Там же, стр. 30—31.

³ «Социалистическая законность», № 39 1935 г., стр. 15, 16.

¹ А. Я. Вышинский, Революционная законность и задачи советской защиты, 1933 г., стр. 28—30.

Дил он на этот раз, — то, что до сих пор имеется еще, несмотря на кое-где произнесенные слова, наличие очень глубокой недооценки роли и значения советской защиты в Советском союзе. Конечно, время сейчас не такое, чтобы можно было выйти на трибуну и сказать, что советская защита — это старая буржуазная защита и что с этой защитой нам не по дороге. Не такое сейчас время, чтобы сказать, что можно обойтись и без защиты. Было время, когда эти взгляды проповедывались достаточно откровенно. Сейчас с этими взглядами откровенно никто не выступает, но, под сурдинку, еще эти взгляды пробуют протаскивать в нашу жизнь и не столько в декларациях или выступлениях, сколько в практической работе, а это самое важное».

Приведенными четырьмя своими выступлениями в 1933, 1934, 1935 и 1936 гг. А. Я. Вышинский сделал несомненно очень много для прояснения нездоровой атмосферы, сложившейся вокруг вопросов о защите. Эти выступления являются сами по себе фактором, повлиявшим на разрешение вопросов о защите в этот период времени, потому мы и позволяли себе привести выше достаточно подробные выдержки из этих речей и докладов.

Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников, собравшееся в Москве в апреле 1934 г., происходило под знаком развернутой критики упрощенческих мероприятий, вообще, в частности, под знаком решительного осуждения распространенного к тому моменту отрицательного отношения к защите в процессе и организациям адвокатуры. В частности, по докладу А. Я. Вышинского Всесоюзным совещанием была принята резолюция следующего содержания: «Учитывая особую роль в данных условиях правильной организации защиты, считать необходимым принять меры как организационного, так и процессуального порядка, обеспечивающие соответствующую роль и авторитет советской защиты в уголовном и гражданском процессах»¹.

Эта резолюция знаменовала собой происшедший перелом в отношении к защите. В последующие годы перелом этот стал более отчетливым и осязательным. Результатом этого перелома является вступление советской адвокатуры в четвертый, исторический период своего существования.

VII

Положение адвоката в уголовном процессе как защитника подсудимого неминуемо определяется процессуально-правовым положением самого подсудимого. Этот вопрос о процессуально-правовом положении подсудимого иногда формулируется так: является ли подсудимый в процессе объектом или субъектом. Самая постановка вопроса в такой форме представляется нам неправильной. В самом деле, трудно себе представить такое построение уго-

ловного процесса, в котором подсудимый был бы только субъектом, не будучи в то же время объектом процессуального исследования. Поскольку в уголовном процессе подвергаются принудительному исследованию действия подсудимого, поскольку принудительно для чего исследуется самая его личность, постольку несомненно, что подсудимый всегда является и не может не являться объектом судебного исследования, т. е. процессуальным объектом, и вопрос заключается не в том, является ли он в процессе объектом или субъектом, а в том, является ли он только объектом или является также и процессуальным субъектом, наделенным определенными процессуальными правами. Фашистский процесс, например, решает этот вопрос в том смысле, что следует отбросить все демократические бредни о том, что подсудимый может иметь положение субъекта в уголовном процессе. Это не соответствует идеологии фашизма по собственному признанию его представителей. Можно, например, указать на одну из последних работ, посвященных вопросу о защите в фашистском процессе, принадлежащую Гюнтеру Гоннелю и вышедшую в 1936 г.¹ В ней прямо утверждается, что, с точки зрения идеологии национал-социализма, предоставление подсудимому прав процессуального субъекта не может быть терпимо и что, с точки зрения фашизма, подсудимый является и должен являться в процессе лишь объектом и более никем и ничем. Поэтому в фашистском процессе подсудимый не является и стороной в процессе. Это совпадает с общим отношением фашизма ко всем проявлениям хотя бы буржуазного демократизма. Поскольку предоставление подсудимому прав процессуального субъекта было в истории суда результатом проникновения демократических начал в буржуазный суд, постольку отрицание и пренебрежение ко всему демократическому должно было привести к отрицанию в фашистском процессе и этого демократического элемента. Подсудимый в фашистском процессе лишен и того положения процессуально-правового субъекта, которое он, в известных пределах, имел в буржуазно-демократическом процессе.

Пути развития советского процесса совсем иные. Его развитие за истекшие 20 лет представляется последовательным расширением его демократических основ и позиций. Советский процесс становится все более и более демократичным и состязательным. Подсудимый в советском уголовном процессе никогда не являлся только объектом процессуального исследования, но всегда занимал определенное выраженное положение процессуального субъекта, стороны в процессе, процессуально-равноправной прокурору, поддерживающему обвинение. Одним из основных прав подсудимого, как процессуального субъекта в состязательном процессе, является право иметь защитника, который бы пользовался всей полнотой прав стороны в процессе, равноправной обвиняемому прокурору, и являлся бы одинаково с последним авторитетным и подготовленным с правовой и общественной стороны.

¹ «Социалистическая законность», № 10 за 1935 г., стр. 9.

² «Социалистическая законность», № 5, за 1934 г., стр. 37.

¹ Günther Gonnellung, Die Stellung des Verteidigers im modernen Strafprozess. 1936 г.

Это право подсудимого получило в настоящий момент квалифицированную правовую гарантию в постановлениях Сталинской Конституции, проект которой опубликован летом 1936 г. и которая стала основным законом страны 5 декабря 1936 г.

Статья 111 Конституции союза и соответствующие ей статьи республиканских конституций провозглашают принцип обеспечения подсудимому права на защиту. Этот процессуальный принцип поднят на высоту конституционного принципа. Лишение обвиняемого права на защиту перестает, таким образом, быть только процессуальным нарушением: оно становится нарушением конституционным¹.

В связи с этим сейчас рождаются тенденции дальнейшего развития защиты в процессе, диаметрально противоположные тем, которые были характерны для периода упрощенческих опытов. Если в упрощенческой практике предшествующего периода сказались тенденции к сжатию и сокращению участия защиты в процессе, то теперь, наоборот, на очередь поставлен вопрос о расширении функций защиты.

«Сейчас мы находимся на перевале, сейчас мы стоим на пороге новой страницы в развитии жизни советской защиты и советской адвокатуры», говорил Прокурор Союза А. Я. Вышинский на общем собрании Московской коллегии защитников в августе 1936 г.

О том же говорил на этом же собрании и народный комиссар юстиции Союза Н. Б. Крыленко, подчеркивая, что судебные реформы, вытекающие из Сталинской Конституции, должны, естественно, охватить и проблемы, связанные с адвокатурой и защитой.

Наиболее серьезным предложением, которое за последнее время сделано в связи с тенденцией к расширению процессуальных функций, защиты, является предложение о введении защиты на предварительном следствии. Об этом говорил А. Я. Вышинский на собрании московских адвокатов, об этом писал в юридической печати М. С. Строгович. Эта тема послужила предметом специального доклада, сделанного Московской коллегией защитников М. А. Чельцовым-Бебутовым. Предложение о введении защиты на предварительном следствии включено в проект общесоюзного уголовно-процессуального кодекса².

Этот вопрос требует очень подробного обсуждения как с теоретической, так и с практической точек зрения. В настоящей статье нет возможности уделить этому достаточно внимания. Самый же факт постановки этого

вопроса свидетельствует о больших сдвигах произошедших как в воззрениях на защиту, так и в требованиях, к ней предъявляемых.

«Думать, что можно построить правильную судебную работу без участия в ней защиты — абсолютно невозможно... говорил и писал А. Я. Вышинский... Мы находимся в таком периоде, на таком этапе нашего социалистического строительства, который требует еще гораздо большего расширения возможности защиты участвовать на суде, чем это было в старых пор... При правильной организации защиты, при высоком качестве, морально-политическом качестве, а это требование мы уже не только можем предъявлять, но и реализовать, участие защиты, и только участие защиты поможет действительному и реальному снижению неправильно привлеченных к суду и следствию, поможет действительному осуществлению советского правосудия»¹.

Само собой понятно, какие новые задачи встанут перед советской адвокатурой в случае допущения защиты на предварительном следствии, или, хотя бы, при окончании предварительного следствия, и в стадии предания суду. Совершенно естественно, что адвокатские организации должны подготовиться к такой возможности, а не быть ею застигнуты врасплох. Это еще раз ставит на очередь вопрос о кадрах адвокатуры, с одной стороны, и руководстве адвокатурой, с другой стороны.

VIII

На очереди — осуществление идей Сталинской Конституции во всех областях государственной жизни. В судебной области предстоит пересмотр и новая кодификация всего советского права — как материального, так и процессуального, охватывающего, в свою очередь и судостроительство и судопроизводство. Естественно, поставлен вопрос и о выработке новых Положений об адвокатуре, которое должно определить организационные формы и условия работы адвокатуры на новый, открывающийся перед ней период. Перспективы предстоящей работы адвокатуры определяются итогами пройденного уже пути и должны считаться весьма благоприятными.

Вопрос о том, нужна или не нужна защита в советском суде, потерял уже какое бы то ни было значение, ибо необходимость защиты для советского уголовного процесса является к настоящему моменту уже процессуальной аксиомой. Так же вошло уже в судебный обиход признание за качественно высоко поставленной защитой значения одного из необходимых условий, обеспечивающих высокое качество работы суда в целом. Укрепились, таким образом, процессуальные позиции защиты. Вместе с тем поднялся и авторитет адвокатуры, на которую Сталинской Конституцией возложено выполнение большой государственной важности судебных задач, которые раньше когда не ставились перед адвокатурой ни в одной капиталистической стране.

Естественно, что перед лицом всех этих задач возникает вопрос о том, как при пер-

¹ См. об этом в моей ст. «О советской адвокатуре», «Социалистическая законность» № 10 за 1936 г. О том же писал недавно и М. С. Строгович в ст. «Некоторые процессуальные вопросы защиты в суде» «Социалистическая законность» № 4 за 1937 г.

² См. выступление А. Я. Вышинского на общем собрании Московской коллегии защитников, «Социалистическая законность», № 10 за 1936 г. М. С. Строгович, «Некоторые процессуальные вопросы защиты в суде», «Социалистическая законность», № 7 за 1936 г., стр. 43—44. Доклад М. А. Чельцова-Бебутова еще не напечатан.

¹ «Социалистическая законность», № 10 за 1936 г. стр. 9—10.

смотре законодательства об адвокатуре решать основные, организационные вопросы.

Вопрос о новых организационных формах адвокатуры был впервые вынесен на публичное обсуждение народным комиссаром юстиции СССР Н. В. Крыленко в его выступлении на общем собрании членов Московской коллегии защитников 9 августа 1936 г. Нужно было дать ответ на два основных вопроса: во-первых, должен ли быть попрежнему положен в основу организации адвокатуры принцип самоуправления и, во-вторых, следует ли по-прежнему строить организацию адвокатуры при судах, с подчинением их контролю и надзору именно со стороны суда. На первый из этих вопросов народный комиссар юстиции дал положительный ответ, на второй вопрос — отрицательный. Другими словами, адвокатура должна быть построена как самоуправляющаяся организация и, притом, независимая от органов суда¹.

Давая такое решение вопроса, Н. В. Крыленко исходил из необходимости обеспечить адвокатуру достаточно независимое положение наряду с судом и прокуратурой. «В организацию защиты, — говорил Н. В. Крыленко на указанном собрании московских адвокатов, — должен быть положен тот же принцип, который обеспечивал бы и защите определенную долю ее независимости при отправлении своих публично-правовых функций в суде, которая, в свою очередь, гарантировала бы такое положение защиты, при котором она могла бы реально «помогать суду творить его великое дело борьбы со всем тем, что мешает социалистическому строительству, охраняя в то же время законные права и интересы каждого гражданина СССР... Судебный процесс, — продолжал Н. В. Крыленко, — всегда есть спор о факте, спор об оценке, спор о мероприятиях, вытекающих из факта и оценки. Спор же есть всегда столкновение взглядов и точек зрения, а столкновение различных точек зрения требует всегда обеспечения спорящим возможности свободно защищать свою точку зрения. Вот в каком смысле необходимо построить защиту так, чтобы обеспечить ей возможность осуществлять свои публично-правовые функции на основе глубокого убеждения, четкого знания закона и знания общей политики правительства и партии... Почему же необходимо для этого построить защиту на началах определенной независимости? Потому, что только при этих условиях каждый защитник сможет защищать подсудимого, согласно своему политическому разуму и совести, вступая в спор за право и материальную истину с прокурором, а если нужно — и с самим судом. А этого не может быть при зависимости защиты от суда». Поэтому «эти коллегии защитников должны пред-

ставлять собою определенные самоуправляющиеся единицы». Другими словами, защита должна быть организована «по принципу, который мы считаем из всех опытов, которые мы проводили до сих пор, наиболее себя оправдавшим, — по принципу самоуправляющихся коллегий защитников... В этом я вижу, — так заканчивал Н. В. Крыленко, — гарантию той независимости в судебной работе, которая должна быть обеспечена защите, как обеспечивает это проект Конституции судьям и прокуратуре»¹.

Эта точка зрения принята и в выработанном проекте нового Положения об адвокатуре.

Поскольку отпал вопрос о подконтрольности адвокатских организаций судам и поскольку новое решение вопроса сводилось к тому, что адвокатские организации должны быть построены так же независимо от суда, как и прокуратура, постольку, естественно, должен был во весь рост встать вопрос о новом порядке организации руководства адвокатскими организациями. «Необходимо одновременно определенный политический контроль и определенное руководство защитой со стороны органов правительства, — говорил Н. В. Крыленко в той же своей речи на Общем собрании Московской коллегии защитников, — ибо защита наша должна быть защитой советской, должна защищать права и интересы обвиняемых в соответствии с советскими законами, а не вопреки или в целях противодействия советским законам».

Из всех советских организаций адвокатура была до самого последнего времени единственной, не имевшей никакого центрального руководящего ею органа. Поэтому новую организацию руководства делом юридической помощи населению надо было, конечно, начинать с организации центрального руководства. Еще в апреле 1934 г., выступая на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников по докладу А. Я. Вышинского, автор настоящей статьи выдвинул предложение о создании в составе центральных органов юстиции специального отдела или управления по организации защиты и, вообще, юридической помощи населению². Мысль эта тогда не нашла себе ни реального осуществления, ни заметной поддержки и была поставлена вновь на очередь лишь в 1936 г., при создании Народного комиссариата юстиции СССР. Выступая на общем собрании Московской коллегии защитников в августе 1936 г., Н. В. Крыленко сообщил, что при выработке положения о только что созданном Народном комиссариате юстиции СССР решено в составе последнего создать специальное управление по организации защиты и юридической помощи населению. Для того же, чтобы это управление не было бюрократическим учреждением, предположено, как сообщил Н. В. Крыленко, привлекать к работам этого

¹ «Советская юстиция» № 27 за 1936 г., стр. 2—4. Эту точку зрения о необходимости построения адвокатуры вне зависимости от органов суда — автор настоящей статьи высказал на страницах «Социалистической законности» № 10 за 1936 г., стр. 13. Возражения против такой точки зрения см. в ст. Е. М. Дьвова также в «Социалистической законности» № 12 за 1936 г., стр. 58.

² «Советская юстиция» № 27 за 1936 г., стр. 2.

³ «Стенографический отчет 1-го всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников» «Социалистической законности» № 6 за 1936 г., стр. 57, а также ст. «О советской адвокатуре» в № 10 «Социалистической законности» за 1936 г.

управления адвокатскую общественность в лице представителей крупнейших адвокатских организаций¹. И действительно, в составе НКЮ СССР создан специальный «Отдел судебной защиты и юридической помощи населению», на который возложено общее руководство и надзор за деятельностью адвокатских организаций, организация государственной защиты там, где нет этих адвокатских организаций, и общее руководство деятельностью всех юридических консультаций как организуемых адвокатурой, так и состоящих при профсоюзах и иных организациях².

Созданием этого отдела в составе НКЮ формально разрешена проблема организации центрального руководства адвокатурой. Тем самым Народный комиссариат юстиции становится для адвокатов и второй дисциплинарной инстанцией вместо судов на местах. Дисциплинарная подчиненность адвокатов судам, существовавшая вплоть до последнего времени, приводила на местах к большому количеству конфликтов как между судами и отдельными адвокатами, так и между судами и президиумами коллегий защитников. Это создавало на местах явно ненормальные взаимоотношения между судом и адвокатурой, при котором в действительности никакое эффективное руководство со стороны судов и не могло быть обеспечено. Перенесение второй инстанции дисциплинарного надзора в центр является совершенно правильным разрешением вопроса и, несомненно, будет способствовать и эффективности дисциплинарного контроля, с одной стороны, и укреплению авторитета адвокатуры на местах, с другой стороны.

Но организацией центрального руководства еще не исчерпывается проблема руководства адвокатскими организациями вообще. Остается еще весьма важный вопрос об организации руководства внутри каждой из адвокатских организаций на местах.

Проблема надлежащей организации руководства на местах сводится в основном к вопросу о выделении для этого надлежаще подготовленных для этого людей. Неоднократно указывалось на неудовлетворительное положение в этом вопросе и на недостаточное внимание к этому вопросу со стороны руководящих на местах партийных организаций. Одно время среди членов партии распространено было мнение о том, что им не подходит выступать в качестве защитника в процессе. Эта точка зрения должна быть решительно оставлена. Лишь тогда, когда и члены партии примут участие в активной адвокатской работе, вопрос о руководстве адвокатурой на местах сможет быть удовлетворительно разрешен. На это, в частности, обращал внимание в своем выступлении в Киеве и А. Я. Вышинский. «Нам нужно, — подчеркивал он, — добиться такого положения, когда бы коммунисты умели защищать и не считали бы для себя зазорным участие в нашей судебной работе в качестве защитников и этого нужно добиться во что бы то ни стало в силу именно того значения, ко-

торое принадлежит защите в уголовном процессе»¹.

В самом деле, нам уже приходилось указывать, что вряд ли можно представить себе такого председателя суда, который бы находился возможным руководить судом, но для себя лично считал бы зазорным председательствовать в судебных заседаниях. Вряд ли можно себе представить такого прокурора, который, руководя прокурорской работой, считал бы для себя невозможным выступить в качестве обвинителя или составить обвинительное заключение. А между тем во многих коллегиях защитников положение еще таково. Многие руководители президиумов коллегий сочли бы за насмешку над собой предложение выступить в качестве защитников в процессе. Настолько они далеки от мысли, что нужно самим участвовать в той работе, которой они руководят.

Во главе адвокатуры на местах должны стоять люди, которые сами бы принимали участие в профессионально-судебной работе адвокатуры и не считали бы, что они призваны только для администрирования и что занятие живой адвокатской работой для них самих предосудительно. Лишь при осуществлении этого условия руководство адвокатурой на местах может быть поднято на надлежащую высоту. Организация надлежащего руководства адвокатурой на местах имеет в настоящий момент тем большее значение, что надзор за адвокатурой, в целях придания ей большего авторитета, перенесен с периферии непосредственно в центр. Поэтому вслед за первым шагом — организацией органа центрального руководства в составе народных комиссариатов юстиции — должен быть сделан и следующий шаг: выделение надлежаще подготовленных и авторитетных лиц, которые бы могли с успехом организовать руководство адвокатурой на местах.

IX

«Кадры решают все»². Одним из самых важных вопросов как истории советской адвокатуры, так и успешности ее дальнейшей работы является вопрос об адвокатских кадрах.

При создании коллегий защитников в 1922 г. они были укомплектованы, главным образом лицами, состоявшими до революции в составе присяжной адвокатуры — бывшими присяжными поверенными и бывшими помощниками присяжных поверенных. К этим старым дореволюционным адвокатским кадрам у работников советского суда было естественное и понятное недоверие. Этому способствовало, в частности, и враждебное отношение отдельных адвокатских групп к Октябрьской революции и ряд политических ошибок, допущенных отдельными адвокатами в своей профессиональной работе. В своем докладе на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г. А. Я. Вышинский остановился на том, что именно из состава дореволюцион-

¹ «Социалистическая законность» № 5 за 1935 г., стр. 17.

² Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г. Партиздат. 1935 г.

¹ «Советская юстиция» № 27 за 1936 г., стр. 4.

² С. З. СССР № 62 за 1936 г.

ной адвокатуры укомплектованы были коллегии защитников в 1922 г. Коснувшись в связи с этим политического лица дореволюционной адвокатуры и наличия в ней контрреволюционных элементов, А. Я. Вышинский констатировал, что «здесь нужно искать одну из важнейших причин недоверия советского суда к советской защите». «В результате создалось го-предубеждение по отношению к защитникам, которое нередко принимает открыто враждебную форму. Нечего греха таить, говорил А. Я. Вышинский, сами защитники во многом здесь виноваты. Засоренность кадров советской защиты, невысокая политическая квалификация отдельных защитников, стремление кое-каких враждебно настроенных к советскому государству защитников использовать суд как трибуну для пропаганды своих настроений, а иногда для прямой антисоветской работы, — все это не мало способствовало отрицательному отношению, и справедливо, судебных работников к нашей защите»¹.

Многие судебные работники до последнего времени еще не разглядели изменений внутри адвокатуры: ни появления молодежи, кончившей советские высшие учебные заведения и никогда не состоявшей в дореволюционной адвокатуры, ни решительного изменения тек-частей старых кадров, которые раньше могли вызывать сомнение по отношению к себе. Этим все проглядевшим судебным работникам дал превосходную отповедь Прокурор Союза А. Я. Вышинский на Всесоюзном совещании в апреле 1934 г.

«Ошибка таких товарищей, — говорил он, — очевидна: вместо борьбы с засоренностью кадров защитников, они начинали борьбу против защиты как института, третируя защитника как защитника. Они забывали при этом, что за 17 лет революции в коллегии защитников влились уже новые кадры, что за это время многие старые защитники «перевооружились», что многие из них честно и по-советски работают, что суд поэтому должен усвоить элементарное уважение к этой трудной и необходимой форме судебной работы.

В действительности, нередко суд действует по отношению к защите иначе — будто за 17 лет ничего не изменилось, будто перед судом не помощник суда, допущенный самим законом к исполнению высоких обязанностей советского защитника, а еще не пойманный и не разоблаченный классовый враг.

Вот почему кое-кто в нашей среде думает. «Проживем без защиты, защита не нужна и даже вредна...» Нужно позаботиться, чтобы среди защитников были хорошо отобранные люди, чтобы среди них не было людей, которым нельзя доверять защиту обвиняемых в советском суде, в суде пролетарской диктатуры. Но если гражданин допущен к работе защитника, то он должен быть поставлен в условия равноправного члена нашего общества, должен пользоваться таким же уважением, каким пользуются сам судья и сам прокурор»².

В другом своем выступлении — через год после приведенного выше — А. Я. Вышинский правильно подчеркивал другую сторону вопроса: «Раньше всего необходимо, чтобы защита была на должной высоте. К сожалению, в настоящее время защита наша и по своему составу и по качеству своей работы от этой высоты очень далека. Нам нужно обеспечить улучшение состава наших коллегий защитников, нам нужно влить в ряды советской защиты новых людей, улучшить социальный состав этих коллегий, усилить их комсомольскую и коммунистическую прослойку»¹.

И это наиболее срочная и наиболее важная задача, которая одинаково стоит сейчас как перед самой адвокатурой, так и перед органами государства, призванными к организации адвокатуры и к руководству ею: мы имеем в виду вопрос о кадрах адвокатуры. В связи с упразднением правовых факультетов не-сколько лет тому назад и созданием вместо них специальных институтов, готовивших лишь будущих работников суда и прокуратуры, адвокатура не имела нормального пополнения своего личного состава. Поэтому по сравнению со всеми другими организациями в адвокатуре, к величайшему сожалению, чрезвычайно невелик процент молодежи. И на Народном комиссариате юстиции СССР, в первую очередь, лежит сейчас задача дать в ближайшее же время адвокатуре достаточное количество молодежи, кончившей юридические институты. В особенности в этом нуждаются периферийные организации адвокатуры и, в первую очередь, адвокатура национальных республик. Для повышения квалификации работников адвокатуры было бы правильно, чтобы и часть выпусков Правовой академии также была направлена для работы в адвокатуру.

Второй большой вопрос, касающийся кадров, — это вопрос о надлежащей организации стажа для вступающей в адвокатуру молодежи. Должен быть поставлен и разрешен вопрос о создании из молодежи помощников адвокатов, которые бы проходили свой стаж под руководством квалифицированных руководителей. Вся тяжесть организационных забот падает в этом отношении на адвокатские организации, на их президиумы, на консультации и коллективы защитников и на старшее поколение адвокатов, для которых передача своего опыта и знаний молодежи должна явиться делом чести.

Но надо прямо сказать, что надлежащая организация стажа для молодежи недоступна для адвокатских организаций без материальной помощи государства. Для того, чтобы стажер мог действительно готовиться и совершенствоваться, он должен быть обеспечен некоторым минимумом в виде твердой ставки месячного вознаграждения. Обеспечить это месячное вознаграждение более или менее значительному количеству стажеров адвокатура сможет, лишь получив для этого дотацию от государства. Таким образом, организация стажа для адвокатской молодежи требует соединенных забот — народных комиссариатов юстиции и самих адвокатских организаций.

¹ «Социалистическая законность» № 5 за 1934 г., стр. 30, 31.

² Там же.

¹ «Социалистическая законность» № 5 за 1935 г., стр. 17.

Наряду с организацией стажа для молодежи, перед адвокатскими организациями стоит большая задача по поднятию квалификации всего, вообще, состава адвокатов. В этом отношении должно быть обращено большее чем до сих пор внимание на культивирование научно-юридической работы внутри адвокатских организаций, на создание курсов по усовершенствованию, на создание специального журнала и т. д. Конечно, такие мероприятия как курсы по усовершенствованию, журнал не могут быть реализованы в каждой краевой или областной адвокатской организации в отдельности, а, естественно, должны составить предмет специальных забот более крупных адвокатур, как Московская, Ленинградская, Киевская, Харьковская, Тбилисская и т. д.

Нельзя также не обратить внимания на необходимость изжития одного чрезвычайно неприятного и вредного явления, распространенного среди адвокатов. Это — угодничество перед органами суда и прокуратуры. Выступая на общем собрании Московской коллегии защитников в августе 1936 г., Прокурор Союза А. Я. Вышинский в очень энергичных выражениях сигнализировал об этой опасности: «Советскому государству, говорил он, советской власти и нашей партии не нужны защитники служающие, не нужны защитники лотакающие, не нужны защитники ползущие и пресмыкающиеся. Нам нужны защитники, способные на героические подвиги, потому что наша работа — это работа, требующая сплошь и рядом героических усилий и выдающегося мужества, выдающейся настойчивости, решительности и политической дальнорзости. И только при наличии этих качеств мы и вы, и прокуратура и защита, действительно окажемся добрыми помощниками суда, не теми язгерами (jasager), которые поддакивают всякому выступлению прокурора или всякому решению суда, но которые могут бесстрашно, анализируя данное дело и занявши в этом деле свою позицию, суметь с достоинством и с честью отстаивать эту позицию до конца, подчиняясь только закону и собственной совести и ника-

ким другим, очень вредным и опасным, так называемым, местным влияниям»¹.

К этому сигналу, исходящему от Прокурора Союза, адвокатура должна очень и очень прислушаться. Президиумы адвокатур должны принять действенные меры к тому, чтобы этого явления больше среди адвокатов не было.

Защитника нельзя в нашу эпоху рассматривать упрощенно, как «специалиста», не обязанного быть политическим работником. Такое противопоставление советского специалиста, с одной стороны, и политического работника, с другой стороны, имело хождение в самые первые годы после Октябрьской революции. В наше время это противопоставление является вредным анахронизмом. В настоящее время всякий член советской адвокатуры в такой же степени политический работник, как судья и прокурор. Это должны знать и помнить все те, кто работает в организациях советской адвокатуры, и все те, кто имеет в виду посвятить себя адвокатской деятельности.

Поэтому надлежащая политическая подготовка и надлежащая политическая квалификация так же нужны советскому адвокату, как и научная подготовка и профессиональная подготовка.

Возлагаемую на советскую адвокатуру Сталинской Конституцией почетную обязанность советская адвокатура должна с честью выполнять. Доверие, оказанное ей самой демократической из всех конституций мира, советская адвокатура обязана оправдать.

¹ «Социалистическая законность» № 10 за 1936 г., стр. 11.

Это явление «угодничества» или «подхалимства» обращает на себя внимание и внутри самой адвокатуры. В частности, и автор настоящей статьи счел себя обязанным обратить внимание на всю серьезность этого явления на I всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г. (см. «Социалистическую законность» № 6 за 1936 г., стр. 57).

О состоянии преступности в СССР

Наступает 20-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. К ознаменованию этой замечательной исторической даты готовится все население нашей страны. Каждый рабочий, колхозник, каждый работник умственного труда, каждый сознательный и честный гражданин Союза ССР может с чистой совестью и гордо поднятой головой оглянуться на пройденный путь.

Нищая, разоренная страна, влачившая жалкое существование под гнетом векового господства царей, капиталистов, помещиков и кулаков-мироедов, страна, в которой наряду с отдельными островами концентрированного капитализма еще господствовали полуфеодалы, а подчас и полупатриархальные порядки, в результате Октябрьской революции, на широкую дорогу своего исторического развития.

Рабочий класс при поддержке основной массы крестьянства, под руководством великой Коммунистической партии, под знаменем Л. Сталина свергнул помещиков и капиталистов и взял власть в свои руки.

За 20 лет своего победоносного шествия пролетариат бывшей Российской империи, в тесном союзе с бедняцко-средняцкой массой, сломал старую государственную машину, служившую целиком интересам эксплуататорских классов, разгромил внутреннюю и внешнюю контрреволюцию и построил новый тип государства, прообразом которого являлась Парижская коммуна.

Восстановив по окончании ожесточеннейшей гражданской войны разрушенное хозяйство, осуществив гениальный стратегический маневр Сталина — Сталина, авангард рабочего класса, большевиков блестяще разрешила задачу стремительного и бурного восстановления хозяйства в нашей стране. Социалистическая индустриализация нашей страны и проведенная твердой и уверенной рукой, несмотря на ожесточенное сопротивление социалистическому направлению деревенского кулачества и остатков буржуазии, коллективизация сельского хозяйства, самого отсталого участка народного хозяйства, преобразовали и изменили весь облик нашей советской земли. Вместо двух с лишним миллионов мелких (мелких и мельчайших) крестьянских хозяйств наше сельское хозяйство вышло на дорогу коллективного земледелия с применением на наших социалистических полях сотен тысяч тракторов, десятков тысяч комбайнов, сложных и сложнейших сельскохозяйственных машин, минеральных и химических удобрений и всех тех механических и технических средств, которые могут быть присущи передовому социалистическому земледелию.

Пройденный рабочим классом и крестьянством путь хозяйственного и культурного развития в республике советов поистине замечательный.

Огромные успехи одержаны не только на хозяйственном фронте: на всех участках на-

шего культурного строительства, в науке, в искусстве одержаны крупные успехи. Многие происходящие в СССР конгрессы ученых, на которые съезжаются лучшие люди науки всего мира, наши выставки, ведущее положение нашего театра — служат этому достаточно ярким свидетельством.

Изумившие недавно весь цивилизованный мир геройские подвиги Чкалова, Громова и других наших летчиков стали возможными не только благодаря высокому развитию нашей авиационной промышленности, но и благодаря замечательным успехам советской науки.

К празднованию 20-й годовщины наш трудовой народ идет с замечательнейшим документом нашей эпохи — с великой Сталинской Конституцией, насквозь проникнутой духом последовательного социалистического демократизма. Этот документ отразил одержанные за 20 лет рабочими, колхозниками и советской интеллигенцией победы всемирно-исторического значения как на хозяйственном, так и на культурном фронтах.

Все это, естественно, не могло не отразиться на изменении состояния преступности в СССР и на самом характере совершаемых преступлений.

Преступность в СССР из года в год систематически снижается. Если число осужденных в первой половине 1933 г. принять за 100%, то к первой половине 1936 г. по РСФСР, например, оно равнялось уже только 51,8%, а по Белорусской ССР — 24,5%. Такое же снижение наблюдается и в Украинской ССР, и в Закавказье, и в Среднеазиатских республиках.

Общее количество зарегистрированных преступлений в СССР в 1936 г. составило всего лишь 59,85% по отношению к количеству зарегистрированных преступлений в 1934 г.

Характерно, что наиболее значительное снижение дают имущественные преступления, разных видов убийства и тяжелые телесные повреждения. Так, например, за тот же приведенный выше период число вооруженных ограблений сократилось на 66,4%, вооруженных — на 69,8%, краж — 5,2%. Скотокрадство снизилось почти в 5 раз, поджоги — в 4 раза.

Еще более интересны данные, относящиеся к закону от 7 августа 1932 г. об охране общественной (социалистической) собственности. Если принять число осужденных в 1933 г. по закону от 7 августа 1932 г. за 100%, то в 1935 г. по РСФСР было осуждено лишь 8% от этого количества. За время с первой половины 1935 г. по 1936 г. число осужденных по той же РСФСР сократилось в 3 раза. По УССР — в 4 раза.

Громадное снижение числа осужденных по закону от 7 августа 1932 г. явилось результатом не столько более тщательного расследования дел, более осторожного и осмотрительного отношения к возбуждению уголовного преследования по этому закону, сколько следствием действительного снижения самого числа преступлений. Миллионы тружеников

совхозов, колхозов, фабрик и заводов ответили на закон от 7 августа удешевлением своих усилий по охране государственного и общественного имущества. Эти усилия не пропали даром. Хищения социалистической собственности, являющейся основой социалистического строя, непрерывно сокращаются.

Ряд судебных процессов, удачно проведенных, при широкой мобилизации советской общественности, помог в свое время вскрыть различные рычаги и пружины, которыми пользовались и пользуются хищники в своих преступлениях. Беспощадный удар, нанесенный советским судом врагам народа, расхищавшим советское добро, отбил у многих из них охоту заниматься этим делом.

Необходимо сказать, что статистика преступности СССР знает ряд преступлений, неизвестных законодательству капиталистических стран. Так, например, в последние годы во всех судебных отчетах и «статистических сведениях» появилась графа «дела, связанные со стахановским движением». Товарищ Сталин в своей исторической речи на первом Всесоюзном совещании стахановцев с исключительной глубиной показал историческое значение стахановского движения для победы коммунизма. Классовый враг оказывает решительное сопротивление разрыванию стахановского движения, используя мелкобуржуазные пережитки в сознании неустойчивых элементов из среды трудящихся. Это сопротивление проявляется в самых разнообразных формах, начиная с оскорбления стахановцев, создания для них нездоровых условий в быту и работе и кончая террористическими актами против них.

23 ноября 1935 г. была зверски убита стахановка-комсомолка Зоя Пупыкина, электросварщица вагону-ремонтного пункта станции Ершово. Убийство Пупыкиной было совершенно Беловым и Крылатовым, которые имели уже судимость за уголовные преступления, бежали из-под стражи и скрывались от следственных органов. Отец и двое братьев Белова были в свое время осуждены за контрреволюционные преступления. Убийцы сознались, что убийство стахановки Зои Пупыкиной было ими совершено с целью мести советской власти.

Известен также следующий факт исключительно зверской расправы кулаков со стахановцем хлопковых полей Саматом Бекимуратовым.

Бекимуратов был одним из пионеров перенесения стахановских методов на хлопковые поля. Он добился высокой урожайности и значительного перевыполнения плана сбора хлопка на участке своей бригады. Борьба Бекимуратова за применение стахановских методов была неразрывно связана с борьбой за высокую трудовую дисциплину и встретила ожесточенное сопротивление группы классово чуждых элементов, пробравшихся в колхоз. Трое из числа бригады, отъявленные лентяи, не желавшие честно работать на полях колхоза, напали на спавшего в своей кибитке Бекимуратова и зверски его убили.

Сопротивление стахановскому движению классово враждебных и бюрократических элементов должно было встретить и встретило жестокий отпор со стороны всех органов пролетарской диктатуры.

Особо следует остановиться на совершаемых в СССР преступлениях государственных и против порядка управления.

Разбитые в открытом бою классовые враги капиталисты, помещики и преданные их интересам служилые элементы из интеллигенции после Октябрьской революции не примирились с победой рабочего класса. Бывшие царские чиновники и доверенные лица финансовых промышленных воротил объявили советскому государству саботаж и думали этим путем ослабить или подорвать молодое советское государство. Эта карта была бита. Годы затнувшейся гражданской войны окончились полным провалом и поражением внутренней контрреволюции, поддержанной интервенцией армий капиталистических стран.

Классовый враг не сложил оружия и в окончании гражданской войны. Шахтинское дело, процесс промпартии показали новые формы и методы борьбы остатков эксплуататорских классов с советской властью.

Сомкнувшиеся с остатками разбитых эксплуататорских классов и белогвардейщины троцкистско-бухаринские предатели и изменники предприняли новую атаку против советского государства, не остановившись перед сговором с разведками и штабами иностранных фашистских государств в целях восстановления в нашей стране капитализма.

Совершенно естественно, что социалистическое государство рабочих и крестьян обратило на эту подлую предательско-изменническую работу всю силу и мощь пролетарской диктатуры.

Весь трудовой советский народ показывает полную преданность партии и правительству и решимость во что бы то ни стало под эгидой Ленина—Сталина утвердить и закрепить завоевания социализма.

Социалистическое общество вправе против отдельных лиц, групп и группочек, мечтающих о восстановлении старых капиталистических порядков, ответить сокрушительным ударом.

Так обстоит дело с состоянием преступности в СССР, в стране победившего социализма, создающей и уже создавшей новую культуру новых людей, новые взаимоотношения между людьми, их новое отношение к труду, к социалистическому обществу.

В то же время в капиталистических странах количество преступлений все более растет, внушает серьезную тревогу правящим кругам капиталистического мира. Особенно пристального внимания заслуживает положение с преступностью среди молодежи в капиталистических странах. За годы империалистической войны и последовавшего за нею экономического развала преступность детей по официальным данным Германии и Австрии выросла на 100%.

В Англии число осужденных несовершеннолетних с 1914 г. до 1918 г. также выросло на 18%. Увеличилась детская преступность в США и в нейтральных странах. Таким образом, за войну, которую вели империалисты, имея увеличения своих барышей, больше всего расплачиваются дети пролетариата. При этом надо отметить, что официальная статистика этих стран в малой степени отражает действительное положение вещей.

Преступность среди населения капиталистического мира является прямым следствием самой системы экономических отношений товарного производства, характеризующегося анархией, постоянно сменяющимися друг друга экономическим оживлением и наступающей вслед за ним жесткой депрессией, а иной раз и длительным, хроническим, затяжным кризисом, огромной армией безработных, нищенствующих элементов и т. п. Все это не может не вызывать непрестанно растущего количества преступлений, совершаемых на почве недоедания, нищеты, голода, разорения и всех тех болячек и язв, которые постоянно сопутствуют буржуазному способу хозяйства. Целый ряд преступлений в буржуазных странах имеет постоянный характер. Ни одна столица самого передового буржуазного государства Европы и Соединенных штатов Америки не свободна и никогда не будет свободна от грабежа, разбоя, убийств и самых разнузданных преступлений. Особенно бурно возрастает количество преступлений в странах, где господствует террор кровавой фашистской диктатуры.

Хорошо знакомые нашему дооктябрьскому обществу отвратительные социальные явления, как проституция, сночаство, профессиональное нищенство, почти совершенно исчезли с лица нашей земли.

Преступления всех видов в СССР явно снижаются. Все это говорит о победах, одержанных нами и на этом фронте — на фронте борьбы с преступностью, о победах, которые являются результатом утверждения в нашей стране социалистической экономики.

Нет никакого сомнения в том, что дальнейший расцвет социалистического хозяйства и неразрывно связанный с ним расцвет социалистической культуры будет способствовать все большему и большему снижению преступности и, наряду с преодолением пережитков капитализма в экономике и в сознании людей, приведет к полному исчезновению преступности.

Не может быть и не будет места преступности в коммунистическом обществе, в обществе будущего, к которому уверенным шагом идет наша великая родина.

А. ГЕРЦЕНЗОН

Двадцать лет социалистического уголовного законодательства

Разработка теории социалистического уголовного права предполагает глубокое, всестороннее изучение истории социалистического уголовного законодательства. Между тем — как бы это ни казалось парадоксальным — в нашей уголовноправовой литературе можно найти целый ряд хороших работ по истории буржуазного уголовного права и законодательства, и нет ни одной работы по истории советского уголовного права, которая бы стояла на действительно высоком теоретическом уровне.

Этот факт, конечно, не является случайным. Отрицание специфики советского, социалистического права, низведение его до роли какого-то буржуазного по форме права, признание нашего Уголовного кодекса «типично буржуазным по форме кодексом», провозглашение важнейших институтов уголовного права «юридическим бараклом», лозунги скорейшего «выстояния советского права, — эти и иные вредительской школы врага народа Пашуканиса явились той «теоретической» основой, которая влекла за собой отрицание необходимости изучения истории первого в мире социалистического уголовного законодательства. Пренебрежение к вопросам истории социалистического уголовного законодательства сочеталось у ряда криминалистов с глубоким невежеством в области законодательства.

Одним из важнейших условий изучения истории уголовного законодательства является составление его хронологии. Законодательство РСФСР за двадцать лет и законодательство СССР за пятнадцать лет насчитывает около 750 документов, посвященных полностью уголовному праву (уголовное право материальное и процессуальное, судостроительство).

Если же учесть уголовное законодательство других союзных республик¹, то число законодательных уголовноправовых документов, изданных за двадцать лет существования социалистического государства, будет еще более значительным.

Составление хронологии истории уголовного законодательства только тогда получает твердую научную базу, когда сама хронология исходит из теоретически верной периодизации развития законодательства. Было бы ошибочным, составляя хронологию истории социалистического уголовного законодательства, давать периодизацию его развития, оторванную от общей периодизации истории социалистического государства. Поэтому в основу нашей работы мы положили схему периодизации, которую дал товарищ Сталин в своем письме составителям учебника истории ВКП(б) «Об учебнике истории ВКП(б)».

¹ Эта работа нами в настоящее время ведется, но еще не закончена.

В этом письме товарищ Сталин указал: «Я думаю, что наши учебники по истории ВКП(З) неудовлетворительны по трем главным причинам. Неудовлетворительны либо потому, что они излагают историю ВКП(б) вне связи с историей страны; либо потому, что ограничиваются рассказом, простым описанием событий и фактов борьбы течений, не давая необходимого марксистского объяснения; либо же потому, что страдают неправильностью конструкции, неправильностью периодизации событий»¹.

В соответствии с данной товарищем Сталиным периодизацией истории нашей страны, мы разбили историю уголовного законодательства на следующие шесть периодов:

1. Период проведения Октябрьской социалистической революции (1917—1918).

2. Период гражданской войны (1918—1920).

3. Период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925).

4. Период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929).

5. Период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934).

6. Период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведение новой конституции (1935—1937).

При составлении предлагаемой вниманию читателей хронологии истории советского уголовного законодательства мы считали необходимым дать только те законы, которые специально посвящены уголовному праву, уголовному процессу и судостроительству. В настоящей работе, таким образом, остаются незатронутыми те декреты и постановления, которые посвящены различным вопросам социалистического строительства и содержат вместе с тем отдельные указания на наказуемость тех или иных деяний. Таких декретов и постановлений мы насчитали около 500, и они подлежат специальному исследованию и систематизации.

Перечень уголовного законодательства дан применительно к принятой нами периодизации; в период 1917—1922 гг. приводится законодательство РСФСР, для последующих лет дается разбивка законодательства на А. — Союзное и Б. — Республиканское (РСФСР).²

По каждому приводимому в хронологии закону или постановлению дается точное его название, наименование органа, издающего его, дата принятия закона, год издания и номер «Собрания узаконений» или «Собрания законов», в котором опубликован закон.

Законодательный материал приводится в хронологическом порядке его опубликования в «СУ» или «СЗ»; в некоторых случаях хронологичность помещения законов нарушается самим «СУ» и «СЗ». Однако мы не нашли возможным нарушать установленную нумерацию «СУ» и «СЗ».

Приводимые в тексте сокращения являются общепринятыми. Везде, где указывается СНК, следует иметь в виду СНК РСФСР; указание СНКС означает СНК Союза, указание ЦИКС — ЦИК Союза и т. д.

Предлагаемая вниманию читателей хронология истории уголовного законодательства СССР и РСФСР как первый опыт работы подобного рода не может претендовать на исчерпывающую полноту.

Несомненно, потребуются дальнейшая работа над изучением хронологии истории социалистического уголовного законодательства. Однако мы полагаем, что и в настоящем ее виде она окажется полезной для изучения основных этапов развития социалистического уголовного законодательства, создавшегося и развивающегося по гениальным указаниям Ленина—Сталина.

ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИИ УГОЛОВНОПРАВОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР И РСФСР ЗА 20 ЛЕТ

(Уголовное право. Уголовный процесс. Судостроительство)

I период — период проведения Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.)

Законодательство РСФСР

1917 год

1. Об отмене смертной казни (Декрет 2 Всероссийского съезда советского Союза, 1917, № 1).
2. О рабочей милиции (Пост. НКВД от 28/X, СУ, № 1).
3. О борьбе с буржуазией и ее агентами саботирующими дело продовольствия армии препятствующими заключению мира (Обращение СНК, СУ, 1917, № 3).
4. О борьбе с саботажем высших почтовых телеграфных чиновников (Обращение Наркома почт и телеграфа 9/XI, СУ, 1917, № 3).
5. О борьбе с спекуляцией (Обращение СНК, 1917, № 3).
6. О суде (Декрет СНК от 22/XI, СУ, № 4).
7. О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, подожигаемым Центральной радой (Обращение СНК, СУ, 1917, № 4).
8. О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетскими партиями (Обращение СНК, СУ, 1917, № 4).
9. Об аресте вождей гражданской войны против революции (Декрет СНК от 28/XI, СУ, 1917, № 5).
10. Об организации гласных товарищеских судов во всех воинских частях Петроградского военного округа (Приказ Полевого штаба Главнокомандующего от 3/XII, СУ, 1917, № 5).
11. О саботаже чиновников Министерства продовольствия (Обращение Наркома по продовольствию СУ, 1917, № 5).
12. О признании СНК Народной украинской республики и о предъявленном Центральным правительством ультиматуме ввиду ее контрреволюционной деятельности (Обращение СНК от 4/XII, СУ, 1917, № 6).

¹ «Пропагандист» № 10, стр. 1.

² Законодательство разработано по май 1937 г.

13. О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений

(Пост. Наркома юстиции от 16/XII, СУ, 1917, № 9).

14. О мерах заключения задержанных и об учреждении при тюрьмах следственных комиссий, проверяющих правильность и законность ареста

(Пост. Наркома юстиции от 15/XII, СУ, № 9).

15. О Революционном трибунале печати

(Пост. Наркома юстиции от 18/XII, СУ, 1917, № 10).

16. Об избрании советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов комиссаров юстиции впредь до создания постоянных судебных установлений и об обязанностях избранных комиссаров

(Пост. НКЮ от 19/XII, СУ, 1917, № 11).

17. О Революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний

(Инструкция НКЮ Революционному трибуналу от 19/XII, СУ, 1917, № 12).

1918 год

18. О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоения себе функций государственной власти

(Пост. ВЦИК, СУ, 1918, № 14).

19. О направлении несовершенных дел упраздненных судебных установлений

(Декрет ВЦИК от 29/XII, 1917, СУ, 1918, № 15).

20. О комиссиях для несовершеннолетних

(Декрет СНК, СУ, 1918, № 16).

21. О тюремных рабочих командах

(Пост. НКЮ, СУ, 1918, № 19).

22. О кассационном отделении НКЮ

(Пост. НКЮ от 25/I, СУ, 1918, № 21).

23. О суде (декрет № 2)

(Декрет ВЦИК, СУ, 1918, № 26).

24. О Революционном трибунале печати

(Декрет СНК, от 28/I, СУ, 1918, № 28).

25. О третейском суде

(Декрет ВЦИК от 16/II, СУ, 1918, № 28).

26. О взятничестве

(Декрет СНК от 8/V, СУ, 1918, № 35).

27. О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими

(Декрет ВЦИК от 9/V, СУ, 1918, № 35, п. 3 декрета).

28. О революционных трибуналах

(Декрет СНК от 4/V, СУ, 1918, № 35).

29. Об освидетельствовании душевно-больных (инструкция)

(Пост. НКЮ, СУ, 1918, № 40).

30. О праве убежища

(Декрет ВЦИК от 28/III, СУ, 1918, № 41).

31. О Революционном трибунале при ВЦИК

(Декрет ВЦИК и СНК от 29/V, СУ, 1918, № 41).

32. Об отмене всех доныне изданных циркуляров о революционных трибуналах

(Пост. НКЮ, СУ, 1918, № 44).

33. Об учреждении Кассационного отдела при ВЦИК и порядке кассации приговоров революционных трибуналов

(Декрет ВЦИК от 11/VI, СУ, 1918, № 45).

34. О суде (декрет № 3)

(Декрет СНК, СУ, 1918, № 52).

35. Об организации и действии местных народных судов (инструкция)

(Пост. НКЮ от 23/VII, СУ, 1918, № 53).

36. О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (временная инструкция)

(Пост. НКЮ от 23/VII, СУ, 1918, № 53).

37. О спекуляции

(Декрет СНК от 22/VII, СУ, 1918, № 54).

38. О фронтовых полковых (отрядных) местных судах (положение)

(Приказ НК по военным делам 23/VII, СУ, 1918, № 55).

39. О ротных товарищеских судах (положение)

(Приказ НК по военным делам от 23/VII, СУ, № 55).

40. О набатном звоне.

(Пост. СНК от 30/VII, СУ, 1918, № 57).

II период — период гражданской войны (1918—1920)

Законодательство РСФСР

1918 год

41. О красном терроре

(Пост. СНК от 5/IX, СУ, 1918, № 65).

42. О губернских и уездных чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (положение)

(Пост. ВЧК, СУ, 1918, № 66).

43. Об усилении уголовного репрессии за перевозку помимо почтового ведомства писем, денег и маловесных посылок

(Пост. СНК от 19/IX, СУ, 1918, № 70).

44. О принятии Народными комиссариатами продовольствия, путей сообщения и по военным делам мер борьбы со спекуляцией и незаконным провозом муки и зерна и других продовольственных продуктов

(Пост. СНК от 28/IX, СУ, 1918, № 71, п. 4 постановления).

45. Об организации советской рабоче-крестьянской милиции (инструкция)

(Пост. НКЮ и НКВД, СУ, 1918, № 75).

46. О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (положение)

(Декрет ВЦИК, СУ, 1918, № 80).

47. О народном суде РСФСР (положение)

(Декрет ВЦИК от 30/XI, СУ, 1918, № 85).

48. О досрочном освобождении

(Пост. НКЮ от 25/XI, СУ, 1918, № 85).

49. О точном соблюдении законов

(Пост. VI Всероссийского чрезвычайного съезда советов от 8/XI, СУ, 1918, № 90).

50. О точном и быстром исполнении распоряжений центральной власти и устранении канцелярской волокиты

(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 8/XII, СУ, 1918, № 93).

¹ Здесь и далее — даты по новому стилю.

51. О производимых ВЧК арестах ответственных служащих и специалистов

(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны, СУ, 1918, № 94).

52. О дезертирстве

(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 25/XII, СУ, 1918, № 99).

53. Об освобождении некоторых категорий заключенных

(Пост. VI Всероссийского съезда советов от 6/XI, СУ, 1918, № 100)¹.

1919 год

54. Об упразднении уездных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности

(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 1).

55. Об отделах юстиции губернских исполнительных комитетов (положение)

(Пост. НКЮ, СУ, 1919, № 2).

56. О подотделах медицинской экспертизы медико-санитарных отделов Советов депутатов (положение)

(Пост. НКЗдра от 1/II, СУ, 1919, № 3).

57. О кабинетах для освидетельствования при отделах медицинской экспертизы

(Пост. НКЗдра от 1/II, СУ, 1919, № 3).

58. О правах и обязанностях государственных медицинских экспертов

(Пост. НКЗдра от 28/I, СУ, 1919, № 3).

59. Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны

(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 5).

60. О Рабоче-крестьянской железнодорожной милиции (положение)

(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 5).

61. Об особых отделах при ВЧК (положение)

(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 6).

62. О мерах борьбы с дезертирством

(Декрет Совета рабоче-крестьянской обороны от 3/III, СУ, 1919, № 9).

63. Об отделах юстиции в Москве и Петрограде (инструкция)

(Пост. НКЮ от 10/III, СУ, 1919, № 10—11).

64. О начальнике охраны и обороны всех железных дорог республики и о начальниках внешней охраны железных дорог на фронте (положение)

(Приказ РВСР от 25/II, 1919, № 10—11).

65. О лагерях принудительных работ

(Декрет ВЦИК, СУ, 1919, № 12).

66. О Всероссийской чрезвычайной комиссии

(Пост. ВЦИК от 17/II, СУ, 1919, № 12).

67. О революционных военных трибуналах (положение)

(Пост. РВСР от 4/II, СУ, 1919, № 13).

68. О революционных трибуналах (положение)

(Декрет ВЦИК, СУ, 1919, № 13).

69. О Советской рабоче-крестьянской милиции

(Декрет СНК от 3/IV, СУ, 1919, № 13).

70. Об освобождении от заключения некоторых категорий арестованных и осужденных

(Пост. ВЦИК от 25/IV, СУ, 1919, № 14).

¹ 6/XI 1918 г. был опубликован циркуляр Каскационного отдела ВЦИК, не помещенный в СУ, но содержащий ряд определений особо опасных преступлений.

71. О порядке применения частичной амнистии (инструкция)

(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 14).

72. О Речной советской рабоче-крестьянской милиции (положение)

(Декрет ВЦИК от 23/IV, СУ, 1919, № 18).

73. О лагерях принудительных работ

(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 20).

74. Об организации особых отделов при ВЧК

(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 13/V, СУ, 1919, № 20).

75. О мерах к искоренению дезертирства

(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 3/VI, СУ, 1919, № 25).

76. Об учреждении распределительных комиссий при карательных отделах губернских и областных отделов юстиции

(Декрет СНК от 18/VI, СУ, 1919, № 27).

77. Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении

(Декрет ВЦИК от 20/VI, СУ, 1919, № 27).

78. Об изменении § 4 ч. II и § 4 ч. III «Положения о революционных военных трибуналах»

(Приказ РВСР от 4/VI, СУ, 1919, № 30).

79. Об утверждении и введении в действие положений о полковых судах

(Декрет СНК от 10/VII, СУ, 1919, № 31—32).

80. Об ограничении права на вознаграждение лиц, привлеченных к следствию или суду

(Декрет СНК от 30/VII, СУ, 1919, № 38).

81. О центральном карательном отделе

(Пост. НКЮ от 9/IX, СУ, 1919, № 48).

82. Об ответственности за злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений

(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 10/X, СУ, 1919, № 50).

83. О судебном моратории для лиц, принадлежащих к составу действующих Красной армии и флота

(Декрет СНК от 21/X, СУ, 1919, № 51).

84. О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах

(Декрет СНК от 21/X, СУ, 1919, № 53).

85. Правила для продовольственных агентов по борьбе с мешечничеством

(Пост. НКПрода, СУ, 1919, № 54).

86. Об амнистии ко 2 годовщине Октябрьской революции

(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 55).

87. Об амнистии всех членов тех политических партий и групп, которые объявили мобилизацию своих членов на защиту Советской республики

(Пост. ВЦИК, СУ, 1919, № 55).

88. О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (положение)

(Декрет СНК от 14/XI, СУ, 1919, № 56).

89. О применении амнистии, объявленной ко 2 годовщине Октябрьской революции (инструкция)

(Пост. СУ, 1919, № 56).

90. Положение о революционных военных трибуналах

(Декрет ВЦИК от 20/XI, СУ, 1919, № 58).

91. О порядке привлечения к уголовной ответственности за неуплату единого чрезвычайного революционного налога

(Пост. НКЮ, СУ, 1919, № 62).

92. О предоставлении губернским комиссиям по борьбе с дезертирством прав революционных трибуналов в отношении вынесения приговоров по делам дезертиров

(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 13/XII, СУ, 1919, № 62).

93. Об отделах революционных военных трибуналов

(Приказ РВСР от 16/XII, СУ, 1919, № 63).

94. О введении в действие «Положения о полковых судах в частях Красной армии, входящих в состав округов Всероссийского Главного штаба и о возложении функций полковых судов на революционные военные трибуналы на фронтах и в округах, подчиненных революционным военным советам

(Пост. СНК от 23/XII, СУ, 1919, № 65).

95. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР

(Пост. НКЮ от 12/XII, СУ, 1919, № 66).

96. О предоставлении уездным комиссарам по борьбе с дезертирством права наложения наказания на укрывателей дезертиров

(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 13/XII, СУ, 1919, № 67).

1920 год

97. О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ

(Пост. СНК от 19/XII, 1919, СУ, 1920, № 1—2).

98. Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)

(Пост. СНК от 17/I, СУ, 1920, № 4—5).

99. О предоставлении полевым комиссиям по борьбе с дезертирством права наложения взыскания на укрывателей дезертиров

(Пост. Совета рабоче-крестьянской обороны от 7/II, СУ, 1920, № 9).

100. О подтверждении декрета СНК об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)

(Декрет ВЦИК от 4/II, СУ, 1920, № 9).

101. О передаче лиц, обвиняемых в бандитизме, суду военно-революционного трибунала

(Декрет СНК от 19/II, СУ, 1920, № 11).

102. О введении дисциплинарной ответственности служащих карательных учреждений за маловажные нарушения служебных обязанностей

(Декрет СНК от 13/II, СУ, 1920, № 11).

103. О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях

(Декрет СНК от 4/III, СУ, 1920, № 13).

104. Об изменении п. 13 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР»

(Пост. НКЮ от 19/III, СУ, 1920, № 16).

105. О революционных военных железнодорожных трибуналах (положение)

(Декрет ВЦИК от 20/III, СУ, 1920, № 21).

106. О революционных трибуналах (положение)

(Декрет ВЦИК от 20/III, СУ, 1920, № 21).

107. О революционных трибуналах (положение)

(Декрет ВЦИК от 20/III, СУ, 1920, № 21).

108. О революционных трибуналах (положение)

(Декрет ВЦИК от 20/III, СУ, 1920, № 21).

109. О революционных трибуналах (положение)

(Декрет ВЦИК от 20/III, СУ, 1920, № 21).

110. О революционных трибуналах (положение)

(Декрет ВЦИК от 20/III, СУ, 1920, № 21).

(Декрет ВЦИК от 18/III, СУ, 1920, № 22—23).

107. О комиссиях по борьбе с дезертирством (Декрет ВЦИК от 8/IV, СУ, 1920, № 26).

108. О реквизициях и конфискациях (Декрет СНК от 16/IV, СУ, 1920, № 29).

109. О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний

(Декрет ВЦИК и СНК от 26/IV, СУ, 1920, № 32).

110. Амнистия к 1 мая 1920 г.

(Декрет ВЦИК от 1/V, СУ, 1920, № 34).

111. О трудовом дезертирстве и органах борьбы с ним

(Декрет СНК от 4/V, СУ, 1920, № 35).

112. О применении амнистии к 1 мая 1920 г.

(Пост. НКЮ от 2/V, СУ, 1920, № 35).

113. О борьбе со спекуляцией предметами военного обмундирования

(Пост. СТО от 14/V, СУ, 1920, № 39).

114. О мерах борьбы с польским наступлением

(Декрет ВЦИК от 11/V, СУ, 1920, № 43).

115. Об установлении 7-дневного льготного срока для добровольной явки дезертиров

(Пост. СТО от 12/V, СУ, 1920, № 43).

116. О борьбе с контрабандной торговлей

(Пост. СТО от 11/V, СУ, 1920, № 43).

117. О дополнении к декрету «О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний»

(Декрет ВЦИК от 15/V, СУ, 1920, № 44).

118. О порядке приведения в исполнение губернскими революционными трибуналами приговоров к высшей мере наказания в местностях, объявленных на военном положении, а также в местностях, на кои распространяется власть революционных военных советов фронтов

(Декрет ВЦИК, СУ, 1920, № 48).

119. О введении в действие «Положения о революционных военных трибуналах»

(Приказ РВСР от 4/V, СУ, 1920, № 54).

120. О лишении ордена «Красного знамени»

(Декрет ВЦИК от 10/VI, СУ, 1920, № 57).

121. О передаче НКПросу культурно-просветительной работы в местах лишения свободы

(Декрет СНК от 30/VI, СУ, 1920, № 65).

122. Инструкция Комиссии по делам о несовершеннолетних

(Пост. НКПрос, НКЗдрав, НКЮст, СУ, 1920, № 68).

123. Об изменении инструкции о досрочном освобождении

(Пост. НКЮ от 7/VIII, СУ, 1920, № 70).

124. Об уклонении от воинской повинности по так называемым религиозным убеждениям

(Пост. НКЮ от 4/VIII, СУ, 1920, № 73).

125. Об образовании коллегии по проведению военного положения и о предоставлении ВЧК и некоторым ее органам прав реввоен- трибуналов в отношении преступлений, направленных против военной безопасности Республики

(Декрет ВЦИК и СТО от 28/V, СУ, 1920, № 78).

126. О рабоче-крестьянской милиции (положение)

(Декрет ВЦИК и СНК от 10/VI, СУ, 1920, № 79).

127. Об объявлении недели добровольной явки трудовых дезертиров транспортного

явки трудовых дезертиров транспортного

явки трудовых дезертиров транспортного

явки трудовых дезертиров транспортного

явки трудовых дезертиров транспортного

явки трудовых дезертиров транспортного

явки трудовых дезертиров транспортного

явки трудовых дезертиров транспортного

явки трудовых дезертиров транспортного

явки трудовых дезертиров транспортного

фронта и об освобождении от наказания провинчившихся в нарушении трудовой дисциплины

(Пост. СТО от 25/IX, СУ, 1920, № 81).

✓ 128. Положение о народном суде РСФСР (Декрет ВЦИК от 21/X, СУ, 1920, № 83).

129. Об амнистии к 3 годовщине Октябрьской революции

(Декрет ВЦИК от 6/XI, СУ, 1920, № 88).

130. О порядке применения амнистии, объявленной к 3 годовщине Октябрьской революции (инструкция)

(Пост. НКЮ от 6/XI, СУ, 1920, № 88).

131. Об отделах НКЮ (положение)

(Пост. НКЮ от 26/XI, СУ, 1920, № 90).

132. Об охране здоровья женщин

(Пост. НКЗдрава и НКЮ от 18/XI, СУ, 1920, № 90).

✓ 133. Об особых сессиях народного суда и дежурных камерах

(Пост. НКЮ от 16/IX, СУ, 1920, № 100).

134. Инструкция о порядке составления списков народных заседателей

(Пост. НКЮ от 6/XI, СУ, 1920, № 100).

✓ 135. Об организации обвинения и защиты на суде

(Пост. НКЮ от 23/XI, СУ, 1920, № 100).

III период — период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921--1925 гг.)

А. Законодательство РСФСР

1921 год

136. О реквизициях и конфисках

(Декрет СНК от 3/I, СУ, 1921, № 5).

137. О борьбе с дезертизмом

(Декрет СНК, утв. ВЦИК, от 2/II, СУ, 1921, № 9).

138. О восприятии заключения под стражу осужденных за трудовое дезертизм и прочие проступки против трудовой дисциплины женщины беременных или имеющих при себе детей до 3-летнего возраста

(Пост. НКЮ, НКТруда и ВЧК от 29/I, СУ, 1921, № 14).

139. Об образовании временной комиссии при СТО по борьбе с топливным кризисом и о возложении на ВЧК и ее местные органы обязательства содействия топливным органам

(Пост. СТО от 11/II, СУ, 1921, № 14, п. 2 постановления).

✓ 140. Положение о высшем судебном контроле

(Декрет ВЦИК и СНК от 10/III, СУ, 1921, № 15).

141. О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени

(Декрет СНК от 19/II, СУ, 1921, № 18).

142. Об усилении ответственности должностных лиц за преступления, совершенные при продовольственной работе

(Пост. НКЮ от 26/II, СУ, 1921, № 20).

143. О конфискации и реквизициях имущества частных лиц в местностях, освобожденных от неприятеля

(Декрет СНК от 28/III, СУ, 1921, № 21).

144. О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных (Декрет СНК от 21/III, СУ, 1921, № 22).

145. Положение об общих местах заключения РСФСР

(Пост. НКЮ от 15/II, СУ, 1921, № 23—24).

✓ 146. Положение о дисциплинарных товарищеских судах

(Декрет СНК от 5/IV, СУ, 1921, № 23—24)

147. Об усилении наказания за проезд на паровозах и тормозных площадках лиц, не имеющих на то права, а равно в отношении должностных лиц, проявляющих бездействие в борьбе с этими опасными для железнодорожного движения нарушениями революционного порядка

(Пост. СТО от 15/IV, СУ, 1921, № 34).

✓ 148. Об ограничении прав по судебным приговорам

(Декрет СНК от 5/V, СУ, 1921, № 39).

149. О внесении изменений в постановления о реквизициях и конфисках

(Декрет СНК от 24/V, СУ, 1921, № 40).

150. О трудовом дезертизме

(Декрет СНК от 9/V, СУ, 1921, № 46).

151. О мерах взыскания, налагаемых судебными органами за нарушение провоза пассажирами в качестве багажа и ручной клади при себе легко воспламеняющихся и взрывчатых веществ

(Декрет СНК от 16/V, СУ, 1921, № 47).

152. О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям

(Декрет ВЦИК и СНК от 1/VI, СУ, 1921, № 49).

✓ 153. Об объединении всех революционных трибуналов республики

(Декрет ВЦИК от 23/VI, СУ, 1921, № 51).

154. О консульских представителях иностранных государств при рабоче-крестьянском правительстве РСФСР (положение)

(Декрет СНК от 30/VI, СУ, 1921, № 52, п. 3 декрета).

155. О дипломатических представителях иностранных государств, аккредитированных при рабоче-крестьянском правительстве (положение)

(Декрет СНК от 30/VI, СУ, 1921, № 52).

156. Инструкция правлениям и фабрично-заводским комитетам государственных предприятий о предупредительных мерах борьбы с хищениями

(Декрет СНК от 4/VII, СУ, 1921, № 53).

157. О прекращении дел о нарушении работки и неплатеже чрезвычайного налога

(Пост. НКЮ от 29/IV, СУ, 1921, № 55).

158. Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене

(Декрет СНК от 15/VII, СУ, 1921, № 55).

159. О борьбе со взяточничеством

(Декрет СНК от 16/VIII, СУ, 1921, № 60).

✓ 160. О полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом на Западном фронте

(Декрет ВЦИК от 22/VIII, СУ, 1921, № 61).

✓ 161. Об организации высших судебных органов для исключительных судов (революционных трибуналов) в независимых советских республиках, независимых договорных советских республиках, автономных республиках и автономных областях

(Декрет ВЦИК от 25/VIII, СУ, 1921, № 62).

162. О воспрещении премирования солью и о наказаниях, налагаемых за преступления против соляной монополии

(Декрет ВЦИК и СТО от 29/VIII, СУ, 1921, № 62, п.п. 4 и 5 декрета).

163. Об установлении усиленной ответственности для лиц, виновных в хищении грузов во время перевозки их

(Декрет ВЦИК и СНК от 1/IX, СУ, 1921, № 62).

164. О порядке высылки иностранцев из пределов РСФСР

(Декрет СНК от 29/VIII, СУ, 1921, № 62).

165. Об усилении деятельности местных органов юстиции

(Декрет ВЦИК от 25/VIII, СУ, 1921, № 63).

166. О преступлениях и проступках, совершенных на судах, плавающих под Российским флагом

(Декрет СНК от 5/IX, СУ, 1921, № 64).

167. О пересмотре дел о лицах, осужденных за уклонение от воинской повинности по религиозным убеждениям

(Декрет ВЦИК от 16/IX, СУ, 1921, № 64).

168. О распространении действия амнистии, объявленной V Всероссийским съездом советов, на осужденных украинскими судебными и административными учреждениями, отбывающих наказание в пределах РСФСР

(Декрет ВЦИК от 20/IX, СУ, 1921, № 65).

169. О детской социальной инспекции (положение)

(Декрет СНК от 23/IX, СУ, 1921, № 66).

170. Об ответственности за нарушения декрета о продаже виноградных, плодоягодных и изюмных вин

(Декрет СНК от 7/X, СУ, 1921, № 68).

171. Инструкция по применению постановления СНК от 15/VII 1921 г. «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене и о порядке возбуждения и направления дел об этих нарушениях»

(Декрет СНК от 3/X, СУ, 1921, № 70).

172. О сессиях революционных трибуналов по разбору дел о преступлениях, связанных с нарушением закона о натуральном налоге (Циркуляр Верховного трибунала ВЦИК и НКПрода от 12/VII, СУ, 1921, № 70).

173. О выездных сессиях революционных трибуналов

(Декрет ВЦИК от 15/VIII, СУ, 1921, № 70).

174. О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ

(Декрет СНК от 17/X, СУ, 1921, № 70).

175. О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей

(Декрет СНК от 28/X, СУ, 1921, № 72).

176. Амнистия лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях

(Декрет ВЦИК от 3/XI, СУ, 1921, № 74).

177. Об амнистии

(Декрет ВЦИК от 4/XI, СУ, 1921, № 75).

178. О судебно-медицинских экспертизах (положение)

(Пост. НКЗдрава и НКЮ от 24/X, СУ, 1921, № 75).

179. Правила хранения и уничтожения объектов судебно-химического и микроскопического исследования

(Пост. НКЗдрава и НКЮ от 10/VII, СУ, 1921, № 76).

180. Инструкция о порядке применения амнистии к 4 годовщине Октябрьской революции

(Пост. НКЮ, СУ, 1921, № 76).

181. О наказании за ложные доносы

(Декрет СНК от 24/XI, СУ, 1921, № 77).

182. Об использовании труда заключенных в местах лишения свободы РСФСР и отбывающих принудительные работы без лишения свободы

(Декрет СНК от 28/XI, СУ, 1921, № 77).

183. Об образовании трибуналов в автономных советских республиках и областях

(Декрет ВЦИК от 1/XII, СУ, 1921, № 78).

184. О борьбе с контрабандой

(Декрет СНК от 8/XII, СУ, 1921, № 79).

185. Об охране складов, пакгаузов и кладовых, а равно сооружений на железнодорожных и водных путях сообщения

(Декрет ВЦИК и СНК от 9/XII, СУ, 1921, № 79).

1922 год

186. О расформировании комиссии по борьбе с трудовым дезертизмом

(Декрет СНК от 14/XII 1921, СУ, 1922, № 1).

187. Об ответственности заведующих государственными, кооперативными и частными предприятиями за уклонение от дачи в установленные сроки сведений, требуемых центральными и местными учреждениями

(Декрет СНК от 14/XII 1921, СУ, 1922, № 1).

188. О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей

(Декрет ВЦИК и СНК от 15/XII 1921, СУ, 1922, № 1).

189. О Всероссийской чрезвычайной комиссии

(Резолюция ВЦИК, СУ, № 4).

190. Об ответственности за невыполнение трудгужналога

(Декрет СНК от 28/XII 1921, СУ, 1922, № 5).

191. Об ответственности должностных лиц за нарушение возложенных на них обязанностей по заготовке, хранению, доставке и использованию семенного материала

(Декрет СНК от 2/I, СУ, 1922, № 5).

192. О правах ЦИК автономных советских республик в отношении местных революционных трибуналов

(Пост. ВЦИК от 16/I, СУ, 1922, № 11).

193. О воспрещении непропуска кассационных жалоб или ходатайств о помиловании

(Декрет ВЦИК от 18/I, СУ, 1922, № 11).

194. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР, с приложением текста Уголовного кодекса РСФСР

(Пост. ВЦИК, СУ, 1922, № 15).

195. Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, вымоков и арестов

(Декрет ВЦИК от 6/II, СУ, 1922, № 16).

196. Об ответственности за уничтожение и порчу геодезических знаков

(Декрет СНК от 9/II, СУ, 1922, № 16).

197. О распространении амнистии на неплательщиков продналога губерний, выполнивших 100% продналога

- (Декрет ВЦИК от 27/II, СУ, 1922, № 19).
198. О дополнении декрета «О распространении амнистии на неплательщиков продналога губерний, выполнивших 100% продналога»
(Декрет ВЦИК от 2/III, СУ, 1922, № 19).
- ✓ 199. Об уголовно-процессуальном кодексе
(Пост. ВЦИК от 25/V, СУ, 1922, № 20—21).
200. О борьбе с незаконным использованием транспорта
(Декрет ВЦИК от 20/III, СУ, 1922, № 25).
201. О мерах борьбы со злоупотреблениями и с хищениями при заготовке, вывозке, сплаве и транспорте дров и лесоматериалов
(Пост. СТО от 21/III, СУ, 1922, № 25).
- ✓ 202. О передаче в ведение НКЮ руководства культурно-просветительной деятельностью в местах лишения свободы
(Декрет СНК от 3/IV, СУ, 1922, № 28).
203. Правила применения амнистии к неплательщикам продналога
(Декрет ВЦИК от 13/IV, СУ, 1922, № 29).
204. О сохранении зарплаты за лицами, не явившимися на работу в виду участия их в народном суде в качестве заседателей или вследствие вызова их в качестве свидетеля или эксперта
(Пост. СНК от 19/IV, СУ, 1922, № 29).
205. О наказаниях за нарушение постановлений об охране труда
(Декрет СНК от 27/IV, СУ, 1922, № 30).
- ✓ 206. Положение о Народном комиссариате внутренних дел
(Пост. ВЦИК и СНК, СУ, 1922, № 33).
- ✓ 207. Положение о прокурорском надзоре
(Пост. III сессии ВЦИК 9 созыва от 28/V, СУ, 1922, № 36).
- ✓ 208. Положение об адвокатуре
(Пост. III сессии ВЦИК 9 созыва от 26/V, СУ, 1922, № 36).
209. Об амнистии недоимщикам по трудовым повинностям за 1921 г. и предшествующие годы
(Декрет ВЦИК от 8/VI, СУ, 1922, № 40).
- ✓ 210. Об отсрочке до 1 августа введения института прокуратуры и Уголовно-процессуального кодекса
(Декрет ВЦИК от 8/VII, СУ, 1922, № 44).
211. Об ответственности за нарушения декрета о едином натуральном налоге и о порядке возбуждения, направления и рассмотрения дел об этом налоге
(Декрет СНК от 21/VII, СУ, 1922, № 46).
212. О дополнении ст. 33 общей части УК
(Декрет ВЦИК от 27/VII, СУ, 1922, № 47).
213. Об организации судебного аппарата в Туркестанской республике
(Декрет ВЦИК от 27/VII, СУ, 1922, № 47).
214. Об административной высылке
(Декрет ВЦИК от 10/VIII, СУ, 1922, № 51).
- ✓ 215. О неприменении высшей меры наказания (расстрела) к беременным женщинам
(Декрет ВЦИК от 7/IX, СУ, 1922, № 58).
216. О таможенной охране
(Декрет СНК от 1/IX, СУ, 1922, № 58).
217. Об изменении текста статьи 114 УК
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/X, СУ, 1922, № 63).

218. О порядке включения уголовных санкций в проекты узаконений
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/X, СУ, 1922, № 63).
219. Об амнистии к 5 годовщине Октябрьской революции
(Декрет ВЦИК от 2/XI, СУ, 1922, № 64).
220. Об амнистии рядовым участникам кронштадтского мятежа
(Декрет ВЦИК от 2/XI, СУ, 1922, № 64).
221. Инструкция по применению амнистии к 5 годовщине Октябрьской революции
(Пост. НКЮ от 4/XI, СУ, 1922, № 64).
222. О дополнении к постановлениям о Государственном политическом управлении и об административной высылке
(Декрет ВЦИК от 16/X, СУ, 1922, № 65).
223. О придании обратной силы статьям 114 и 114-а УК
(Декрет ВЦИК от 19/X, СУ, 1922, № 65).
- ✓ 224. Положение о судостроительстве РСФСР
(Пост. ВЦИК от 11/XI, СУ, 1922, № 69).
225. Об изменениях и дополнениях УК РСФСР
(Пост. 4 сессии ВЦИК 9 созыва от 11/XI, СУ, 1922, № 72—73).
- ✓ 226. О порядке ареста прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и советов народных судей, народных судей и следователей
(Декрет ВЦИК и СНК от 16/XI, СУ, 1922, № 77).
227. Об обязательном опубликовании в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства» уставов учреждений, обществ и товариществ, имеющих всероссийское значение
(Декрет СНК от 21/XI, СУ, 1922, № 78, п. 4 декрета).

1923 год

228. Об освобождении от уголовной ответственности граждан, уклонившихся от учета военнообязанных, но явившихся на общий переучет в 1923 году
(Декрет СНК от 12/I, СУ, 1923, № 3).
- ✓ 229. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР с приложением текста УПК
(Пост. ВЦИК от 15/II, СУ, 1923, № 7).
230. Инструкция по применению постановлений ВЦИК об административной высылке
(Пост. НКВД от 3/I, СУ, 1923, № 8).
- ✓ 231. Положение о Народном комиссариате юстиции
(Декрет ВЦИК от 1/II, СУ, 1923, № 10).
- ✓ 232. Об изменении и дополнении Положения о судостроительстве
(Декрет ВЦИК и СНК от 1/II, СУ, 1923, № 10).
233. О мерах борьбы с несвоевременным получением из таможенных учреждений грузов, принадлежащих государственным организациям и не подлежащих продаже с публичных торгов
(Декрет СНК от 1/II, СУ, 1923, № 10).
234. Об изменении ст. 33 УК РСФСР
(Декрет ВЦИК от 15/II, СУ, 1923, № 15).

235. О принудительных работах без содержания под стражей
(Пост. НКЮ и НКВД от 20/II, СУ, 1923, № 16).
236. О военнослужащих и военно-морских служащих, привлеченных к следствию и суду
(Приказ РВСР и НКЮ от 21/II, СУ, 1923, № 16).
237. О времени вступления в силу декретов и постановлений
(Пост. НКЮ от 3/II, СУ, 1923, № 17).
238. Об условно-досрочном освобождении заключенных женщин ко дню празднования интернационального дня работницы
(Декрет ВЦИК от 5/III, СУ, 1923, № 18).
239. Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка, с приложением списка декретов и постановлений, отменяемых с изданием Положения
(Декрет ВЦИК и СНК от 8/III, СУ, 1923, № 21).
240. Об учреждении Главного суда Дагестанской социалистической советской республики
(Декрет ВЦИК от 22/III, СУ, 1923, № 24).
241. О применении амнистии, объявленной к 5 годовщине Октябрьской революции
(Декрет ВЦИК от 28/III, СУ, 1923, № 25).
242. Положение о Киргизском отделении Верховного суда РСФСР
(Декрет ВЦИК от 11/IV, СУ, 1923, № 31).
243. Положение о Туркестанском отделении Верховного суда РСФСР
(Декрет ВЦИК от 11/IV, СУ, 1923, № 31).
244. Об амнистии карельским беженцам
(Декрет ВЦИК от 30/IV, СУ, 1923, № 39).
245. Об амнистии неплательщикам единого натурального налога
(Декрет ВЦИК от 30/IV, СУ, 1923, № 39).
246. Об изменениях и дополнениях УК РСФСР
(Пост. II сессии ВЦИК X созыва от 10/VII, СУ, 1923, № 48).
247. Об изменениях и дополнениях УПК
(Пост. II сессии ВЦИК X созыва от 10/VII, СУ, 1923, № 48).
248. Об изменениях и дополнениях Положения о судостроительстве РСФСР
(Пост. ВЦИК от 7/VII, СУ, 1923, № 48).
249. Положение о дисциплинарных судах
(Пост. ВЦИК от 7/VII, СУ, 1923, № 54).
250. Поправки к постановлению об изменениях и дополнениях УК, помещенному в № 48, СУ за 1923 г.
(СУ, 1923, № 62).
251. Инструкция о порядке привлечения к ответственности за нарушение декрета об едином сельскохозяйственном налоге и порядке возбуждения, направления и рассмотрения дел об этих нарушениях
(Декрет ВЦИК и СНК от 11/VII, СУ, 1923, № 67).
252. О применении условно-досрочного освобождения к осужденным за преступления, предусмотренные статьями 140 и 140-а Уголовного кодекса
(Декрет ВЦИК от 18/VII, СУ, 1923, № 68).
253. О порядке содержания под стражей военнослужащих, состоящих под следствием и судом
(Пост. РВСР и НКЮ от 21/VII, СУ, 1923, № 68).
254. Инструкция по применению постановления о досрочном освобождении осужденных за преступления, предусмотренные ст. 140 и 140-а УК
(Пост. НКЮ от 28/VII, СУ, 1923, № 70).
255. Инструкция о вознаграждении свидетелей, экспертов, переводчиков и понятых по уголовным и гражданским делам
(Пост. НКЮ от 31/VII, СУ, 1923, № 71).
256. Об освобождении из-под стражи лиц, задержанных за бесписьменность
(Пост. НКЮ и НКВД от 2/VII, СУ, 1923, № 72).
257. О порядке призыва народных заседателей к исполнению судебных обязанностей в судебных заседаниях Верховного суда
(Декрет ВЦИК от 28/IX, СУ, 1923, № 79).
258. Об определении понятия «нанимателя» как лица, ответственного за исполнение законов о применении наемного труда в порядке ст.ст. 132, 133, 134 и 156 УК
(Пост. НКЮ и НКТруда от 29/X, СУ, 1923, № 80).
259. Об облегчении участи крестьян, совершивших преступления, караемые ст. 99 УК, до издания Лесного кодекса
(Декрет ВЦИК от 19/XI, СУ, 1923, № 89).

1924 год

260. Об изменении ст. 135 УК РСФСР
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/I, СУ, 1924, № 8).
261. Об изменении ст.ст. 140, 140-а и 140-б УК
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/I, СУ, 1924, № 8).
262. Акцизные правила, нарушение коих карается ст. 140 УК РСФСР
(Пост. НКЮ от 8/XI 1923, СУ, 1924, № 12).
263. Положение об Уральском областном суде
(Декрет ВЦИК и СНК от 11/I, СУ, 1924, № 18).
264. О дополнении постановления об амнистии карельским беженцам
(Декрет ВЦИК от 20/II, СУ, 1924, № 20).
265. Инструкция по применению амнистии к международному дню работниц
(Пост. НКЮ и НКВД от 5/III, СУ, 1924, № 24).
266. О сельских исполнителях
(Декрет ВЦИК и СНК от 27/III, СУ, 1924, № 28).
267. О порядке отмены поражения прав лиц, освобожденных по амнистии от главного наказания
(Декрет ВЦИК и СНК от 5/V, СУ, 1924, № 41).
268. Об утверждении амнистии по Якутской АССР, с приложением текста амнистии
(Декрет ВЦИК от 2/VI, СУ, 1924, № 52).
269. О распространении амнистии, объявленной 3/XI 1921 г., на всех находящихся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае рядовых солдат белых армий
(Декрет ВЦИК и СНК от 9/VI, СУ, 1924, № 52).
270. О служащих в местах заключения
(Декрет ВЦИК и СНК от 12/VI, СУ, 1924, № 56).
271. Положение о судебных переводчиках
(Декрет СНК от 20/VI, СУ, 1924, № 56).

✓ 272. О дополнении «Положения о дисциплинарных судах»

(Декрет ВЦИК от 23/VI, 1924, № 57).

273. О судоустройстве в Якутской АССР

(Декрет ВЦИК и СНК от 28/VII, СУ, 1924, № 68).

274. Об изменении статей 36, 40, 46, 48 УК РСФСР и о включении в УК новых ст.ст. 25-а, 49-а, 55-а

(Декрет ВЦИК и СНК от 11/VIII, СУ, 1924, № 70).

275. О переименовании ст.ст. 104-а и 104-б УК в статьи 104-б и 104-в и о дополнении УК ст. 104-а

(Декрет ВЦИК и СНК от 25/VIII, СУ, 1924, № 73).

276. О дополнениях и изменениях Положения о судоустройстве РСФСР

(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 78).

✓ 277. О дополнениях и изменениях УПК РСФСР.

(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 78).

278. О дополнениях и изменениях УК РСФСР

(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 79).

279. О дополнениях УК РСФСР для автономных республик и областей

(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 79).

✓ 280. О дополнении Положения о дисциплинарных судах

(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 79).

281. Об утверждении списка народных заседателей Верховного суда РСФСР

(Декрет ВЦИК от 3/XI, СУ, 1924, № 84).

✓ 282. Исправительно-трудовой кодекс

(Пост. 2 сессии ВЦИК XI созыва от 16/X, СУ, 1924, № 86).

1925 год

283. Об изменении ст. 139-а УК РСФСР

(Декрет ВЦИК и СНК от 15/XII 1924 г., СУ, 1925, № 5).

✓ 284. О дополнении УК ст.ст. 97-а, 141-а

(Декрет ВЦИК и СНК от 15/XII 1924, СУ, 1925, № 5).

✓ 285. О дополнении УК ст. 140-д

(Декрет ВЦИК и СНК от 22/XII 1924, СУ, 1925, № 5).

✓ 286. Об изменении ст. 79-а УК РСФСР

(Декрет ВЦИК и СНК от 12/I, СУ, 1925, № 7).

287. Положение об отделении Главного дисциплинарного суда при Киргизском ЦИК

(Декрет ВЦИК и СНК от 2/II, СУ, 1925, № 8).

288. О дополнении ст. 37 УК

(Декрет ВЦИК и СНК от 9/II, СУ, 1925, № 9).

✓ 289. О дополнении УПК ст.ст. 4-а, 203-а, 222-а

(Декрет ВЦИК и СНК от 9/II, СУ, 1925, № 9).

290. Об учреждении Комиссии для надзора за постановлениями губернских (областных) распределительных комиссий в области применения ими досрочного освобождения и сокращения срока отбываемого наказания

(Декрет ВЦИК и СНК от 16/II, СУ, 1925, № 12).

291. О составлении и опубликовании ведомости справок о судимости

(Декрет СНК от 17/II, СУ, 1925, № 13).

✓ 292. Об изменении ст. 158 УПК

(Декрет ВЦИК и СНК от 23/II, СУ, 1925, № 13).

293. О введении в действие Устава службы по местам заключения, с приложением текста Устава

(Декрет ВЦИК и СНК от 23/III, СУ, 1925, № 16).

294. Об амнистии и некоторых льготах трудящимся Северо-Кавказского края в связи с созывом I краевого съезда советов

(Декрет ВЦИК от 26/I, СУ, 1925, № 17).

295. О предоставлении ЦИК Карельской АССР права персональной амнистии карельским беженцам, не успевшим зарегистрироваться до 1/V 1924 г.

(Декрет ВЦИК от 16/III, СУ, 1925, № 19).

296. Об отмене и согласовании с ИТК РСФСР декретов и постановлений, касающихся исправительно-трудовых учреждений

(Декрет ВЦИК и СНК от 13/IV, СУ, 1925, № 24).

297. О предоставлении отпусков из мест заключения на полевые работы заключенным крестьянам

(Декрет ВЦИК от 21/IV, СУ, 1925, № 25).

✓ 298. О дополнениях и изменениях УК РСФСР

(Декрет 3 сессии ВЦИК XI созыва от 5/V, СУ, 1925, № 29).

299. О дополнении УК РСФСР для Бурят-Монгольской АССР

(Декрет 3 сессии ВЦИК XI созыва от 5/V, СУ, 1925, № 29).

✓ 300. О дополнениях и изменениях УПК РСФСР

(Декрет 3 сессии ВЦИК XI созыва от 5/V, СУ, 1925, № 29).

301. Об актах амнистии, изданных правительством Дальне-Восточной республики и существовавшими на ее территории народными революционными комитетами

(Декрет ВЦИК от 21/IV, СУ, 1925, № 35).

302. Об утверждении Положения о центральной комиссии по делам несовершеннолетних, с приложением текста Положения

(Декрет СНК от 22/V, СУ, 1925, № 38).

303. Об изменении редакции ст. 158 УПК

(Декрет ВЦИК и СНК от 6/VII, СУ, 1925, № 49).

304. Об изменении ст. 108 УПК

(Декрет ВЦИК и СНК от 27/VII, СУ, 1925, № 55).

305. О дополнении УК РСФСР статьей 92-а и об изменении редакции ст. 196 УК РСФСР

(Декрет ВЦИК и СНК от 24/VIII, СУ, 1925, № 58).

306. О введении в действие Положения о службе в Рабоче-крестьянской милиции, с приложением текста Положения.

(Декрет ВЦИК и СНК от 28/IX, СУ, № 68).

✓ 307. О дополнении главы IX УК РСФСР о бытовых преступлениях, наказуемых на территории Казахской АССР.

(Декрет ВЦИК и СНК от 24/VIII, СУ, 1925, № 70).

✓ 308. О дополнении УК РСФСР ст. 99-а

(Декрет ВЦИК и СНК от 5/X, СУ, 1925, № 71).

309. О времени вступления в силу декретов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР и распоряжений ведомств РСФСР

(Декрет ВЦИК и СНК от 12/X, СУ, 1925, № 72).

310. О порядке рассмотрения губернскими исполнительными комитетами протестов, вносимых прокуратурой

(Декрет ВЦИК от 12/X, СУ, 1925, № 73).

311. Об утверждении Положения о судостроительстве Северо-Кавказского края

(Декрет ВЦИК и СНК от 2/XI, СУ, 1925, № 77).

312. Об утверждении Положения о судостроительстве Сибирского края

(Декрет ВЦИК и СНК от 23/XI, СУ, 1925, № 82).

313. Об отмене ст. 5 устава службы по местам заключения

(Декрет ВЦИК и СНК от 23/XI, СУ, 1925, № 84).

314. О дополнении изменений УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК от 24/X, СУ, 1925, № 88).

Б. Законодательство СССР

1923 год

315. О Верховном суде СССР
(Пост. 2 сессии ЦИК I созыва от 6/VI, СУ, 1923, № 81).

316. Амнистия по случаю 3 годовщины освобождения Минска

(Декрет ЦИК от 11/VII, СУ, 1923, № 82).

317. О распространении на территорию РСФСР тех декретов и постановлений ВЦИК РСФСР и его Президиума, которые имели

действие на территории РСФСР, союзных и договорных республик

(Декрет ЦИК от 13/VII, 1923, № 82).

318. Об амнистии в ознаменование образования СССР

(Декрет ЦИК от 17/VIII, СУ, 1923, № 95).

319. О положении о Верховном суде СССР

(Пост. 3 сессии ЦИК СССР I созыва от 12/XI, СУ, 1923, № 113).

1924 год

320. Положение об объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах

(Декрет ЦИК от 15/XI 1923, СУ, 1924, № 12).

321. Об упразднении военно-транспортных трибуналов

(Декрет ЦИК от 23/XI 1923, СУ, 1924, № 13).

322. Положение о Верховном суде СССР

(Декрет ЦИК от 23/XI 1923 г., СУ, 1924, № 29—30).

323. Об условно-досрочном освобождении заключенных женщин ко дню празднования дня работниц

(Декрет ЦИК от 22/II, СУ, 1924, № 34).

324. Наказ Верховному суду СССР

(Пост. ЦИК от 14/VII, СУ, 1924, № 2).

325. О дополнении к ст.ст. 6, 7 Положения о Верховном суде СССР

(Пост. ЦИК от 14/VII, СЗ, 1924, № 2).

326. О порядке опубликования законов и распоряжений Правительства СССР

(Пост. ЦИК от 22/VIII, СЗ, 1924, № 7).

327. Об амнистии лицам, совершившим побег из РККА и Флота

(Пост. ЦИК от 14/XI, СЗ, 1924, № 18).

328. Основы судостроительства СССР и союзных республик

(Пост. ЦИК от 29/X, СЗ, 1924, № 23).

329. Об утверждении проектов 1) Основных начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, 2) Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик и 3) Положение о воинских преступлениях, с

приложением текста постановлений

(Пост. ЦИК от 31/X, СЗ, 1924, № 24).

330. О дополнении ст. 32 наказа Верховному суду СССР

(Пост. ЦИК от 5/XII, СЗ, 1924, № 28).

1925 год

331. О времени вступления в силу законов и распоряжений Правительства СССР, а равно распоряжений ведомств СССР

(Пост. ЦИК и СНК от 6/II, СЗ, 1925, № 8).

332. Об амнистии

(Пост. ЦИК от 7/III, СЗ, 1925, № 17).

333. О введении в действие Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка

(Пост. ЦИК от 3/IV, СЗ, 1925, № 25).

334. О прекращении содержания в Солдатеком концентрационном лагере особо назначенных осужденных за политические преступления членов антисоветских партий

(Пост. СНК от 10/VI, СЗ, 1925, № 38).

335. О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению

(Пост. ЦИК от 14/VIII, СЗ, 1925, № 52).

336. О лишении гражданства СССР находящихся за границей и пр. пустивших сроки регистрации бывших военнопленных и интернированных военнослужащих царской и Красной армий, а также амнистированных лиц, служивших в белых армиях, и участников контрреволюционных восстаний

(Пост. ЦИК и СНК от 13/XI, СЗ, 1925, № 77).

IV период — период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.).

А. Законодательство СССР

1926 год

337. О дополнении ст. 13 Положения о Верховном суде СССР

(Пост. ЦИК от 24/XII 1925, СЗ, 1926, № 1).

338. О дополнении наказа Верховному суду СССР ст. 40¹

(Пост. ЦИК от 8/I, СЗ, 1926, № 8).

339. О дополнении ст. 1 Положения о воинских преступлениях

(Пост. ЦИК от 19/II, СЗ, 1926, № 9).

340. Об изменении ст. 60 наказа Верховному суду СССР

(Пост. ЦИК от 8/I, СЗ, 1926, № 9).

341. О дополнении и изменении ст.ст. 18 и 19 Основных начал уголовного законодательства

ства СССР и союзных республик и ст.ст. 4, 6, 11 Положения о воинских преступлениях

(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/III, СЗ, 1926, № 15).

342. О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьями, вытекающими из признания имеющими силу для СССР Брюссельских конвенций от 23/IX 1910 г. о столкновении судов и оказании помощи и спасения на море и Парижской конвенции от 14/III 1884 г. об охране подводных телеграфных кабелей

(Пост. ЦИКС от 5/III, СЗ, 1926, № 22).

343. О внесенных на рассмотрение ЦИК СССР проектах постановлений об изменении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и положений о контрреволюционных преступлениях и преступлениях против порядка управления

(Пост. ЦИКС от 25/IV СЗ, 1926, № 30).

✓ 344. Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной

(Пост. СНКС от 27/IV, СЗ, 1926, № 32).

✓ 345. Об изменении ст.ст. 10 и 20 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик

(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/VIII, СЗ, 1926, № 55).

✓ 346. О введении в действие Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре, с приложением текста Положения

(Пост. ЦИКС и СНКС от 20/VIII, СЗ, 1926, № 57).

✓ 347. Об изменении редакции ст. 56 Наказа Верховному суду СССР

(Пост. ЦИКС от 3/IX, СЗ, 1926, № 57).

348. О дополнении положения о Верховном суде СССР

(Пост. ЦИКС от 24/VII, СЗ, 1926, № 68).

349. Об утверждении положения о временных членах военных трибуналов

(Пост. СНКС от 9/XI, СЗ, 1926, № 74).

1927 год

✓ 350. Об изменении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик

(Пост. ЦИКС от 25/II, СЗ, 1927, № 12).

✓ 351. Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)

(Пост. ЦИКС от 25/II, СЗ, 1927, № 12).

352. Об упразднении Военно-транспортной коллегии Верхсуда СССР

(Пост. ЦИКС от 3/III, СЗ, 1927, № 20).

✓ 353. О порядке дисциплинарной ответственности работников военных трибуналов и военной прокуратуры

(Пост. ЦИКС и СНКС от 25/V, СЗ, 1926, № 31).

✓ 354. Об изменении п. «а» ст. 16 Положения о Верхсуде СССР

(Пост. ЦИКС от 7/I, СЗ, 1927, № 40).

355. Об изменении ст. 52 наказа Верхсуду СССР

(Пост. ЦИКС от 7/I, СЗ, 1927, № 40).

356. Об изменении редакции ст. 38 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик

(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/VII, СЗ, 1927, № 44).

✓ 357. О ростовщичестве

(Пост. ЦИКС и СНКС от 17/VIII, СЗ, 1927, № 48).

358. О введении в действие Положения о воинских преступлениях, с приложением текста Положения

(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/VII, СЗ, 1927, № 50).

359. Манифест ко всем рабочим, трудящимся крестьянам, красноармейцам СССР. К пролеграмм всем стран и угнетенным народам мира

(Пост. ЦИКС от 15/X, СЗ, 1927, № 61, п.п. 9, 10).

360. Об амнистии

(Пост. ЦИКС от 2/XI, СЗ, 1927, № 61).

1928 год

✓ 361. О мерах к усилению борьбы с самогипотравлением

(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/XII 1927, СЗ, 1928, № 2).

362. Об изменении ст. 1 Положения о воинских преступлениях

(Пост. ЦИКС и СНКС от 28/XII 1927, СЗ, 1928, № 3).

363. Об ограничении наложения штрафов в административном порядке

(Пост. ЦИКС и СНКС от 4/I, СЗ, 1928, № 5).

✓ 364. О дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре

(Пост. ЦИКС и СНКС от 21/III, СЗ, 1928, № 19).

✓ 365. Об изменении ст. 13 Основ судостроительства СССР и союзных республик

(Пост. ЦИКС и СНКС от 25/IV, СЗ, 1928, № 25).

✓ 366. Об изменении ст. 21 Основ судостроительства СССР и союзных республик, о дополнении ст. 8 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре и изменении ст. 20 означенного Положения

(Пост. ЦИКС и СНКС от 23/IV, СЗ, 1928, № 33).

✓ 367. О дополнении и изменении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре

(Пост. ЦИКС и СНКС от 23/IV, СЗ, 1928, № 34).

✓ 368. О порядке дисциплинарной ответственности работников военных трибуналов и военной прокуратуры

(Пост. ЦИКС и СНКС от 17/VIII, СЗ, 1928, № 52).

369. Об утверждении постановлений, принятых в период между 3 и 4 сессиями ЦИК

4 созыва и подлежащих, на основании ст. 15 Конституции СССР, утверждению 4 сессии ЦИК 4 созыва

(Пост. 4 сессии ЦИК 4 созыва от 15/XII СЗ, 1928, № 69, п.п. 42, 43 постановления).

1929 год

✓ 370. О мерах борьбы с лежкооперативами

(Пост. СНКС от 28/XII 1928, СЗ, 1929, № 3).

371. Об усилении уголовной ответственности за хищение оружия и огнестрельных припасов

(Пост. ЦИКС и СНКС от 6/II, СЗ, 1929, № 10).

372. Об изменении и дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре (Пост. ЦИК и СНК от 30/I, СЗ, 1929, № 13).
373. О дополнении Положения о Верховном Суде СССР (Пост. ЦИК от 1/II, СЗ, 1929, № 13).
374. О мероприятиях по усилению борьбы с транспортными преступлениями. (Пост. ЦИК и СНК от 13/III, СЗ, 1929, № 21).
375. Об изменении ст.ст. 7 и 8 Положения о воинских преступлениях (Пост. ЦИК и СНК от 24/IV, СЗ, 1929, № 29).
376. Об изменении п. «б» ст. 8 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре (Пост. ЦИК и СНК от 7/VI, СЗ, 1929, № 39).
377. О наложении дисциплинарных взысканий на работников железнодорожного транспорта за нарушения установленных для них технических правил, вызвавшие происшествия, связанные с железнодорожным движением. (Пост. ЦИК и СНК от 19/VII, СЗ, 1929, № 44).
378. Об утверждении Положения о Верховном Суде СССР и Прокуратуре Верховного Суда СССР, с приложением текста Положения (Пост. ЦИК и СНК от 24/VII, СЗ, 1929, № 50).
379. О разрешении ВЦИК и СНК РСФСР установить отступление от предусмотренной ст. 2 Основ судостроительства СССР и союзных республик системы судебных исполнителей. (Пост. ЦИК и СНК от 11/IX, СЗ, 1929, № 60).
380. О дополнении Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик (Пост. ЦИК и СНК от 13/X, СЗ, 1929, № 67).
381. Об изменении и дополнении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик (Пост. ЦИК и СНК от 13/X, СЗ, 1929, № 67).
382. Об изменении и дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре (Пост. ЦИК и СНК от 26/X, СЗ, 1929, № 70).
383. Об основах дисциплинарного законодательства СССР и союзных республик (Пост. ЦИК и СНК от 13/X, СЗ, 1929, № 71).
384. Об изменении ст.ст. 13, 18, 22 и 38 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик (Пост. ЦИК и СНК от 6/XI, СЗ, 1929, № 72).
385. Об изменении ст. 22 Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) (Пост. ЦИК и СНК от 18/XI, СЗ, 1929, № 72).
386. Об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями ЦИК СССР и подлежащих, на основании ст. 18 Конституции СССР, утверждению 2 сессии ЦИК СССР 5 созыва (Пост. 2 сессии ЦИК 5 созыва от 8/XII, СЗ, 1929, № 75).

387. Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьян и отказавшихся вернуться в СССР (Пост. ЦИК от 21/XI, СЗ, 1929, № 76).

Б. Законодательство РСФСР

1926 год

388. Об утверждении и введении в действие Положения о Казахском отделении Верховного Суда РСФСР (Пост. ВЦИК и СНК от 18/I, СУ, 1926, № 6).
389. Об изменении ст. 97 УК РСФСР (Декрет ВЦИК и СНК от 1/III, 1926, № 12).
390. Об освобождении от отбывания принудительных работ без содержания под стражей лиц, приговоренных к таковому до 1/I 1925 г. (Декрет ВЦИК и СНК от 1/III, СЗ, 1926, № 13).
391. Об изменении ст. 139-а УК РСФСР (Декрет ВЦИК и СНК от 15/III, СУ, 1926, № 16).
392. Об утверждении Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР, с приложением текста Положения (Декрет ВЦИК и СНК от 8/III, СУ, 1926, № 19).
393. О местных комиссиях по делам несовершеннолетних (Декрет СНК от 16/III, СУ, 1926, № 19).
394. Об изменении ст. 79 УК РСФСР (Декрет ВЦИК и СНК от 5/IV, СУ, 1926, № 20).
395. О чрезвычайных мерах охраны революционного порядка, с приложением текста Положения (Декрет ВЦИК и СНК от 10/IV, СУ, 1926, № 29).
396. О дополнении ИТК РСФСР статей 18-а (Декрет ВЦИК и СНК от 10/IV, СУ, 1926, № 31).
397. О дополнении ст. 34 и об изменении примечания к ст. 35 УК РСФСР (Декрет ВЦИК и СНК от 7/VI, СУ, 1926, № 33).
398. Об изменении ст. 176 УК РСФСР (Декрет ВЦИК и СНК от 7/VI, СУ, 1926, № 33).
399. О дополнении ст. 99-а УК РСФСР (Декрет ВЦИК и СНК от 7/VI, СУ, 1926, № 33).
400. О дополнении УК РСФСР ст. 221-а (Декрет ВЦИК и СНК от 7/VI, СУ, 1926, № 34).
401. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 196-а и 218-а (Декрет ВЦИК и СНК от 14/VI, СУ, 1926, № 36).
402. Об утверждении Положения о дисциплинарных судах, с приложением текста Положения (Декрет ВЦИК и СНК от 14/VI, СУ, 1926, № 36).
403. Об изменении ст. 139-а УК РСФСР (Декрет ВЦИК и СНК от 2/VIII, СУ, 1926, № 49).
404. О дополнении УК РСФСР ст. 135-а (Декрет ВЦИК и СНК от 9/VIII, СУ, 1926, № 51).
405. Об изменении ст. 99 УК (Декрет ВЦИК и СНК от 9/VIII, СУ, 1926, № 51).

406. О дополнении примечания 2 к ст. 52 Положения о судостроительстве (Декрет ВЦИК и СНК от 9/VIII, СУ, 1926, № 52).

407. Об изменении ст. 80 УК РСФСР (Декрет ВЦИК и СНК от 28/VIII, СУ, 1926, № 54).

408. О дополнении УПК РСФСР ст. 90-а (Декрет ВЦИК и СНК от 13/IX, СУ, 1926, № 59).

409. Об организации принудительных работ без содержания под стражей (Декрет ВЦИК и СНК от 6/IX, СУ, 1926, № 60).

410. О мероприятиях по борьбе с хулиганством.

(Декрет СНК от 29/X, СУ, 1926, № 77).

411. О введении в действие УК РСФСР редакции 1926 г., с приложением текста УК (Пост. ВЦИК от 22/XI, СУ, 1926, № 80).

412. О некоторых изменениях и дополнениях УПК

(Декрет ВЦИК и СНК от 22/XI, СУ, 1926, № 84).

413. Положение о судостроительстве РСФСР (Пост. ВЦИК от 19/XI, СУ, 1926, № 85).

414. Об оказании гражданами содействия милиции при задержании пьяных и хулиганов (Декрет СНК от 8/XII, СУ, 1926, № 88).

415. Об утверждении дополнений и изменений кодексов РСФСР, принятых президиумом ВЦИК в период между 2 и 3 сессиями ВЦИК (Пост. 3 сессии ВЦИК XII созыва от 18/XI, СУ, 1926, № 91).

1927 год

416. О распространении амнистии на рядовых солдат белой армии Миллера, действовавшей в пределах Архангельской губернии (Пост. ВЦИК от 20/XII 1926, СУ, 1927, № 2).

417. О мерах борьбы с венерическими болезнями

(Пост. ВЦИК и СНК от 24/I, СУ, 1927, № 13).

418. Об изменении ст.ст. 26 и 31 и дополнении ст. 26-а УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 7/III, СУ, 1927, № 26).

419. Постановление по отчетному докладу НКЮ РСФСР о борьбе с растратами и преступной бесхозяйственностью должностных лиц (Пост. СНК от 16/III, СУ, 1927, № 28).

420. Об учете национальных особенностей при производстве расследований и при рассмотрении уголовных дел по обвинению против граждан, принадлежащих к какой-либо из горских национальностей, проживающих в автономных областях, входящих в Северо-Кавказский край

(Пост. ВЦИК и СНК от 28/III, СУ, 1927, № 35).

421. Об усилении уголовной и гражданской ответственности домоуправлений за бесхозяйственное управление домами

(Пост. ВЦИК и СНК от 4/IV, СУ, 1927, № 36).

422. Об утверждении сводного закона о реквизиции и конфискации имущества

(Пост. ВЦИК и СНК от 28/III, СУ, 1927, № 38).

423. Об изменении ст. 13 ИТК РСФСР (Пост. ВЦИК и СНК от 16/V, СУ, 1927, № 46).

424. Об утверждении Положения о НКВД (Пост. ВЦИК и СНК от 28/III, СУ, 1927, № 47).

425. Об изменении УК РСФСР редакции 1926 г.

(Пост. ВЦИК и СНК от 6/VI, СУ, 1927, № 49).

426. Об изменении ст. 178 УПК РСФСР (Пост. ВЦИК и СНК от 23/V, СУ, 1927, № 50).

427. Об изменении УПК РСФСР (Пост. ВЦИК и СНК от 6/V, СУ, 1927, № 50).

428. О дополнении примечанием ст. 85 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 14/VI, СУ, 1927, № 56).

429. О прекращении дел по нарушениям обязательных постановлений и статей УК, предусматривающих ответственность в административном порядке

(Пост. ВЦИК и СНК от 6/VI, СУ, 1927, № 59).

430. О внешкольных мероприятиях по борьбе с хулиганством

(Пост. СНК от 25/VI, СУ, 1927, № 61).

431. О плане борьбы с детской беспризорностью

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VI, СУ, 1927, № 65).

432. Об изменении ст.ст. 33 и 79 ИТК РСФСР (Пост. ВЦИК и СНК от 21/VI, СУ, 1927, № 69).

433. Об утверждении Положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности

(Пост. ВЦИК и СНК от 4/VII, СУ, 1927, № 72).

434. Об изменениях УК РСФСР во исполнение Манифеста 2 сессии ЦИК СССР 4 созыва (Пост. ВЦИК и СНК от 31/X, СУ, 1927, № 110).

435. О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 14/X, СУ, 1927, № 111).

436. О проведении в жизнь на территории РСФСР амнистии к десятой годовщине Октябрьской революции

(Пост. ВЦИК и СНК от 5/XI, СУ, 1927, № 111).

1928 год

437. Об изменении п. 7 ст. 23 УПК РСФСР (Пост. ВЦИК и СНК от 20/XII 1927, СУ, 1928, № 4).

438. Об изменении ст. 25 УК РСФСР (Пост. ВЦИК и СНК от 20/XII 1927, СУ, 1928, № 4).

439. О предоставлении сельским советам права производства обысков и вымоков (Пост. ВЦИК и СНК от 20/XII 1927, СУ, 1928, № 5).

440. О мерах усиления борьбы с самогонным варением

(Пост. ВЦИК и СНК от 2/I, СУ, 1928, № 7).

441. Об улучшении постановки судебно-медицинской экспертизы в сельских местностях

(Пост. СНК от 15/I, СУ, 1928, № 7).

442. Об изменении ст. 85 УК РСФСР

- (Пост. ВЦИК и СНК от 26/IX 1927, СУ, 1928, № 8).
443. Об изменении ст.ст. 27 и 108 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 9/I, СУ, 1928, № 3).
444. Об изменении ст. 10 Постановления СНК РСФСР от 25/VI 1927 г. о внешкольных мероприятиях по борьбе с хулиганством
(Пост. СНК от 30/XII, 1927, СУ, 1928, № 9).
445. Об изменении ст.ст. 102 и 103 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 16/I, СУ, 1928, № 10).
446. О дополнении примечанием ст. 105 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 16/I, СУ, 1928, № 10).
447. Об изменении гл. девятой, дополнении ст. 28 и изменении прим. к ст. 58^а УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 9/I, СУ, 1928, № 12).
448. Об изменении ст. 36 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 9/I, СУ, 1928, № 12).
449. О дополнении и изменении Пост. ВЦИК и СНК РСФСР о мерах усиления борьбы с саботажем и сговором
(Пост. ВЦИК и СНК от 21/I, СУ, 1928, № 19).
450. Об изменении ст. 193^а УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 18/III, СУ, 1928, № 33).
451. О дополнении УК РСФСР ст. 87-а
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/III, СУ, 1928, № 36).
452. О дополнении УК РСФСР ст. 166-а и об изменении ст. 173 того же кодекса
(Пост. ВЦИК и СНК от 26/III, СУ, 1928, № 38).
453. Об изменении примечания 2 к ст. 26 и дополнении ст. 99 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 29/III, СУ, 1928, № 38).
454. Об изменении ст.ст. 102 и 103 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 16/I, СУ, 1928, № 33).
455. О предоставлении НКТруда РСФСР права устанавливать в отношении патронируемых лиц, работающих в предприятиях и коллективах патронируемых, состоящих в ведении Всероссийского комитета помощи содержащимся в местах заключения и освобожденных из них, изъятий из Кодексов законов о труде РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 29/III, СУ, 1928, № 40).
456. О порядке руководства судебными органами РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/I, СУ, 1928, № 46).
457. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 1/X 1926 г. по 1/III 1928 г. постановлений об изменении и дополнении кодексов РСФСР
(Пост. 2 сессии ВЦИК от 6/IV, СУ, 1928, № 47).
458. О дополнении УК РСФСР главой X «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта» и примечанием 3 к ст. 26 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК от 6/IV, СУ, 1928, № 47).
- 1 26/III 1928 г. издано пост. ВЦИК и СНК «О карательной и исправительно-трудоустройственной политике», ле вошедшее в СУ (см. «Еженедельник сов. юстиции» за 1928 г. № 14).
459. Об изменении ст.ст. 30 и 101 Положения о судостроительстве РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 14/V, СУ, 1928, № 53).
460. Об изменении главы IV отдела I ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 21/V, СУ, 1928, № 57).
461. Об отмене Положения о дисциплинарных судах
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/V, СУ, 1928, № 82).
462. О мероприятиях по борьбе с хулиганством
(Пост. СНК от 3/VII, СУ, 1928, № 84).
463. Об амнистии в ознаменование пятой годовщины существования Бурято-Монгольской АССР
(Пост. ВЦИК от 6/VII, СУ, 1928, № 87).
464. Об изменении примечания к ст. 91 Положения о судостроительстве РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 9/VII, СУ, 1928, № 88).
465. Об изменении ст. 166 и исключении ст. 166-а УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 7/VIII, СУ, 1928, № 102).
466. О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях
(Пост. ВЦИК и СНК от 27/VIII, СУ, 1928, № 114).
467. Об изменении ст. 27 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 27/VIII, СУ, 1928, № 114).
468. Об изменении ст. 60 Положения о судостроительстве РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VIII, СУ, 1928, № 114).
469. Об установлении начального срока для связанной со статистикой преступности отчетности органов милиции, уголовного розыска следствия, суда, прокуратуры и мест лишения свободы
(Пост. СНК от 20/VIII, СУ, 1928, № 115).
470. Об изменении положения о судостроительстве
(Пост. ВЦИК и СНК от 3/IX, СУ, 1928, № 117).
471. Об изменении ст. 2 пост. СНК РСФСР от 3/II 1928 г. о мероприятиях по борьбе с хулиганством на биржах труда и об улучшении работы бирж труда
(Пост. СНК от 8/IX, СУ, 1928, № 118).
472. О дополнении ст. 86 УК РСФСР абзацем третьим
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IX, СУ, 1928, № 121).
473. Об изменении примечаний к ст.ст. 28 и 30 УК РСФСР и об отмене примечания к ст. 59^а того же кодекса
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/X, СУ, 1928, № 127).
474. Об изменении ст.ст. 26 и 260 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 5/XI, СУ, 1928, № 134).
475. Об изменении Положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/V, СУ, 1928, № 139).

476. Об изменении ст.ст. 112, 113, 120, 121 и 128 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 28/IV, СУ, 1928, № 139).

477. Об изменении ст. 347 УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 7/VI, СУ, 1928, № 139).

1929 год

✓ 478. Об изменении и дополнении статей Положения о судостроительстве

(Пост. ВЦИК и СНК от 17/XII 1928, СУ, 1929, № 3).

479. Об изменении ст. 85 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XII 1928, СУ, 1929, № 7).

480. Об обязательных постановлениях местных исполкомов об охране лесов и насаждений от хищений и истреблений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XII 1928, СУ, 1929, № 7).

481. О дополнении УК РСФСР ст. 91^а

(Пост. ВЦИК и СНК от 28/I, СУ, 1929, № 15).

482. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК постановлений об изменении и дополнении кодексов РСФСР

(Пост. сессии ВЦИК от 29/XI 1928, СУ, 1929, № 22).

✓ 483. Об изменении ст.ст. 176, 177 и 179 Положения о судостроительстве РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 7/III, СУ, 1929, № 24).

484. О дополнении УК РСФСР ст. 73^а

(Пост. ВЦИК и СНК от 25/III, СУ, 1929, № 28).

485. О мерах борьбы с лежекооперативами

(Пост. СНК от 27/III, СУ, 1929, № 29).

✓ 486. О мерах борьбы с шинкарством

(Пост. СНК от 8/IV, СУ, 1929, № 30).

487. Об утверждении Положения о НКЮ РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 3/VI, СУ, 1929, № 41).

488. Об изменении ст. 62 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 46).

489. О дополнении ст. 29 ИТК РСФСР примечанием 3

(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 46).

490. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 108-а, 108-б, 108-в и 108-г для Казахской АССР.

(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 46).

491. Об изменении ст. 193^а УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 46).

492. Об изменении примечания к ст. 97 УПК РСФСР и дополнении ст. 99 того же кодекса примечанием 3

(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 46).

493. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 59^{3а}, 164-а и 166-а

(Пост. ВЦИК и СНК от 17/VI, СУ, 1929, № 50).

494. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 59^{3б}, 75^а, 75^б и 156^а и об изменении ст. 176 того же кодекса

(Пост. ВЦИК и СНК от 25/VI, СУ, 1929, № 50).

495. О предоставлении Комиссии по делам о несовершеннолетних права помещать правонарушителей в возрасте от 14 до 16 лет в трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей НКВД РСФСР

(Пост. СНК от 17/VII, СУ, 1929, № 58).

496. О дополнении УК РСФСР ст. 60^а

(Пост. ВЦИК и СНК от 29/VII, СУ, 1929, № 59).

497. Об изменении ст. 61 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 18/VI, СУ, 1929, № 60).

498. О дополнении ст. 182 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 5/VIII, СУ, 1929, № 60).

499. О дополнении ст. 144-а Положения о судостроительстве РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 29/VII, СУ, 1929, № 60).

500. О мерах борьбы с проституцией

(Пост. ВЦИК и СНК от 29/VII, СУ, 1929, № 60).

501. Об изменении ст.ст. 193⁷ и 193⁸ УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 12/VIII, СУ, 1929, № 64).

502. Об изменении ст. 167 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 26/VIII, СУ, 1929, № 65).

✓ 503. О борьбе с мелкими преступлениями в предприятиях и учреждениях

(Пост. ВЦИК и СНК от 26/VIII, СУ, 1929, № 65).

504. О проведении опыта по расширению прав и обязанностей низовых органов юстиции в опытно-показательных округах

(Пост. ВЦИК и СНК от 26/VIII, СУ, 1929, № 67).

505. Об изменении ст. 79 ИТК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 2/IX, СУ, 1929, № 68).

506. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 111-а и 129-а

(Пост. ВЦИК и СНК от 2/IX, СУ, 1929, № 72).

507. Об изменениях УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/IX, СУ, 1929, № 78).

508. О дополнении Постановления СНК РСФСР о местных комиссиях по делам несовершеннолетних

(Пост. СНК от 21/X, СУ, 1929, № 78).

✓ 509. Об изменении Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка

(Пост. ВЦИК и СНК от 30/X, СУ, 1929, № 80).

510. Об упразднении распределительных комиссий при инспекциях мест заключения, исключении главы второй отдела первого ст. 187 ИТК РСФСР, об изменении главы той же отдела и ст.ст. 47, 52, 146, 167, примечания к ст. 174 и ст.ст. 177, 178, 213, и 214 того же кодекса

(Пост. ВЦИК и СНК от 30/X, СУ, 1929, № 81).

511. Об изменении ст.ст. 12 и 53 УК и ст. 47 и 174 ИТК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 30/X, СУ, 1929, № 82).

512. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 1/X 1928 г. по 20/X

1929 г. постановлений об изменении и дополнении кодексов

(Пост. 2 сессии ВЦИК 14 созыва от 25/XI, СУ, 1929, № 87—88).

513. Об изменении ст. 34 УК РСФСР (Пост. ВЦИК и СНК от 6/XII, СУ, 1929, № 87—88).

V период — период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.)

А. Законодательство СССР

1930 год

514. Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов

(Пост. ЦИКС и СНКС от 23/XI 1929 г., СУ, 1930, № 2).

515. Об изменении ст. 1 Положения о воинских преступлениях

(Пост. ЦИКС и СНКС от 16/II, СЗ, 1930, № 15).

516. Положение об исправительно-трудовых лагерях

(Пост. СНКС от 7/IV, СЗ, 1930, № 22).

517. Об изменении ст. 19¹ и 19² Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик

(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/V, СЗ, 1930, № 27).

518. Об организации наблюдательных комиссий в военно-исправительных частях РККА

(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/V, СЗ, 1930, № 27).

519. Об изменении ст. 11 Постановления ЦИКС и СНКС от 19/VII 1929 г. о наложении дисциплинарных взысканий на работников железнодорожного транспорта за нарушения

установленных для них технических правил, вызвавшие происшествия, связанные с жел.-дор. движением

(Пост. ЦИКС и СНКС от 12/V, СЗ, 1930, № 27).

520. О государственных преступлениях, за которые суд может лишать права на пенсии и пособия

(Пост. СНКС от 31/V, СЗ, 1930, № 31).

521. О введении в действие закона об обязательной военной службе в новой редакции

(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/VIII, СЗ, № 40, пп. 8—9 постановления).

522. О воинских преступлениях, за которые суд может лишать права на пенсии и пособия

(Пост. ЦИКС и СНКС от 2/IX, СЗ, 1930, № 43).

523. О дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре ст. 28¹

(Пост. ЦИКС и СНКС от 3/IX, СЗ, 1930, № 47).

524. О дополнении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик прим. 2 к ст. 25¹

(Пост. ЦИКС и СНКС от 12/IX, СЗ, 1930, № 47).

525. О передаче в подсудность военных трибуналов всех дел о похищении огнестрельного оружия, частей к нему и огневых припасов со складов и хранилищ РККА и военизированных

охран и мест расположения воинских частей и частей военизированных охран

(Пост. ЦИКС и СНКС от 18/IX, СЗ, 1930, № 49).

526. Об изменении п. «в» ст. 15 Положения о воинских преступлениях

(Пост. ЦИКС и СНКС от 1/X, СЗ, 1930, № 51).

527. Об организации сельских судов

(Пост. ЦИКС от 29/IX, СЗ, 1930, № 51).

528. О мерах против хищнического убоя скота

(Пост. ЦИКС и СНКС от 11/XI, СЗ, 1930, № 57).

529. О железнодорожных линейных судах

(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/XI, СЗ, 1930, № 57).

530. Об изменении постановления СНК СССР о мерах борьбы с лжекооперативами.

(Пост. СНКС от 23/XI, СЗ, 1930, № 57).

531. Об изменении Основ судостроительства СССР и союзных республик ввиду ликвидации округов

(Пост. ЦИКС и СНКС от 3/XII, СЗ, 1930, № 59).

532. О ликвидации НКВД союзных и автономных республик

(Пост. ЦИКС и СНКС от 15/XII, СЗ, 1930, № 60).

1931 год

533. Об изменении законодательства СССР в связи с изданием Положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте от 3/XI 1930 г.

(Пост. СНКС от 28/XII 1930, СЗ, 1931, № 2).

534. Об изменении ст. 2 Постановления ЦИК и СНК СССР от 27/XI 1930 г. о железнодорожных судах

(Пост. ЦИКС и СНКС от 3/I, СЗ, 1931, № 4).

535. Об ответственности за преступления, дезорганизующие работу транспорта

(Пост. ЦИКС и СНКС от 23/I, СЗ, 1931, № 4).

536. Об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями ЦИК СССР, и подлежащих на основании ст. 18 Конституции СССР утверждению 3 сессии ЦИК СССР 5 созыва

(Пост. 3 сессии ЦИКС 5 созыва от 10/I, СЗ, 1931, № 5).

537. Об ответственности за поломку и порчу тракторов и сел.-хоз. машин

(Пост. ЦИКС и СНКС от 13/II, СЗ, 1931, № 9).

538. Положение о Рабоче-крестьянской милиции

(Пост. СНКС от 25/V, СЗ, 1931, № 33).

539. О включении в состав временных членов военных трибуналов представителей Рабоче-крестьянской милиции

(Пост. СНКС от 17/VIII, СЗ, 1931, № 53).

1932 год

540. О распространении Положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте на работников НК водного транспорта

(Пост. ЦИКС и СНКС от 11/I, СЗ, 1932, № 2).

541. Об усилении борьбы с хищением и про-
пажей почтовых отправлений

(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/II, СЗ, 1932,
№ 9).

542. Об изменении Положения о Рабоче-
крестьянской милиции

(Пост. СНКС от 17/II, СЗ, 1932, № 12).

543. О лишении гражданства СССР с запре-
щением въезда в СССР ряда лиц, проживаю-
щих за границей в качестве эмигрантов и
сохранивших еще советские паспорта

(Пост. ЦИКС от 20/II, СЗ, 1932, № 13).

544. О разрешении ВЦИК установить за не-
законный убой и умышленное изувечение ло-
шадей меры социальной защиты, соответствую-
щие законодательству РСФСР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/III, СЗ, 1932
№ 19).

✓ 545. О сельских общественных судах

(Пост. ЦИКС от 17/IV, СЗ, 1932, № 29).

546. Об изменении Положения о воинских
преступлениях

(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VI, СЗ, 1932,
№ 44).

✓ 547. О революционной законности

(Пост. ЦИКС и СНКС от 25/VI, СЗ, 1932,
№ 50).

548. Об ответственности работников учреж-
дений и управленческого аппарата хозяйствен-
ных органов за нарушение правил общей и
противопожарной охраны служебных зданий и
помещений и правил хранения служебных
документов

(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VII, СЗ, 1932,
№ 53).

549. Об охране имущества государственных
предприятий, колхозов и кооперации и укре-
плении общественной (социалистической) соб-
ственности

(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VIII, СЗ, 1932,
№ 62).

✓ 550. О борьбе со спекуляцией

(Пост. ЦИКС и СНКС от 22/VIII, СЗ, 1932,
№ 65).

551. Об изменении Постановления Прези-
диума ЦИК СССР от 17/IV 1932 г. о сельских
общественных судах

(Пост. ЦИКС от 7/XII, СЗ, 1932, № 82).

✓ 552. Об образовании Главного управления
Рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС СССР от 27/XII, СЗ,
1932, № 84).

✓ 553. Положение о Главном управлении Ра-
боче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/XII, СЗ, 1932,
№ 84).

1933 год

554. Об ответственности за нарушение пра-
вил учета военнообязанных и военнотру-
дящихся

(Пост. ЦИКС и СНКС от 9/I, СЗ, 1933,
№ 4).

555. Об утверждении постановлений, приня-
тых в период между сессиями ЦИК СССР и
подлежащих, на основании ст. 18 Конститу-
ции СССР, утверждению сессии ЦИК СССР

(Пост. 3 сессии ЦИКС 6 созыва от 30/I, СЗ,
1933, № 6).

556. О мероприятиях по усилению борьбы
с хищениями и растратами в государственных
и кооперативных торговых предприятиях

(Пост. СНКС СССР от 16/II, СЗ, 1933, № 13).

557. О дополнении Постановления ЦИК
СНКС СССР от 9/I 1933 г. об ответственности
за нарушение правил учета военнообязанных и
военнотрудящихся

(Пост. ЦИКС и СНКС от 23/II, СЗ, № 14).

558. Об ответственности служащих в госу-
дарственных учреждениях и предприятиях за
вредительские акты

(Пост. ЦИКС от 14/III, СЗ, 1933, № 19).

559. Об утверждении Устава о дисциплине
рабочих и служащих на жел.-дор. транспорте
СССР, с приложением текста Устава

(Пост. ЦИКС и СНКС от 4/VI, СЗ, 1933,
№ 35, разд. III постановления).

✓ 560. Об учреждении Прокуратуры СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 20/VII, СЗ, 1933,
№ 40).

561. О предоставлении льгот участникам
строительства Беломорско-Балтийского канала
имени товарища Сталина

(Пост. ЦИКС от 4/VIII, СЗ, 1933, № 50).

✓ 562. О передаче железнодорожных лини-
ных судов и транспортной прокуратуры же-
лезных дорог из системы НКЮ союзных рес-
публик в систему Верховного Суда СССР и Проку-
ратуры СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/VIII, СЗ, 1933,
№ 55).

563. Об ответственности за представление
неправильных учетных сведений и отчетных
данных, а также за нарушение форм и сро-
ков представления учетно-отчетных материа-
лов

(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/XI, СЗ, 1933,
№ 70).

564. Об ответственности за выпуск недобро-
качественной продукции

(Пост. ЦИКС и СНКС от 8/XII, СЗ, 1933,
№ 73).

1934 год

565. Об утверждении Положения о Прокурату-
ре СССР с приложением текста Положения
(Пост. ЦИКС и СНКС от 17/XII 1933, СЗ
1934, № 1).

566. Об уголовной ответственности за муже-
ложество

(Пост. ЦИКС от 17/XII 1933, СЗ, 1934, № 1).

✓ 567. Об изменении ст. 1 Положения о воин-
ских преступлениях, ст. 8 Положения о воен-
ных трибуналах и военной прокуратуре, ст. ст.
17 и 19 Положения о преступлениях государ-
ственных (контрреволюционных и особо для
СССР опасных преступлениях против порядка
управления)

(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/II, СЗ, 1934,
№ 12).

568. Об изменении ст. 40 Положения о Ра-
боче-крестьянской милиции

(Пост. СНКС от 7/II, СЗ, 1934, № 12).

569. Об уголовной ответственности за муже-
ложество

(Пост. ЦИКС от 7/III, СЗ, 1934, № 15).

570. Об установлении подсудности военных
трибуналам должностных преступлений началь-
ствующего состава гражданского воздушного
флота

- (Пост. ЦИКС и СНКС от 11/IV, СЗ, 1934, № 20).
571. О привлечении к ответственности за безнарядное расходование хлеба
(Пост. СНКС от 4/V, СЗ, 1934, № 27).
572. Об изменении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и отмене Постановления ЦИК и СНК СССР от 5/V 1930 г. об организации наблюдательных комиссий в военно-исправительных частях РККА
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/V, СЗ, 1934, № 29).
573. Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VI, СЗ, 1934, № 33).
574. О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине
(Пост. ЦИКС от 8/VI, СЗ, 1934, № 33).
575. О подсудности военным трибуналам дел об убийствах частных граждан военнослужащими
(Пост. ЦИКС от 7/VII, СЗ, 1934, № 37).
576. Об образовании общесоюзного НКВД
(Пост. ЦИКС от 10/VII, СЗ, 1934, № 36).
577. О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых НКВД СССР и его местными органами
(Пост. ЦИКС от 10/VII, СЗ, 1934, № 36).
578. О мероприятиях по укреплению судебных, следственных органов и органов прокуратуры
(Пост. СНКС от 17/VII, СЗ, 1934, № 37).
579. О борьбе с расхищением денежных фондов на жел.-дор. транспорте
(Пост. СНКС от 11/VII, СЗ, 1934, № 40).
580. О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьей об ответственности за обворовывание потребителя и обман советского государства
(Пост. ЦИКС и СНКС от 25/VII, СЗ, 1934, № 41).
581. Об изменении ст.ст. 2 и 12 Положения о воинских преступлениях
(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/VIII, СЗ, 1934, № 43).
582. О передаче испр.-труд. учреждений народными комиссариатами юстиции союзных республик в ведение НКВД СССР
(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/X, СЗ, 1934, № 56).
583. О внесении изменений в действующие УПК союзных республик
(Пост. ЦИКС и СНКС от 1/XII, СЗ, 1934, № 14).
587. О дополнении Положения о судостроительстве РСФСР ст. 130-а и о дополнении ст. 144 того же Положения
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/I, СУ, 1930, № 3).
588. О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/XII 1929, СУ, 1930, № 4).
589. О дополнении УК РСФСР ст. 99¹
(Пост. ВЦИК и СНК от 13/II, СУ, 1930, № 7).
590. Об изменении ст. 59^а УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/II, СУ, 1930, № 8).
591. О дополнении УК РСФСР ст. 169-а
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/II, СУ, 1930, № 11).
592. Об изменении примечания 3 к ст. 29 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/II, СУ, 1930, № 11).
593. Об изменении ст.ст. 458 и 463 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/II, СУ, 1930, № 11).
594. Об изменении ст. 176 ИТК
(Пост. ВЦИК и СНК от 28/II, СУ, 1930, № 13).
595. Об изменении ст. 60 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/III, СУ, 1930, № 16).
596. Постановление по докладу НКВД РСФСР о состоянии производственной и культурно-воспитательной работы в местах заключения и об организации принудительных работ без содержания под стражей
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1930, № 16).
597. О дополнении и изменении ст.ст. 41, 47, 51, 52, и 54 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IV, СУ, 1930, № 19).
598. Об изменении ст.ст. 7, 46, 47, 67 об исключении ст.ст. 156—164 и 165—173 ИТК РСФСР и дополнении этого кодекса ст. 50¹
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/IV, СУ, 1930, № 24).
599. Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска
(Пост. СНК от 25/V, СУ, 1930, № 25).
600. Об изменении ст.ст. 20, 28, 35 и 56 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/V, СУ, 1930, № 26).
601. Об изменении ст. 193¹ УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/IV, СУ, 1930, № 26).
602. Об изменении ст. 31 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/VI, СУ, 1930, № 30).
603. Постановление по докладу НКВД РСФСР о состоянии и работе Рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска
(Пост. СНК от 9/VII, СУ, 1930, № 31).
604. Об изменении постановления ВЦИК и СНК о товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях
(Пост. ВЦИК и СНК от 14/VII, СУ, 1930, № 34).
605. Об изменении ст.ст. 33 и 183 УК РСФСР

Б. Законодательство РСФСР

1930 год

584. Об изменении ст.ст. 35 и 36 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/I, СУ, 1930, № 3).
585. О дополнении УК РСФСР ст. 79¹
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/I, СУ, 1930, № 3).
586. Об изменении ст. 38 УПК
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/I, СУ, 1930, № 3).

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VIII, СУ, 1930, № 42).

606. Об изменении ст. 36 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 25/IX, СУ, 1930, № 47).

607. О реорганизации местных органов юстиции в связи с ликвидацией округов
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/X, СУ, 1930, № 51).

608. Об установлении типовой структуры аппаратов краевой (областной) прокуратуры и суда

(Пост. ВЦИК от 10/X, СУ, 1930, № 51).

609. О сельских общественных судах

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/X, СУ, 1930, № 51).

610. Об изменении ст. 57 ГПК и ст. 85 УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 30/X, СУ, 1930, № 56).

611. Постановление по докладу Деткомиссии при ВЦИК и НКПроса РСФСР о ходе работы по борьбе с детской беспризорностью

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/XI, СУ, 1930, № 59).

612. Об изменении ст.ст. 28 и 30 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/XI, СУ, 1930, № 61).

613. Об изменении ст.ст. 31 и 40 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/XI, СУ, 1930, № 62).

1931 год

614. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 20/X 1929 по 1/XII 1930 гг. постановлений об изменении и дополнении кодексов

(Пост. 3 сессии ВЦИК 14 созыва от 30/XII 1930, СУ, 1931, № 3).

615. Об изменении ст.ст. 59⁴, 59⁵, 193¹⁰ и о дополнении ст.ст. 69 и 193¹⁰⁰ УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/I, СУ, 1931, № 5).

616. Об изменении ст. 193¹⁵ УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/I, СУ, 1931, № 5).

617. Об изменении постановления СНК РСФСР о мерах борьбы с лжекооперативами
(Пост. СНК от 2/II, СУ, 1931, № 7).

618. Об изменении ст.ст. 36 и 61 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/II, СУ, 1931, № 9).

619. О дополнении УК РСФСР ст. 59^{3в}
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/II, СУ, 1931, № 9).

620. О дополнении УК РСФСР ст. 75³
(Пост. ВЦИК и СНК от 15/II, СУ, 1931, № 9).

621. Об узаконениях, изданных до 1/I 1930 г., утративших силу, но не отмененных особыми постановлениями

(Пост. ВЦИК и СНК от 15/II, СУ, 1931, № 13).

622. О производственно-товарищеских судах на фабриках, заводах, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/II, СУ, 1931, № 14).

623. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 128-а и 128-б

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1931, № 15).

624. О дополнении УК РСФСР ст. 79^е.

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1931, № 15).

625. Об утверждении Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке

(Пост. ВЦИК и СНК от 30/III, СУ, 1931, № 17).

626. Об изменении ст. 36 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/V, СУ, 1931, № 27).

627. Об изменении ст. 82 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/VI, СУ, 1931, № 30).

628. Об ответственности за несоблюдение правил государственной регистрации

(Пост. СНК от 24/VI, СУ, 1931, № 33).

629. Об организации товарищеских судов при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах и о ликвидации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам

(Пост. ВЦИК и СНК от 30/VI, СУ, 1931, № 36).

630. Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних

(Пост. СНК от 11/VII, СУ, 1931, № 38).

631. Об изменении ст. 193¹ УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/VII, СУ, 1931, № 44).

632. Об изменении ст. 70 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/VIII, СУ, 1931, № 51).

633. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 84-а и 84-б и об изменении ст. 177 того же кодекса
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/VIII, СУ, 1931, № 59).

634. О производственно-товарищеских судах на предприятиях и в общих мастерских промысловой кооперации и кооперации инвалидов
(Пост. ВЦИК и СНК от 30/X, СУ, 1931, № 68).

1932 год

635. Об изменении УПК и ГПК РСФСР и Положения о судостроительстве в связи с изданием Положения о Рабоче-крестьянской милиции

(Пост. ВЦИК и СНК от 1/I, СУ, 1932, № 6).

636. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период между сессиями с 1/XI 1930 г. по 10/XII 1931 г. постановлений об изменении и дополнении кодексов

(Пост. 2 сессии ВЦИК 15 созыва от 21/XII 1931, СУ, 1932, № 7, разд. IV и V постановления).

637. Об изменении законодательства РСФСР в связи с введением в действие Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/I, СУ, 1932, № 9).

638. О дополнении ст. 73¹ УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/II, СУ, 1932, № 21).

639. О дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1932, № 32).

640. Об изменении ст. 182 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IV, СУ, 1932, № 35).
641. О дополнении ст. 86¹ УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1932, № 41).
642. Об изменении ст. 440 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1932, № 47).
643. Об изменении п. «б» ст. 193⁷ УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/V, СУ, 1932, № 49).
644. Об утверждении Устава службы в испр.-труд. учреждениях РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IX 1931, СУ, 1932, № 53).
645. Об изменении ст. 193¹ и об исключении ст. 71 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/VII, СУ, 1932, № 59).
646. Об изменении ст. 33 ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/VIII, СУ, 1932, № 65).
647. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 79³ и 79⁴ и изменении пункта «а» ст. 83 КЗоТ
(Пост. ВЦИК и СНК от 29/IV, СУ, 1932, № 68).
648. Об изменении ст. 61 Положения о судостроительстве РСФСР и исключении примечания к этой статье
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/IX, СУ, 1932, № 71).
649. Об амнистии в ознаменование десятилетия существования советской власти на Дальнем Востоке
(Пост. ВЦИК от 1/XI, СУ, 1932, № 84).
650. Об амнистии в ознаменование 10-летия Адыгейской автономной области
(Пост. ВЦИК от 1/XI, СУ, 1932, № 85).
651. Об изменении ст. 107 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XI, СУ, 1932, № 87).
652. Об изменении ст. 25 Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/XII 1932, СУ, 1933, № 2).
653. О преступлениях, за совершение которых лица среднего, старшего и высшего начальствующего состава, лица младшего начальствующего состава и рядового состава сверхсрочной службы и курсанты школ военно-воздушных сил РККА, а также семьи этих лиц лишаются права на государственное обеспечение
(Пост. СНК от 16/I, СУ, 1933, № 5).
654. О внесении изменений в Положение о Главном управлении Рабоче-крестьянской милиции при СНК РСФСР, утвержденное 4/X 1931 г., в связи с образованием Главного управления Рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР
(Пост. СНК от 19/I, СУ, 1933, № 6).
655. О мерах борьбы с детской беспризорностью и ликвидации уличной беспризорности детей
(Пост. СНК от 29/I, СУ, 1933, № 7).
656. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 10/XII 1931 г. по 15/I 1933 г. постановлений об изменении и дополнении кодексов
(Пост. 3 сессии ВЦИК 15 созыва от 20/I, СУ, 1933, № 12).
657. Об изменении ст. 64 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1933, № 20).
658. Об изменении ст. 182 УК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1933, № 20).
659. Об органах юстиции в национальных округах и районах северных окраин РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/III, СУ, 1933, № 20).
660. Об изменении примечания к ст. 40 УК РСФСР и ст. 271 ГПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 11/IV, СУ, 1933, № 23).
661. Об организации Московского городского суда и Московской городской прокуратуры
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1933, № 23).
662. Об изменении ст.ст. 346 и 370 УПК РСФСР и об отмене раздела 1 главы 26 того же кодекса
(Пост. ВЦИК и СНК от 4/V, СУ, 1933, № 31).
663. Об изменении ст. 7 Постановления ВЦИК и СНК от 20/XI 1930 г. по докладу Деткомиссии при ВЦИК и НКПроса РСФСР о ходе работы по борьбе с детской беспризорностью
(Пост. ВЦИК и СНК от 4/V, СУ, 1933, № 31).
664. Об изменении ст.ст. 27 и 28 Устава службы в испр.-труд. учреждениях РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1933, № 31).
665. Об изменении ст.ст. 204 и 326 УПК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/VI, СУ, 1933, № 37).
666. О расширении права обжалования приговоров народного суда
(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VI, СУ, 1933, № 42).
667. Об утверждении Положения о дисциплинарной ответственности работников юстиции
(Пост. ВЦИК и СНК от 10/VIII, СУ, 1933, № 46).
668. Об утверждении Положения об органах юстиции Дальневосточного края
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/IX, СУ, 1933, № 48).
669. Об утверждении ИТК РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/VIII, СУ, 1933, № 48).
670. О сроках производства удержаний из зарплаты отбывающих испр.-труд. работы и перечисления этих удержаний
(Пост. СНК от 7/X, СУ, 1933, № 53).
671. Об утверждении Положения о кочевых общественных судах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР
(Пост. ВЦИК и СНК от 16/X, СУ, 1933, № 54).
672. Об амнистии в ознаменование 15-летия со дня выделения немцев Поволжья в автономную административно-территориальную единицу
(Пост. ВЦИК от 10/X, СУ, 1933, № 54).

673. Об изменении законодательства РСФСР в связи с утверждением Положения о кочевых общественных судах
(Пост. СНК от 20/XI, СУ, 1933, № 58).

1934 год

674. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 15/I по 15/XII постановлений об утверждении ИТК и об изменении и дополнении кодексов

(Пост. 4 сессии ВЦИК XV созыва от 25/XII 1933, СУ, 1934, № 2).

675. Об изменении ст. 128-а УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 13/II, СУ, 1934, № 9).

676. Об изменении ст. 9 ИТК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/III, СУ, 1934, № 11).

677. Об амнистии в ознаменование 15-летия со дня образования Башкирской АССР

(Пост. ВЦИК от 15/III, СУ, 1934, № 12).

678. О дополнении УК РСФСР ст. 154-а

(Пост. ВЦИК и СНК от 1/IV, СУ, 1934, № 15).

679. Об изменении ст.ст. 593^a, 595 и 193¹ УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/IV, СУ, 1934, № 17).

680. О дополнении УК РСФСР ст. 192-а

(Пост. ВЦИК и СНК от 1/VII, СУ, 1934, № 27).

681. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 581^a, 581^b, 581^c

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VII, СУ, 1934, № 30).

682. Об изменении ст. 28 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 5/VII, СУ, 1934, № 30).

683. Об органах юстиции в областях, входящих в состав краевых объединений

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VII, СУ, 1934, № 30).

684. Об амнистии в ознаменование десятилетия со дня образования Северо-Осетинской автономной области

(Пост. ВЦИК от 5/VII, СУ, 1934, № 32).

685. О дополнении ст. 136 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 1/IX, СУ, 1934, № 34).

686. О дополнении УК РСФСР ст. 128-в

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IX, СУ, 1934, № 35).

687. О мерах укрепления советов, органов суда и прокуратуры в кочевых районах Севера

(Пост. ВЦИК от 10/IX, СУ, 1934, № 35).

✓ 688. О водных транспортных судах и водной транспортной прокуратуре РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/X, СУ, 1934, № 36).

689. Об изменении ст.ст. 193² и 193¹² УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/X, СУ, 1934, № 39).

✓ 690. Об изменении ст. 46 ИТК РСФСР.

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XI, СУ, 1934, № 40).

✓ 691. О передаче испр.-труд. учреждений НКЮ РСФСР в ведение НКВД СССР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XI, СУ, 1934, № 40).

692. О порядке устройства детей лиц, находящихся под стражей или отбывающих испр.-труд. работы

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XI, СУ, 1934, № 40).

693. О дополнении УК РСФСР ст. 179-а
(Пост. ВЦИК и СНК от 1/XII, СУ, 1934, № 42).

694. О дополнении ст. 40 УК РСФСР примечанием вторым

(Пост. ВЦИК и СНК от 1/XII, СУ, 1934, № 43).

VI период — Период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведение новой Конституции (1935—1937 гг.)

А. Законодательство СССР

1935 год

✓ 695. Об особом совещании при НКВД СССР
(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/XI 1934, СЗ, 1935, № 11).

✓ 696. О мерах борьбы с хулиганством
(Пост. ЦИКС и СНКС от 29/III, СЗ, 1935, № 18).

697. О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних

(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/IV, СЗ, 1935, № 19).

698. О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьей, карающей переплавку государственной разменной монеты и использование этой монеты для производственных целей

(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/IV, СЗ, 1935, № 19).

✓ 699. О предоставлении органам Главного управления пожарной охраны НКВД СССР права производства расследования по делам о пожарах и нарушениях противопожарных правил

(Пост. ЦИКС и СНКС от 17/V, СЗ, 1935, № 28).

700. Об уголовной ответственности за незаконный выпуск ценных бумаг и денежных суррогатов

(Пост. ЦИКС и СНКС от 31/V, СЗ, 1935, № 30).

701. О дополнении ст. 19 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик

(Пост. ЦИКС и СНКС от 28/V, СЗ, 1935, № 30).

702. О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности

(Пост. СНКС и ЦК ВКП(б) от 31/V, СЗ, 1935, № 32).

703. Об ответственности за нарушение производственно-технической дисциплины и условий работы во взрывоопасных производствах

(Пост. ЦИКС и СНКС от 17/VII, СЗ, 1935, № 38).

704. О снятии судимости с колхозников

(Пост. ЦИКС и СНКС от 29/VII, СЗ, 1935, № 40).

✓ 705. О дополнении уголовных и гражданских кодексов союзных республик

(Пост. ЦИКС и СНКС от 29/VII, СЗ, 1935, № 41).

706. Об освобождении от дальнейшего отбывания наказания, снятии судимости и всех правоограничений, связанных с осуждением ряда должностных лиц, осужденных в свое

время в связи с саботажем хлебозаготовок и выпуском трудовых займов, бон и прочих денежных суррогатов

(Пост. ЦИКС от 11/VIII, СЗ, 1935, № 44).

707. Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений и иных предметов и за торговлю ими

(Пост. ЦИКС и СНКС от 14/X, СЗ, 1935, № 56).

1936 год

708. Об амнистии Рамзина Л. К. и др. лиц

(Пост. ЦИКС от 4/II, СЗ, 1936, № 11).

709. О передаче всех водных транспортных судов и всей водной транспортной прокуратуры в непосредственное подчинение Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 7/IV, СЗ, 1936, № 18).

710. Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими

(СЗ, 1936, № 21).

711. Соглашение относительно пресечения обращения порнографических изданий

(от 4/V, 1910, СЗ, 1936, № 21).

712. О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах

(Пост. ЦИКС и СНКС от 27/VI, СЗ, 1936, № 34).

713. Об образовании НКЮ СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 20/VII, СЗ, 1936, № 40).

714. О дополнении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик

(Пост. ЦИКС и СНКС от 8/VIII, СЗ, 1936, № 44).

715. Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им зарплаты по мотивам беременности

(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/X, СУ, 1936, № 51).

716. О наказании за выезд за границу или въезд в СССР без установленного паспорта или разрешения

(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/X, СУ, 1936, № 52).

717. О порядке выдачи пособий многодетным матерям

(Пост. ЦИКС и СНКС от 14/XI, СЗ, 1936, № 59).

718. О структуре Прокуратуры СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 5/XI, СЗ, 1936, № 59).

719. Положение о НКЮ СССР

(Пост. ЦИКС и СНКС от 8/XII, СЗ, 1936, № 62).

720. Об изменении ст. 1 Постановления ЦИКС и СНКС от 7/VI 1934 г. «Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры»

(Пост. ЦИКС и СНКС от 8/XII, СЗ, 1936, № 62).

721. Об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями ЦИК СССР и подлежащих утверждению 3 сессии ЦИК СССР 7 созыва

(Пост. 3 сессии ЦИКС от 13/I, СЗ, 1937, № 7).

722. О применении пост. ЦИК и СНК СССР от 5/X 1936 г. «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности»

(Пост. ЦИКС и СНКС от 9/IV, СЗ, 1937, № 25).

723. Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан

(Пост. ЦИКС и СНКС от 11/IV, СЗ, 1937, № 30).

724. О запрещении расходовать государственные средства на содержание автомашин, принадлежащих отдельным гражданам

(Пост. СНКС от 11/V, СЗ, 1937, № 31).

Б. Законодательство РСФСР

1935 год

725. Об изменении ст. 193¹ УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/I, СУ, 1935, № 2)

726. О дополнении УПК РСФСР главой 33

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XII 1934, СУ, 1935, № 2).

727. Об изменении ст. 74 и дополнении ст. 182 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V, СУ, 1935, № 14).

728. О дополнении УК РСФСР ст. 106-а

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/VI, СУ, 1935, № 17).

729. О дополнении УК РСФСР ст. 128-г

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VI, СУ, 1935, № 17).

730. Об амнистии в ознаменование 15-летия Татарской АССР

(Пост. ВЦИК от 10/VI, СУ, 1935, № 17).

731. Об амнистии в ознаменование 15-летия Дагестанской АССР

(Пост. ВЦИК от 10/VI, СУ, 1935, № 18).

732. Об амнистии в ознаменование 15-летия Карельской АССР

(Пост. ВЦИК от 20/VI, СУ, 1935, № 18).

733. Об изменении ст. 97 УПК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VII, СУ, 1935, № 20).

734. О дополнении ст. 30 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VI, СУ, 1935, № 20).

735. О местностях РСФСР, в которых применяется примечание к ст. 182 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IX, СУ, 1935, № 20).

736. О дополнении УК РСФСР ст. 108¹

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/X, СУ, 1935, № 21).

737. О дополнении УК РСФСР ст. 182¹
(Пост. ВЦИК и СНК от 25/XI, СУ, 1935, № 22).

738. Об амнистии в ознаменование 15-летия
Калмыцкой автономной области и о преобразовании ее в АССР

(Пост. ВЦИК от 28/X, СУ, 1935, № 22).

1936 год

739. Об изменении действующего законодательства РСФСР и мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью

(Пост. ВЦИК и СНК от 25/XI 1935, СУ, 1936, № 1).

740. О дополнении УК РСФСР ст.ст. 55^{3с} и 75⁴ и об изменении ст. 193¹ того же кодекса

(Пост. ВЦИК и СНК от 1/XII, 1935 г., СУ 1936, № 1).

741. Об амнистии в ознаменование 15-летия
Удмуртии

(Пост. ВЦИК от 31/XII, 1935, СУ, 1936, № 3).

742. О сельских исполнителях

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/III, СУ, 1936, № 7).

743. Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 15/XII 1933 г. по 1/I 1936 г. постановлений об изменении и дополнении кодексов

(Пост. 2 сессии ВЦИК XVI созыва от 9/II, СУ, 1936, № 10).

744. О судебных органах и округах

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/IV, СУ, 1936, № 11).

745. Об изменении ст. 179 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 1/VI, СУ, 1936, № 13).

746. О дополнении УПК РСФСР ст.ст. 28 и 28-а и отмене пост. ВЦИК и СНК РСФСР о водных транспортных судах и водной транспортной прокуратуре

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/V, СУ, 1936, № 13).

747. Об амнистии в ознаменование 15-летия
Марийской автономной области

(Пост. ВЦИК от 1/VI, СУ, 1936, № 16).

748. О введении в состав пленумов областных судов автономных областей запасных членов областного суда

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/VII, СУ, 1936, № 17).

749. Об амнистии в ознаменование 15-летия
автономной области Коми (зырян)

(Пост. ВЦИК от 1/IX, СУ, 1936, № 19).

750. О дополнении ст. 20 УК РСФСР и ст.ст. 28 и 79 ИТК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/IX, СУ, 1936, № 20).

751. Об амнистии в ознаменование 15-летия
Кабардино-Балкарской автономной области

(Пост. ВЦИК и СНК от 11/XI, СУ, 1936, № 21).

752. Об изменении ст. 85 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 20/X, СУ, 1936, № 22).

753. Об изменении ст. 84 УК РСФСР

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/XI, СУ, 1936, № 22).

1937 год

754. О подсудности дел о преступлениях, совершенных на водном транспорте в Якутской АССР и в Печерском округе АССР Коми

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/III, СУ, 1937, № 3).

755. Об изменении действующего законодательства РСФСР в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27/VI 1936 г.

(Пост. ВЦИК и СНК от 10/V 1937, № 6, п. 4 постановления).

Принцип гласности в уголовном процессе

1

Живая летопись побед и успехов социализма—Сталинская Конституция является в полном смысле слова конституцией социалистического общества.

В беседе с Рой Говардом товарищ Сталин сказал: «Наше советское общество является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной. Та общественная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне достроенной, но в корне своем социалистической организацией общества. Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т. е. всенародная, а также кооперативно-колхозная собственность».

И дальше в той же беседе товарищ Сталин сказал: «Да, Вы правы, мы еще не построили коммунистического общества. Построить такое общество не так-то легко. Разница между обществом социалистическим и коммунистическим Вам наверно известна. В социалистическом обществе еще имеется некоторое имущественное неравенство. Но в социалистическом обществе уже нет безработицы, уже нет эксплуатации, уже нет угнетения национальностей. В социалистическом обществе каждый обязан трудиться, хотя и получает за свой труд еще не согласно своим потребностям а согласно количеству и качеству вложенного труда. Поэтому еще существует заработная плата, притом неравная, дифференцированная. Только тогда, когда удастся создать такой порядок, при котором люди получают от общества за свой труд не по количеству и качеству труда, а согласно их потребностям можно будет сказать, что мы построили коммунистическое общество».

Таким образом, наше общество является социалистическим обществом.

Советский суд, советский процесс, советское право являются судом, процессом и правом социалистического общества.

«Наше право является социалистическим по своим задачам, задачам охраны интересов социалистического государства, интересов социалистического хозяйства, интересов общественной, социалистической собственности. Социалистическое право является грозной, могучей, организующей силой, громадным фактором не только регулирования, но и организации общественных отношений».

Советскому суду, советской прокуратуре, советскому процессу Сталинская Конституция уделяет огромное место и посвящает специальную главу IX, состоящую из 16 статей (из 146 статей, именно ст.ст. 102—117).

А. Я. Вышинский, Государственное устройство СССР, Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937 г., стр. 40.

В числе принципов процесса социалистического общества провозглашается в качестве конституционного принцип гласности (публичности) при разборе дел.

Ст. 111 Конституции гласит: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту». Отличительной чертой права, суда и процесса социалистического общества является их до конца идущий демократизм. Новая Конституция представляет собою новый шаг вперед по пути осуществления принципов пролетарской демократии вообще, судебной демократии в частности.

Что же такое пролетарская демократия вообще и судебная демократия в частности? Чем отличается пролетарская демократия от буржуазной?

Какая связь существует между принципом гласности в процессе и судебной демократией?

Товарищ Сталин в своем докладе о проекте Конституции сказал: «Говорят о демократии. Но что такое демократия? Демократия в капиталистических странах, где имеются антагонистические классы, есть в последнем счете демократия для сильных, демократия для имущего меньшинства. Демократия в СССР, наоборот, есть демократия для трудящихся, т. е. демократия для всех». И дальше: «...Конституция СССР является единственной в мире до конца демократической конституцией». И в другом месте: «...Особенность проекта новой Конституции составляет его последовательный и до конца выдержанный демократизм».

Таким образом, буржуазная демократия — это демократия для сильных, для имущего меньшинства, и только пролетарская демократия является демократией для всех.

Буржуазная демократия — демократия узкая, убогая, односторонняя. Являясь, как подчеркивал В. И. Ленин, огромным прогрессивным шагом по сравнению со средневековьем, буржуазная демократия однако разбивается той совокупностью привилегий, которые имущим дает власть капитала, дает частная собственность. Неимущий лишен возможности осуществить принадлежащие ему права, обращаясь в «голое право» по терминологии римских юристов. Равенство вырождается в формальное равенство перед законом, маскирующее фактическое неравенство. Так, например, свобода договоров обращается в хищническое навязывание эксплуататором своих условий эксплуатируемому, так, например, принцип состязательности буржуазного суда обращается в поединок, в котором у неимущего выбито из рук оружие. Как вынужден признать один буржуазный ученый, плоды с дерева буржуазной свободы и демократии, выросшего на развалинах низвергнутого абсолютизма, зацвели только для тех, кто владеет собственностью, и только в меру этого владения.

За спиной буржуазной конституции и демократии виден «оскал мертвенного лица ка-

питалистической частной собственности, которая, как спрут, обвивает своими щупальцами все живое, обволакивает, калечит и душит»¹.

Тем не менее, как указывал В. И. Ленин, для пролетариата совсем не безразлична форма, в которую облачается диктатура буржуазии в определенных исторических условиях, так как даже буржуазная демократия «имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение».

Такова буржуазная демократия. Наоборот, пролетарская демократия — это демократия для трудящихся, т. е. в условиях социалистического общества для всех, это — последовательный и до конца выдержанный демократизм. Вместе с тем победа пролетарского демократизма является одновременно победой пролетарской диктатуры, потому что пролетарская диктатура является высшей формой пролетарской демократии.

«Диктатура пролетариата неизбежно должна принести с собою не только изменение форм и учреждений демократий, говоря вообще, но именно такое их изменение, которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов» (В. И. Ленин).

Новая Конституция знаменует собою торжество до конца развернутого демократизма и вместе с тем «расширение базы диктатуры рабочего класса, превращение диктатуры в более гибкую, стало быть, — более мощную систему государственного руководства обществом»².

Из пролетарского общего демократизма вытекает демократизм судебный. Сталинская Конституция является основным законом самого демократического государства в мире; вместе с тем Сталинская Конституция строит самый демократический суд и процесс в этом самом демократическом государстве.

Гласность (публичность), как мы увидим, является неотъемлемым звеном в системе судебного-демократических принципов построения процесса — и не случайно Конституция говорит о гласности в неотрывной связи с обеспечением обвиняемому права на защиту, т. е. с последовательно проведенным принципом пролетарской состязательности.

Пролетарский судебный демократизм — это судебный демократизм для всех, это обеспечение каждому трудящемуся возможности использовать всю полноту своих демократических судебных прав.

Буржуазный судебный демократизм — это демократизм для сильных, для имущего меньшинства. Процессуальные гарантии вступают в конфликт с судебной техникой, т. е. с возможностью реально использовать предоставленные законом права. Больше того, процессуальные гарантии могут обратиться против того, кто из-за отсутствия средств, из-за своей процессуальной слабости не может ими воспользоваться. Буржуазная состязательность не-

сит черты отошедших в историю «судебных поединков» и при неравенстве оружия обеспечивает победу только более сильному. Еще А. Франс высмеивал идею формального равенства, когда он писал: «Смешно, как это делает наш закон, с одинаковой неумолимостью требовать от богатых и от бедных, чтобы они не стояли на перекрестках с протянутой рукой для подаяния и не воровали хлеба для утоления голода».

К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли истинный лик буржуазной судебной демократии в самой передовой капиталистической стране с наилучшей для буржуазных стран организацией суда — в Англии.

Эта демократия обернулась как равенство неравных, как тактическая привилегия для одних и фактическое бесправие для других, и это в стране, которую буржуазные юристы называли «классической страной гражданской свободы».

Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса» писал: «Все законодательство имеет своею целью защиту имущих от неимущих. Законы нужны только потому, что существуют неимущие. Это ясно выражено хотя бы только в некоторых законах, как, например, в законах против бродяг... Неприязнь к пролетариату лежит вообще в основе закона и судьи, в особенности мировые судьи, с которыми пролетариату чаще всего приходится иметь дело, легко находят этот смысл закона... Подобным же образом действует и полиция... полиция с буржуа обращается вежливо, не выходя из пределов закона; для пролетариата не существует охранительной формы закона, полиция без всяких околичностей врывается в его дом, арестует его, бьет его... На практике принимается во внимание при обращении с бедняком дух закона, а не его буква»³.

Однако этого мало: английские законы требуют для своего толкования касты дорого оплачиваемых юристов, без помощи которых нельзя воспользоваться даже благоприятным законом и тем более нельзя охранить свои процессуальные права.

Ф. Энгельс в своей «Английской конституции» пишет про английский суд и английское право: «Адвокат здесь все; кто очень основательно потратил свое время на эту юридическую путаницу, на этот хаос противоречий, тот всемогущ в английском суде».

При отношении судей к неимущим в этом же произведении Ф. Энгельс пишет: «Третирование бедняков и покровительство богачам представляет такое всеобщее явление, практикуется так открыто, так бесстыдно, описывается в газетах так цинично, что редко можно читать газету без внутреннего возмущения... Мировые судьи, как и присяжные заседатели (разряда наша — А. Б.), сами богаты, сами рекрутируются из среднего класса и поэтому пристрастны к себе подобным и прирожденные враги бедным (разряда наша — А. Б.). А если принять еще во внимание социальное влияние собственности, ...то никто, право, не станет удивляться такому варварскому положению вещей».

¹ А. Я. Вышинский, Новая Конституция СССР и органы юстиции, «Проблемы уголовной политики», кн. III.

² Сталин, Доклад о проекте Конституции СССР, стр. 29.

³ Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, стр. 222, 228.

Высокий имущественный ценз для присяжных заседателей обуславливает то, что в число последних могут попасть только представители имущего меньшинства. Один из буржуазных юристов в припадке откровенности назвал английский суд присяжных — судом лавочников».

Однако над этими лавочниками стоит реакционный государственный чиновник, судья-председатель, не подверженный колебаниям, которые в те или другие переломные моменты могут охватить мелкобуржуазную часть скамьи присяжных, судья, облеченный огромной властью и влиянием — и этот судья-председатель, по меткому выражению Ф. Энгельса, в нужный момент «подсовывает» присяжным заседателям тот вердикт, который максимально отвечает «видам правительства».

Тем не менее, наиболее серьезные политические дела слушаются в особых составах суда. Так, например, нашумевшее дело Кезмента о государственной измене разбирал в 1916 году суд королевской скамьи, состоящий из трех судей и специального жюри).

Мы не можем остановиться на анализе характера и пределов действия хваленого «Габеас корпус акта» (Habeas Corpus Act) и на условиях и случаях его приостановления. Отметим только, что совсем недавно — в 1926 году — «Габеас корпус акт» был ограничен в своем действии путем парламентского постановления в связи со знаменитой английской забастовкой углекопов.

«Свобода слова», «свобода печати» (так тесно связанные с принципом гласности) являются в Англии, по выражению известного буржуазного юриста Дэйси, не более, как правом говорить (и печатать) только то, что «как-нибудь двенадцать лавочников сочтут удобным»¹.

Имущие судятся судом равных, «бедные» — говорит Ф. Энгельс, — «не судятся себе равными, но во всех случаях своими прирожденными врагами».

Приведенные выдержки дают яркую характеристику того, насколько ограничен, условен, односторонен был судебный демократизм даже в одной из передовых капиталистических стран — и притом в период расцвета капитализма.

Тем не менее, буржуазный судебный демократизм был прогрессивным началом не только по сравнению с антидемократизмом старого инквизиционного процесса, но также по сравнению с той судебной и процессуальной системой, которую создали фашистские ракобесы, перейдя к методам открытого террора и прямого подавления в отношении трудящихся.

Наиболее полным, наиболее последовательным и всесторонним является пролетарский судебный демократизм, охраняющий права и интересы трудящихся, т. е. всех.

¹ Ср. А. Я. Вышинский, Сталинская Конституция и задачи органов юстиции. Журнал «Социалистическая законность» за 1936 г., № 8. В. Ф. Дерюжинский, Из истории политической свободы в Англии и Франции. Статьи: «Свобода печати и суд присяжных в Англии», «Печать во Франции при Наполеоне I». Петербург, 1906 г.

Начало гласности нужно изучать в неотрывной связи со всей системой процессуально-демократических принципов.

Начало гласности и исторически и логически является неотъемлемой составной частью судебного демократизма. Историческая связь видна из того, что именно демократические эпохи осуществляют начало гласности в суде; наоборот, в эпохи антидемократические суд, пользуясь старинным выражением, уходит с «торга» в «судебницу», отгораживается от публики, от массы, от общества.

Не менее ясна и логическая связь; гласность и демократия неотделимы друг от друга, и их связь тем теснее, чем шире становится социальная база той или другой исторической формы демократии.

Наоборот, феодализм и абсолютизм нуждались в тайне как в неизбежной принадлежности государственного и судебного управления. «Чудо, тайна, авторитет» — вот символ веры великого инквизитора в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

Исторически началу публичности, гласности с наибольшей яркостью в инквизиционном процессе противостоит начало негласности, тайны, тайны канцелярской, «кабинетная юстиция».

Принцип гласности нужно прежде всего изучить в его историческом разрезе. Нужно показать значение антипода гласности — тайны в феодальных судах, в инквизиционном процессе.

Только на этом историческом фоне можно понять роль и значение гласности в последующие эпохи, наказы депутатам Генеральных штатов, прения в законодательных собраниях великой буржуазной французской революции.

Ненавистью буржуазии к пыточным застенкам феодальных судов с их тайной вызвана знаменитая фраза Мирабо, сказанная им в законодательном собрании: «Дайте мне какого хотите судью — пристрастного, корыстолюбивого, даже моего врага, — но пусть он меня судит публично».

Мирабо, правда, не испытывал на себе всего ужаса негласного, тайного производства инквизиционных судилищ. Он испытал, однако, нечто не менее отвратительное: произвол королевских тайных приказов, знаменитых *lettres de cachet*.

В силу этого тайного приказа Мирабо был свергнут в узилище и провел в различных «государственных тюрьмах» немалый срок — с 7 июня 1777 года по 17 декабря 1780 г. Самой ненавистной из этих тюрем, как известно, была знаменитая Бастилия. Недаром взятие Бастилии явилось началом революции. Ничтожный, подписанный королем, клочок бумаги на долгие годы, а иногда на всю жизнь определял судьбу человека, фамилия которого оканчивалась вписанной в этот приказ на имя тюремщика. В глубокой тайне творилась эта юстиция в ковычках, «удержанная за собою королем» согласно техническому выражению того времени.

Тайной было вписание фамилии злополучной жертвы в трафаретный текст приказа, тайной было и «обвинение», вернее, событие, послужившее поводом для этого вписания.

Как сообщает Мирабо, кардинал Флери, приближенный и министр Людовика XV, хватал тем, что он изготовил 40 000 тайных королевских приказов об аресте.

Из всех недостатков дореформенного суда Мирабо выделяет, как его основной, — тайну производства. Принципу гласности он придает первенствующее значение.

Захватив власть и начав обороняться от натиска эксплуатируемых классов, буржуазия подвергла принцип гласности целому ряду серьезных ограничений, хотя формально придала ему конституционный характер.

Больше того, клонясь к своему закату, в период обострившейся и продолжающей обостряться классовой борьбы, уже в эпоху империализма буржуазия устами первых идеологов надвигающейся реакции в области уголовного права и процесса (Ломброзо, Ферри, Гарофало) стала на точку зрения яростного отрицания принципа гласности.

Принцип гласности отрицался не только на предварительном, но и на судебном следствии.

Пресловутый барон Гарофало, прославившийся впоследствии своими клеветническими выпадами против коммунизма на Брюссельском конгрессе «Международной ассоциации уголовного права», представитель антрополого-социологической школы, говорил о предварительном следствии, что лишь путем строгой тайны может быть обеспечена достоверность следствия, что показать обвиняемому или его защитнику тонкую нить, руководящую следственным судьей в процессе, основанном на косвенных уликах, все равно что порвать эту нить; даже в менее запутанных случаях небезопасно, по его мнению, дозволять обвиняемому узнавать с самого начала имена свидетелей, указанных потерпевшим.

Про гласность в суде тот же Гарофало еще на заре своей деятельности восклицал: «Не надо более гласного производства, не надо комедий и фарсов, доставляемых даровым театром, в котором даются судебные представления».

Гласность является свойством, изначала присущим советскому суду как суду трудящихся, подлинно и единственно народному суду, органу привлечения трудящихся к государственному управлению. «Суд, — писал Ленин, — есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления)...» И в другом месте: «Суд есть орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства, суд есть орудие воспитания к дисциплине». Для советского суда негласность может носить только вынужденный характер. У советского суда не может быть тайн от трудящихся, а только от нетрудящихся, в интересах трудящихся и государства трудящихся.

Сталинская Конституция провозглашает принцип гласности не только как конституционный, но и как абсолютный, отсылая за ограничениями к текущему законодательству, тем самым подчеркивая вынужденный, временный постепенно исчезающий характер этих ограничений.

Анализ значения особой, исключительно важной роли гласности в советском суде, ана-

лиз того нового в построении суда и процесса, что принесла с собой Сталинская Конституция, создавшая до конца доведенный судебный демократизм, будет не полным, если не предпослать краткого экскурса в область истории принципа гласности, если не остановиться на инквизиционном процессе с его бумажностью и канцелярской тайной, если не сказать несколько слов о царском суде и о буржуазном суде.

3

В. Случевский в своем «Учебнике русского уголовного процесса» (С. Петербург, изд. 1910 г.) дает такое определение гласности: «В теории под понятием гласности разумеют обыкновенно двоякого рода гласность: гласность перед сторонами (Parteienöffentlichkeit) и гласность перед обществом. Первая находит место тогда, когда процессуальные действия на суде развиваются перед сторонами; вторая — когда двери залы заседания открыты для всех и когда органы печати могут свободно во всеобщее сведение распространять обо всем, происходящем перед судом и его органами».

Оригинальное и характерное определение принципа гласности дает И. Я. Фойницкий в своем «Курсе уголовного производства»: «Право посторонних суду лиц (разрядка наша.—А. Б.) присутствовать при производстве дела сообщает процессу качество гласности, при отсутствии такого права он становится негласным, тайным».

Таким образом, И. Я. Фойницкий рассматривает публику, широкие слои общества как посторонних суду лиц, что типично для реакционного царского профессора и для царского суда. Это придает публичности характер вынужденный, навязанный, ибо посторонние суду лица могут только мешать ему в его деятельности. Типично также противопоставление суда и публики: царский суд был чужд населению, его широким кругам, ненавистен трудящимся — для него публика была «посторонней» и в еще большей степени этот суд был «посторонним» публике.

Таким образом различают общую гласность (публичность) и гласность перед сторонами.

Двум видам гласности отвечали в инквизиционном процессе два вида тайны: 1) тайна от общества, тайна от всякого, не причастного к аппарату суда, разбирающего данное конкретное дело и 2) тайна от подсудимого (и его защитника, когда защита появилась уже в гораздо более позднее время с ограниченными полномочиями при сохранении принципа: «обстоятельства дела знает обвиняемый, а не адвокат»).

Общая гласность бывает непосредственной и посредственной, полной и ограниченной (по лицам или по объему процессуальных действий).

Давая определение общей гласности, И. Я. Фойницкий (в противоположность В. Случевскому) забывает указать на право свободно печатать обо всем, что происходит перед судом и его органами.

Ни буржуазный, ни тем более царский суд никогда не знали ни непосредственной глас-

ности (т. е. права каждого присутствовать на суде), ни полной гласности. Не существовало и нестесненного права печатать отчеты о судебных делах.

Буржуазный суд знает только избирательную гласность (когда она допущена); он держит вдали от суда широкие слои трудящихся и эти слои не попадают в суд в качестве его аудитории. Точно также буржуазная пресса обманывает трудящихся относительно истинного характера буржуазной «юстиции». Рабочая же пресса всегда находится под дамокловым мечом всевозможных преследований.

Гласности противостоит тайна, канцелярская тайна.

Инквизиционный процесс феодального общества и затем абсолютной монархии был образцом «кабинетной юстиции», образцом тайного, негласного, письменного, бумажного, канцелярского производства.

Реформированный континентальный процесс, вышедший из буржуазной французской революции, почти совершенно негласный в стадии предварительного следствия, допускает серьезные ограничения даже при разборе дела в суде.

Георг Зиммель, буржуазный социолог и психолог, в своем обширном исследовании по социальной психологии, совершенно неточно озаглавленном: «Социология», посвящает особую главу проблеме тайны («Тайна и тайное общество»).

Как ни узок «социологический» горизонт буржуазного ученого, самая постановка вопроса о роли тайны в государственной и общественной жизни должна быть поставлена Георгу Зиммелю в заслугу.

В этой главе между прочим Зиммель пишет (интересно отметить, что в этой же главе он касается проблемы письменности и устности): «К реквизитам аристократического правления всегда принадлежала тайна. Это правление использует прежде всего тот психологический факт, что неизвестное как таковое кажется ужасающим, могущественным и угрожающим. Вместе с тем тайна имеет еще одно назначение: скрыть численную ничтожность правящего класса. В Спарте количество воинов по возможности скрывалось, и той же цели пытались достигнуть в Венеции, предписывая знати носить простую черную одежду: бросающаяся в глаза пышная одежда не должна была делать для народа очевидным незначительное количество власти имущих. В той же Венеции тайна приобретала еще большее значение, когда речь шла об узком круге высших правителей: имен трех государственных инквизиторов не знал никто, кроме совета десяти, который их выбирал... В противоположность этому в число демократических принципов входит гласность и в силу этого тенденция к общим и основным законам. Демократия ставит ставку на неограниченное количество людей, ее учреждения по самому существу своему должны быть проникнуты гласностью. Наоборот, аристократия опирается на исключительные законы, и пользование тайной связано с кастовой замкнутостью».

Отрывок этот интересен, несмотря на то, что Зиммель говорит о «демократии вообще»

и об «аристократии вообще», между тем как существуют конкретные демократии, различающиеся своей социальной базой (демократии рабовладельческого общества, буржуазная демократия, пролетарская демократия).

Феодально-абсолютистско-теократический режим, построенный на правительственном и церковном терроре, на насилии и принуждении, боялся народных масс, боялся гласности, создавал тайные советы, камарильи, «звездные палаты», окружал свои действия покровом непонижаемой тайны.

Правительство как бы уходило в подполье, вело себя напоподобие заговорщиков. У некоторых деятелей того времени тайна принимала фантастические размеры.

Ярким примером может служить мрачный изувер и бюрократ Филипп II испанский, духовный отец нынешних фашистских мракобесов-интервентов, который отгородился непроницаемой стеной тайны и молчания даже от своих приближенных. Он никому или почти никому не показывался, он заперся в Эскуриале, он избегал встреч и аудиенций, он дело управления государством обратил в грандиозное бумажно-бюрократическое действие.

Посвятив несколько энергичных страниц испанской инквизиции («но самой ужасной язвой средневековой Испании, раковой опухолью, которая подрывала ее силы и ее пожирала. была инквизиция»... «инквизиция экспортировала Христа в Мексику, но оттуда взамен привезла кроважного мексиканского божка Вици-Пуцли»), один выдающийся буржуазный историк (Поль Сен-Виктор) пишет: «Филипп II создал испанский двор по образу и подобию своему: суровый, как монастырь, опасный, как гарем... Эскуриал, построенный в мрачном месте, по плану орудия пытки, являлся скорее склепом, чем дворцом... Филипп стал монахом в этом политическом монастыре... Тут он проводит дни и ночи, читая, царапая и марая свитки, наводя справки, аннотируя письма и депеши, которые к нему стекаются тысячами из четырех концов света. Переступая порог Эскуриала, он как бы дал обет молчания. Его политика насквозь письменная, насквозь бумажная; он не разговаривает даже со своим секретарем, который сидит в конце его стола: малейшие приказания он отдает при помощи записок... «Во всем общем молчании писем, — говорит один историк V века, — я слышу только шелест моего пера, скрипящего по пергаменту». Точно так же в молчании Испании, уstraшенной и уничтоженной, не слышно ничего, кроме пера Филиппа II, кричащего на бумаге».

Приведенный отрывок показывает также неразрывную связь тайны и бумажного производства.

Тайна и бумажность производства наиболее ярко сказались в инквизиционном процессе, в котором бумага окончательно заслонила человека.

Тайна — неизбежный спутник бюрократически-бумажной инквизиционной системы уголовного процесса. Кровавая «юстиция» церкви, феодализма, эпохи первоначального накопления, полицейско-бюрократический характер абсолютизма требовали тайны как метода государственного и судебного управления.

Канцелярская тайна составляла самую сущность инквизиционного процесса (Ансельм Фейербах¹ писал: «На инквизиционном процессе лежала густая вуаль мрачной, вызывающей недоверие тайны»), в котором, по выражению Ваха, «жизнь задыхалась в потоке чернил».

Недостаток места не позволяет нам дать истории инквизиционного процесса, хотя эта история входит логическим звеном в нашу тему.

Поэтому остановимся только на некоторых особенностях инквизиционного процесса, именно на его тайне и бумажности.

Историк Вульфius говорит: «Но ни пытка, ни казни не представляют собою самой темной стороны деятельности инквизиции с точки зрения средневековых людей... Гораздо болезненнее переживали они другие стороны деятельности инквизиции: 1) ее необычайную подозрительность, жертвой которой делались неоднократно совершенно ни в чем невиновные люди, 2) систему шпионства и доносов, от которых никто не мог считать себя в безопасности, 3) произвол судопроизводства, скрывавший от обвиняемого имена его обвинителей и доносчиков и лишавший его возможности пользоваться свидетелями, благоприятными для него, и 4) алчность инквизиции, конфисковывавшей имущество обвиняемых, причем часть конфискованного уступалась светской власти за ее поддержку и услуги».

Вульфius говорит о церковной инквизиции, но церковная инквизиция довела только до «логического конца» черты, присущие всякой инквизиционной системе процесса.

Дело «задыхалось в потоке чернил», но этот поток не выходил на поверхность, он злое и струился под почвой, неся с собой мучения и гибель для подсудимого, ибо всякий заподозренный был уже виноват. Он достигал поверхности только для того, чтобы инквизиционный процесс мог произвести свое устрашающее действие, т. е. для производства публичных казней (тут публичность неожиданно вступала в свои права), для исполнения позорящих и калечащих наказаний.

Комнаты пыток также плохо согласовывались с присутствием «посторонних».

Безгласность приводила к письменности, письменность приводила к тому, что человека заслоняла бумага, бумага становилась самоцелью, бумага получала самостоятельное бытие, движение и оформление. Тайна производства вызвала его бумажность, бумажность укрепляла тайну производства.

Инквизиционный процесс не столько ставит проблему психологии обвиняемого, как думает Липманин («Психология допроса обвиняемого в уголовном процессе»), сколько проблему психологии протокола.

Умело составленный протокол вкладывал в уста свидетелю все то, чего хотел инквизитор. Инквизиция выработала весьма утонченные и эффективные с точки зрения поставленной цели методы допроса свидетелей. Свидетель иногда не знал, для чего его вызывают: вызывают ли его вообще в качестве

только свидетеля или уже обвиняемого. Страх доделывал то, что, может быть, и так было бы достигнуто доведенным до виртуозности искусством допроса.

Протокол допроса во всяком случае выглядел безукоризненно, хотя все здание, им построенное, могло обратиться в прах от одного вопроса, заданного живому свидетелю в обстановке, где этот свидетель не побоялся бы прямо и правдиво дать на такой вопрос ответ.

В безгласности и тайне бумага накапливалась и дело росло, как снежный ком, и по мере того, как росло дело, положение обвиняемого становилось хуже и хуже: бумага съедала его, как раковая опухоль, бумага обзывала, бумага давила на судей, на судьбу дела. Даже уже накануне французской революции Вольтеру удалось добиться реабилитации невинно осужденного Каласа только после того, как он был четвертован. Суд оказал Вольтеру бешеное сопротивление. Один из членов парижского парламента сказал адвокату, который по поручению Вольтера вел дело Каласа: «Вы не победите, потому что во Франции парламентов (судов) больше, чем Каласов».

«Тайна отравляла юстицию в ее истоке», а протокол прикрывал эту тайну.

Протокол, документ, бумага — это фетиши инквизиционного процесса («что написано пером, того не вырубишь и топором»). Недаром существовало правило: чего нет в актах, того не существует для мира, т. е. для суда, ибо другой «мир» в дело не заглядывал. «Мертвые документы» — это звучало не как порицание, а как похвала: их «мертвенность» должна была служить гарантией судебного «беспристрастия», не смущенного видом подсудимого и вызванными им симпатиями или антипатиями. Бумага заменяла живого человека, бумага отодвигала его все дальше и дальше: «Судьи отыскивали решение не на основании собственной проделанной работы, они судили в своих удобных креслах о том, что им докладывало другое лицо — докладчик, они голосовали выводы из тех данных, которые добыты третьим лицом — следственным судьей» (Липманин).

Письменные акты должны были заключать в себе все. Для этого был призван на помощь «принцип медленности», истощавший силы обвиняемого и отнюдь не улучшавший его положения, «допрос по пунктам» и «протокол поведения».

Ошибается Липманин, когда он о «протоколе поведения» говорит как о «задуманном с благим намерением, но совершенно бесполезном и опасном способе зафиксировать в письменном акте то личное впечатление, которое обвиняемый или свидетель произвели на следственного судью при даче показаний» — этот протокол вовсе не был задуман с указанным «благим намерением», а имел назначение дать лишнее орудие для изобличения следовательно инквизитору, впечатления которого от обвиняемого не отличались «разнообразием». Наконец, к чему собственно был нужен «протокол поведения», когда оценка доказательств была устранена и заменена их счетом. Впрочем, едва ли это был «мертвый счет» (Липманин), если принять во внимание резко вы-

¹ P. I. A. Feuerbach, Betrachtungen über das Geschworen-gericht, Landshut, 1813.

раженный классовый характер формальной теории доказательств и порядок собирания и «оформления» самих доказательств.

Трудно в формальной теории доказательств видеть недоверие к судьям, как хотят одни исследователи, или дань средневековому схоластическому мышлению, как хотят другие. Формальная теория доказательств, думается нам, не столько связывала судью, сколько давала ему прекрасную возможность маневрировать, опираясь на форму, когда он хотел обвинить невинное, но неугодное лицо.

4

Не будем однако забывать, что тайна в общественной и государственной жизни иногда необходима, что она может играть положительную роль, что она может даже становиться конституционным принципом (тайное голосование, неприкосновенность жилища, тайна переписки).

Не об этой тайне у нас идет сейчас речь. Тайна производства, спутник полнейшего судебного произвола, в еще большей степени, чем другие стороны инквизиционного процесса, послужила мишенью для нападения со стороны философов-просветителей и в первую очередь Вольтера.

Суд с его тайной производства был особенно ненавистен нарождавшейся буржуазии, потому что он ставил под постоянную угрозу потребности торгового оборота и буржуазного хозяйства — и не только потому, что буржуазия хотела своего суда, а не суда, построенного на началах охраны привилегий дворянства и духовенства, но и потому, что это был суд громоздкий, формальный, зараженный чудовищной волокитой, суд, зависевший не только от общей политики королевского абсолютизма, но и от прихоти того или другого влиятельного лица.

Буржуазия шла к власти с лозунгами формального равенства, неотъемлемых прав личности, идей народоправства — и на этих началах в частности требовала реформы суда.

Как говорит Маркс, «буржуа нуждается для процессов, в которых дело идет о собственности, по крайней мере в гарантии публичности (разрядка наша. — А. Б.); для уголовных процессов, кроме того, еще в присяжных, в постоянном контроле юстиции представителями буржуа»¹. Наиболее энергичное нападение на суд королевского абсолютизма принадлежит Вольтеру, который выступил на защиту Каласа, обвинявшегося в убийстве по религиозным мотивам своего сына (в действительности сын покончил жизнь самоубийством).

Свою борьбу за реабилитацию Каласа Вольтер поднял на большую теоретическую и принципиальную высоту. Это была одновременно борьба за Каласа и борьба против режима абсолютизма, против религиозного фанатизма.

9 марта 1765 г. — через три года после казни Каласа — усилиями Вольтера Калас был

реабилитирован (для бумажности производства характерно, что в заседании по делу было оглашено 269 протоколов). Это было огромной победой Вольтера и огромным поражением старого режима. Язва дореформенного бессудия становилась всем видной, — и надежное прикрытие этого бессудия — тайна.

Еще революция далеко, но работа Вольтера по реабилитации Каласа — одна из ее зарниц. Процесс Каласа даст ростки. Имена Каласа и его защитника Вольтера будут звучать и в конституанте, и в национальном собрании, и в конвенте. Вольтера и дело Каласа вспомнят, когда другой писатель — Эмиль Золя — выступит на защиту невинно осужденного капитана Дрейфуса. И снова будет фигурировать тайна, тайный документ, проникший в совещательную комнату.

Мы у самого преддверия великой буржуазной французской революции. В качестве одного из основных своих требований буржуазия выставляет радикальную реформу феодальной юстиции, и этими требованиями полны указы, которые получают представители Генеральных штатов.

Как ни интересны эти указы, а также развернувшиеся затем по вопросу о гласности и по другим процессуальным вопросам прения в законодательных собраниях — мы этого в нашем схематическом историческом экскурсе касаться не можем.

Вопрос о гласности (публичности) становится предметом обсуждения национального собрания 17 августа 1789 г. в докладе депутата Бергасса.

Гласность выдвигается как «контроль народа». В своем докладе «Об организации судебной власти» Бергасс, между прочим, сказал: «Если необходимо лиц, отправляющих определенную должность, подвергать контролю общественного мнения при выполнении ими их обязанностей, то это требование не в меньшей степени, чем к остальным должностным лицам, относится к судьям; чем сильнее их могущество, тем больше — и притом непременно — должны чувствовать судьи присутствие той главной среди всех властей власти, не поддающуюся подкупу, грозную власть общественного мнения. Однако судьи не будут чувствовать этой власти, пока разбирательство дел будет происходить тайно. Этот последний порядок вещей, заслуживающий полного осуждения, открывает широкое поле для предвзятости, для личных симпатий и антипатий, для предвзятости, для интриг злонамеренных людей, для протекционизма, для тайных влияний и низменных страстей, развитию которых благоприятствует безгласность и которые, будучи обнаружены, тотчас же перестают быть опасными. Судей нужно поставить перед глазами народа и, так как только совершенно погибшие люди могут творить зло, несмотря на то, что они со всех сторон открыты наблюдению, то можно быть уверенным, — особенно если народ свободен и может энергично выражать свое мнение, — что не будет ничего более редкого, чем судья, нарушающий свои обязанности, потому что редко можно встретить человека, который смело пойдет навстречу позору и хладнокровно подвергнется бесчестью».

¹ Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. V, стр. 582.

Во время прений по докладу Бергасса один из депутатов, Тронше, сказал: «Гласность (публичность) разбирательства имеет своим последствием то, что народ принимает в этом разбирательстве участие через посредство общественного мнения; эта сила общественного мнения является наилучшей уездой против равнодушия, небрежности и нарушения обязанностей со стороны должностного лица при отпращивании им «свой деятельности».

Не будем больше останавливаться на дебатах национального собрания по докладу Бергасса. Отметим только, что одновременно с введением принципа гласности депутаты высказались за участие в делах защиты, равноправной с обвинением.

Однако принцип гласности вошел в реформированный континентальный уголовный процесс в сильно урезанном и искаженном виде. Начать с того, что все предварительное следствие было негласным, тайным. Закон 1897 г. также допустил только «кучую» гласность для сторон на предварительном следствии. Несмотря на то, что принцип публичности был сделан конституционным, он терпит многочисленные изъятия.

Как только буржуазия завоевала власть, она стала ощущать в некоторых случаях начало гласности как помеху. Прежде всего, при разборе политических дел судьям было предоставлено широкое право закрывать двери заседаний. Ограничено и право опубликования отчетов в прессе. По существу освещать дела могут только те органы печати, которые находятся в руках крупных концернов: они отвлекают внимание широких масс от политических процессов, они с этой целью создают также нездоровую сенсацию вокруг некоторых общеуголовных дел.

При фашизме публичность окончательно рассматривается как помеха и всячески изгоняется из судов. Возврат к средневековью — в том числе к инквизиционному процессу — идет по всей линии.

5

Царская Россия была очагом всякого рода тьмы — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всеисилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплуатация целых районов — Турции, Ирана, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват. «Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат»¹.

Судебные уставы, суд присяжных были вынужденными уступками со стороны царско-помещичьей крепостнической бюрократии потребностям растущего буржуазного оборота. Суд присяжных немедленно стал предметом ожесточенных нападок со стороны реакцион-

ных кругов. Политические дела вскоре (после оправдания Веры Засулич, стрелявшей в Трепова) были изъяты из ведения суда присяжных и переданы в судебные палаты с участием сословных представителей. Однако борьба с революционным движением шла, главным образом, через военные и военно-полевые суды.

Суд царской России был «присутственным местом», в котором приказные люди применяли соответственные статьи Уложения о наказаниях, был насквозь проникнут духом канцелярского формализма — и потому плохо уживался с началом гласности¹.

Для борьбы с началом гласности царским правительством была изобретена целая сложная система ограничений гласности в судах, ограничений дискреционных и легальных, обязательных и факультативных. Право оглашения происходящего на суде в печати также подвергалось драконовским ограничениям.

Мы не будем останавливаться на судебном закрытии дверей, обязательном и факультативном. Скажем несколько слов о несудебном закрытии дверей. У дверей царского суда стоял жандарм — и от его усмотрения зависело, слушать ли дело при открытых или закрытых дверях.

Несудебное закрытие дверей заседания заключалось в том, что двери заседания могли быть закрыты не судом, а или министром юстиции, или в местностях, объявленных на положении охраны, властью генерал-губернатора, а при отсутствии его — властью министра внутренних дел.

Министр юстиции, генерал-губернатор или министр внутренних дел отдавали распоряжение о закрытии дверей заседания. Оценка оснований, по которым они находили необходимым закрыть двери заседания, принадлежала всецело их личному усмотрению. Их распоряжения сообщались председателю соответствующего суда и должны были выполняться беспрекословно. Никакие суждения по этим распоряжениям сторон не могли иметь места и обжалованию они не подлежали.

Право министра юстиции на закрытие дверей установлено законом 1887 г.

Мотивы этого полномочия так изложены в докладной записке министра юстиции государственному совету: «...В тех исключительных случаях, в коих публичное рассмотрение дела представляется неудобным не с точки зрения благоприличия, не ради охранения заседания от неприличного любопытства толпы к деяниям безнравственным или кощунственным, а также не ради одного охранения беспристрастия судебного приговора, но в интересах общественного порядка, равно и в тех случаях, когда закрытие дверей заседания оказывается необходимым для ограждения достоинства государственной власти, принятие подобных мер нельзя было бы предоставить суду. Не подлежит сомнению, что наличие условий, вызывающих применение указанной меры в приведенных случаях, должна быть точно установлена компетентною правительственною властью. Указание в законе определительных признаков, коими мог бы руководиться суд,

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 4.

¹ В. И. Ленин, т. IV, стр. 83 и сл.

при закрытии дверей заседания по таким основаниям, представлялось бы невозможным, так как в подобных случаях необходимость ограничить доступ публики в судебное заседание не всегда находится в исключительной зависимости от обстоятельств данного дела (?!). Непубличность судебного разбирательства вызывается при этом причинами, находящимися нередко вне самого дела (?!), рассматриваемого судом, и обусловленными особым характером не подлежащих публичному обсуждению данных, с которыми дело оказалось в случайной связи (?!)... Докладная записка длинна, но мы поставим на этом точку. Она представляет характерный образец творчества царского помпадурa, а по стилю и логике напоминает донесение чеховского околodочного об усмирённом им, не имевшем места в действительности бунте: «виновные за отсутствие улик пока находятся под стражей...».

Такова была гласность в царском суде.

6

Сталинская Конституция провозглашает начало гласности в суде как органическое звено в целой системе судебного демократизма. Формы и принципы этого судебного демократизма вытекают из духа Конституции в целом и из целого ряда отдельных ее постановлений.

Проблемам суда, — судопроизводства и судостроительства, — проблемам социалистической юстиции, осуществления правосудия в нашей стране, Сталинская Конституция уделяет огромное внимание, поднимает эти проблемы на громаднейшую принципиальную высоту, формулирует ряд основных начал и гарантий в устройстве нашего суда и процесса как конституционные принципы.

Принцип гласности Сталинская Конституция выдвигает как безусловный принцип, отсылая за ограничениями — временными, но иногда неизбежными — к текущему законодательству.

А. Я. Вышинский говорит: «Не может не быть, конечно, исключения из этого основного правила, имеющего принципиальное значение. Существуют дела, самая особенность и характер которых не допускают разглашения связанных с этими делами обстоятельств, имеющих значение общественной, политической или дипломатической тайны. Именно это имеет в виду ст. 111 новой Конституции, говорящая о возможных, предусмотренных законом исключениях из принципа открытого разбирательства дел во всех судах СССР»¹.

И в другом месте той же статьи, характеризуя основные принципы построения нашего уголовного процесса, А. Я. Вышинский говорит: «Наш уголовный процесс должен быть построен на основе социалистического демократизма. Он должен быть, как правило, процессом гласным, обеспечивающим максимальную возможность установления материальной истины. Он должен обеспечить возможность

быстрого и решительного разоблачения и подавления врага и преступника, с одной стороны, и воспитания в правилах социалистического общежития и дисциплины тех, кто способен перевоспитаться, с другой. Он должен быть построен на принципе признания обвиняемого не объектом, а субъектом права, а следовательно на принципе состязательности и равенства сторон».

Принцип гласности в этом последнем отрывке А. Я. Вышинский правильно рассматривает как неотъемлемое звено в целой системе судебного социалистического демократизма.

Новая Конституция обеспечивает выборность судей, их независимость, подчинение их только закону. Новая Конституция обеспечивает ведение судопроизводства гласно, охраняя права обвиняемого в процессе, обеспечивая ему защиту и право пользоваться родным языком.

Не случайный принцип гласности провозглашается одновременно с принципом состязательности, с обеспечением обвиняемому права на защиту. Гласность находится в теснейшей органической связи с принципом выборности судей, так как осуществить действенный контроль над судьями — а таковыми являются выборы — можно только в условиях гласного суда. Гласность предполагает понимание того, что происходит на суде, — и конечно максимальная гласность достигается, когда само судебное производство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

В государстве пролетарской диктатуры суд впервые в истории становится подлинно народным судом. Это суд трудящихся, в интересах трудящихся, построенный на общении с самыми широкими массами трудящихся, орган привлечения всех трудящихся к государственному управлению. Суд — орудие социалистического воспитания, и для пролетарского суда публика, широкие круги трудящегося населения никогда не являются «посторонними суду лицами». Связь с широчайшими массами является сущностью пролетарского суда, воздухом, которым он дышит, как и все советское государство, — а публичность, как одно из проявлений этой связи, — изначально присущим ему свойством. Суд вынужден закрывать свои двери по некоторым делам и в некоторых случаях не от трудящихся, которые сами входят в состав этого суда, а от враждебных капиталистических элементов — внутренних и внешних, — которые могли бы использовать сведения, полученные благодаря публичному рассмотрению дел в судах, во вред советскому государству.

Буржуазный суд и особенно царский суд считали гласность принципом по существу посторонним деятельности суда, вынужденной уступкой «общественному мнению», — и отсюда «посторонние суду лица» у Фойницкого. Буржуазия выдвигала начало публичности в своей борьбе с феодальной кабинетской юстицией, но, достигнув власти и имея против себя широкие массы эксплуатируемых, стала ощущать начало гласности как помеху в работе своих судов. Отсюда — многочислен-

¹ А. Я. Вышинский, Роль процессуально-о закона в социалистическом государстве рабочих и крестьян, журнал «Социалистическая законность» № 3 за 1937 г.

ность случаев, когда двери суда могут или должны быть закрыты. Отсюда же тот широкий круг лиц, которые разрешали в царском суде вопрос о закрытии дверей, — и многочисленные поводы и случаи, когда такое закрытие дверей допускалось и применялось. Гласность в царском суде, как впоследствии в фашистских судах, обращалась чаще всего в свою противоположность. Это была декларативная формула, изъятия из которой отменяли самое правило.

С первых же шагов своей деятельности советский суд был судом гласным и именно таким и мыслился. В противоположность буржуазному и царскому суду, в советском суде именно отступления от принципа публичности являлись вынужденными — в условиях бешеного сопротивления эксплуататорских классов, в моменты крайнего обострения классовой борьбы, причем речь шла о негласности не от трудящихся, а от нетрудящихся, — в порядке необходимости охранить государственную, военную, экономическую или дипломатическую тайну.

Однако даже в годы военного коммунизма, в годы гражданской войны, в годы вооруженной интервенции иностранных капиталистов наиболее серьезные политические и хозяйственные дела рассматривались в порядке развернутого и притом публичного процесса.

Суд пришедшей к власти буржуазии тяготится гласностью и пытается, где только возможно и как только возможно, от нее избавиться.

Суд победившего пролетариата, наоборот, тяготится негласностью и при малейшей возможности пытается от нее избавиться. Негласность для пролетарского суда по самой природе его всегда помеха и тормоз. И живая летопись побед и успехов социалистического строительства — Сталинская Конституция — провозглашает гласность (публичность) как конституционный принцип.

Гласность в советском суде отличается от гласности в буржуазном суде еще следующими чертами:

Советский суд одной из главных своих задач ставит себе воспитание и перевоспитание. Правильно поставленный и проведенный процесс в условиях полной гласности имеет огромное воспитательное значение. В живом общении с трудящимися массами во время публичного разбора дела советский суд воспитывает и перевоспитывает, выполняет одну из основных своих функций.

В капиталистических странах аудитория в массе своей враждебно настроена к суду и суд ее боится, — а отсюда стремление к негласности, к неполной, избирательной, ограниченной гласности. Советский суд черпает свои силы из соприкосновения с самой широкой аудиторией трудящихся, — и отсюда его стремление к гласности, полной и ничем не ограниченной.

Миллионами путей связан советский суд со своей аудиторией, начало гласности неотъемлемо ему присуще, отступления от начала гласности для него вынуждены, — и не даром начало гласности отныне провозглашено конституционным принципом.

Точно также только в советском суде аудитория, широкие массы трудящихся осуществ-

ляют по-настоящему функции контроля, тогда как в буржуазном суде эти массы, которые могли бы осуществить функции контроля, в суд не допускаются. В капиталистических странах трудящиеся не могут подвергать суд критике в прессе; точно также они не избирают судей, то есть не могут осуществить и этой чрезвычайно действенной формы контроля. У нас трудящимся доступны обе формы контроля, и не случайно Сталинская Конституция провозгласила выборность народных судей и заседателей на началах всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании, то есть на началах последовательной, до конца доведенной демократии.

Гласность играет в советском суде неизменно более широкую роль, чем в самом демократическом буржуазном суде. Ее роль в советском суде к тому же особенная, свойственная только этому суду. Гласность является здесь одной из тех форм, в которых наиболее полно разворачивается революционная законность пролетарского правосудия. Она усиливает действие всех особенностей советского суда, налагаемых советским судом наказаний и выносимых советским судом оправдательных приговоров. Присутствие в суде всем своим существом связанной с этим судом советской общественности усиливает и воспитательное воздействие суда на обвиняемого и на всех трудящихся, и тяжесть наказания, усугубляемого солидарностью присутствующих на суде трудящихся с приговором суда. Момент общественного осуждения, глубоко чувствительного для обвиняемого — трудящегося, усиливает, таким образом, в советском суде благодаря гласности и воспитательное, и карательное действие приговора. Гласность становится в советском суде важнейшей формой осуществления революционной законности и потому еще, что она служит гарантией правильного разрешения дела. В этом смысле можно говорить также о праве подсудимого на гласный разбор его дела.

Неудивительно поэтому, что Ленин придавал огромное значение началу гласности. О борьбе с волокитой в государственных учреждениях Ленин писал: «...с точки зрения принципа необходимо такие дела не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить па публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть достаточно будет выговор), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»¹.

Не случайно поэтому и то, что советский суд с первых дней революции стремился наиболее серьезные политические и хозяйственные дела проводить в порядке развернутого и притом публичного процесса.

В другом месте цитированной выше статьи т. А. Я. Вышинский говорит: «Суд есть суд. Советский суд не только наказывает, не только громит, подавляет, уничтожает, советский суд также еще воспитывает и перевоспитывает. Воспитательная сила советского суда — это важнейшая особенность, отличающая его от судов капиталистических государств».

¹ В. И. Ленин, т. XXIX, стр. 412.

в которых царит одно лишь голое, хотя и искусно прикрытое различными юридическими формулами и сентенциями насилие.

Эта воспитательная роль советского суда несколько, ни в какой мере не находится в противоречии с задачами беспощадной расправы, беспощадного подавления врагов революции, врагов социализма.

Сталинская Конституция поднимает проблемы судостроительства и судопроизводства социалистического государства на огромную теоретическую и принципиальную высоту. Сталинская Конституция дает юридическую базу для

текущего законодательства, для имеющих быть изданными всесоюзных Положений о судостроительстве и Уголовно-процессуального кодекса. Сталинская Конституция дает могучий толчок во всех областях научного творчества, в интересующей нас области уголовного процесса в частности. Сталинская Конституция ряд основных положений уголовного процесса в социалистическом обществе делает конституционным, — и в их числе на первом месте — открытое разбирательство дел в судах, гласность (публичность) судебного производства.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

РОДИТЕЛИ НЕ ОСВОБОЖДАЮТСЯ ОТ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ ДО ИХ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ, ХОТЯ БЫ ДЕТИ И ИМЕЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЗАРАБОТОК

22 октября 1930 г. состоялось решение народного суда о взыскании с гражданина Шмакова в пользу Тихомировой алиментов на содержание сына Бориса, родившегося 22 февраля 1921 г.

В октябре 1932 г. гражданка Тихомирова обратилась в Верховный суд с иском об увеличении алиментов.

Решением народного суда Володарского района г. Ленинграда от 22 октября 1932 г. было постановлено увеличить размер присужденных народным судом в 1930 г. с Шмакова алиментов до 35 руб. в месяц.

В октябре 1937 г. в народный суд того же района поступило новое заявление гр-ки Тихомировой об увеличении размера алиментов в соответствии с законом от 27 июня 1936 года до $\frac{1}{4}$ заработка Шмакова.

В судебном заседании Шмаков объяснил, что работает на заводе им. Ленина в г. Ленинграде мастером и его средний заработок составляет 379 руб. в месяц. Семья его состоит из 4 человек. Сын Борис, на содержание которого взыскиваются алименты, в настоящее время работает и получает зарплату. Борису 16 лет.

Народный суд 4 октября 1936 г. определил размер алиментов в $\frac{1}{4}$ заработной платы Шмакова.

По кассационной жалобе Шмакова Кассационная коллегия Ленинградского областного суда 27 ноября 1936 г. отменила решение народного суда и в иске гр-ке Тихомировой об увеличении алиментов с 35 руб. в месяц до $\frac{1}{4}$ заработной платы Шмакова отказала на том основании, что несовершеннолетний Борис работает и получает зарплату 150 руб. в месяц.

Шмаков зарабатывает 379 руб. в месяц, на его иждивении 2 детей, кроме Бориса.

Определение Кассационной коллегии Ленинградского областного суда было опротестовано в Президиум того же суда.

19 февраля 1937 г. Президиум отклонил протест прокурора, оставив в силе определение Кассационной коллегии облсуда.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение Кассационной коллегии и постановление Президиума Ленинградского областного суда по следующим основаниям:

Ст. 42 Кодекса о браке, семье и опеке обязывает родителей доставлять содержание несовершеннолетним детям, и нет закона, освобождающего родителей от этой обязанности в том случае, когда несовершеннолетний работает и получает зарплату.

Закон от 27 июня 1936 г. устанавливает размер содержания как минимум и не предусматривает права суда уменьшать этот размер или полностью освобождать родителей от содержания детей, не достигших совершеннолетия.

Хотя пленум Верховного суда РСФСР 2 июля 1928 г. разъяснил, что факт поступления несовершеннолетнего на работу по найму может служить основанием к обсуждению вопроса об уменьшении или полном сложении алиментов, однако означенное постановление с изданием нового закона от 27 июня 1936 г. утратило значение, так как в настоящее время судам не предоставлено права назначать размер алиментов по своему усмотрению.

Кроме того, родители обязаны участвовать не только в материальном содержании детей, но и в их воспитании. Следовательно, если бы Шмаков выполнял эту свою обязанность — сын его Борис учился бы в школе, а не вынужден был бы работать. Кроме того, и материальное участие Шмакова в содержании сына является результатом судебного вмешательства. Надо полагать, что это обстоятельство и вынудило гр-ку Тихомирову определить несовершеннолетнего сына на работу.

Таким образом, нет оснований к освобождению Шмакова от выполнения закона от 27 июня 1936 г., тем более, что несовершеннолетний Борис может, но не обязан работать, так как его должны содержать родители.

Если допустить иное, то в ряде случаев может оказаться, что родители откажутся от содержания своих детей — учеников школ с целью заставить их работать, а затем в суде

по иску об алиментах защищаться тем, что дети работают и получают зарплату. По настоящему делу получилось так, что ввиду тяжелого материального положения гр-ки Тихомировой — несовершеннолетний сын ее Борис фактически содержит себя и ее.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила отменить определение Кассационной коллегии Ленинградского областного суда от 27 ноября 1936 г. и постановление Президиума того же суда от 10 февраля 1937 г. и оставить в силе решение народного суда 59 участка Володарского района г. Ленинграда от 4 ноября 1936 г.

НЕПРАВИЛЬНАЯ ОТМЕНА КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЕЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДНОГО СУДА О ВОССТАНОВЛЕНИИ ДАВНОСТНОГО СРОКА

Решением народного суда 2 участка Москворецкого района г. Москвы от 20 сентября 1936 г. постановлено взыскать с Похоронного треста Ленсовета в пользу гр. Ивлева А. А. зарплату за время с 1 февраля по 9 октября 1935 г. за неиспользованный отпуск и выходное пособие 2496 руб.

По жалобе ответчика Кассационная коллегия Московского городского суда определением от 14 октября 1936 г. уменьшила присужденную сумму до 1344 руб. на том основании, что по остальной сумме истец пропустил срок исковой давности.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение Кассационной коллегии по следующим основаниям:

1. Кассационная коллегия не нашла, что требования истца Ивлева не обоснованы, и не указала в своем определении, что решение суда 1-й инстанции неправильно.

Возникает вопрос, вправе ли Кассационная коллегия отменить решение суда 1-й инстанции о восстановлении давностного срока. Прокуратура полагает, что Кассационная коллегия не вправе этого делать, так как согласно ст. 33^а КЗоТ нарсуды могут принимать к своему рассмотрению заявления, поданные с пропуском срока, в тех случаях, когда срок пропущен по причинам, признанным судом удовлетворительными.

Следовательно, поскольку суду 1-й инстанции предоставлено право восстанавливать давностные сроки по трудовым спорам и поскольку в законе нет указания на то, что постановление суда 1-й инстанции о восстановлении давностного срока подлежит обжалованию, надо признать, что Кассационная коллегия Московского городского суда неправильно изменила решение народного суда и неправильно уменьшила размер присужденной гр. Ивлеву зарплату.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, признал, что Кассационная коллегия неправильно вошла в обсуждение срока подачи заявления, восстановленного судом 1-й инстанции, и определение Кассационной коллегии городского суда от 14 октября 1936 г. отменил, оставив в силе решение народного суда от 20 сентября 1936 г.

РАЗДЕЛ ИМУЩЕСТВА МЕЖДУ СУПРУГАМИ

Состоя в браке с 1925 г., супруги Морской и Фалькович приобрели имущество, в том числе: квартиру из 2 комнат (размер 10 и 20 кв. м) в РЖСКТ «Кремлевский работник» и дачу, из 3-х комнат, в поселке Красково ДСКТ «Красная заря».

Пайщиком квартиры официально числилась гр. Фалькович, на ее же имя вначале была записана и дача. Но, согласно поданному в начале 1935 г. заявлению Фалькович в правление ДСКТ «Красная заря», последнее дачу перечислило на гр. Морского.

В сентябре 1935 г. супруги Морской и Фалькович разошлись. После развода они 20 октября 1935 г. составили и подписали между собой соглашение, по которому: 1) ребенок 7 лет остается у матери и на его содержание отец, Морской, уплачивает алименты по 200 руб. в месяц; 2) квартира в Москве остается за Фалькович; 3) дача принадлежит Морскому; 4) ежегодно в течение летнего сезона ребенок (Владимир Морской) вместе с домработницей проживает на принадлежащей С. К. Морскому даче в ДСКТ, при условии отсутствия на указанной даче новой семьи С. К. Морского и 5) Морской обязуется погасить Фалькович причитающуюся с него половину задолженности не позднее 1 мая 1936 г.

Из квартиры и из Москвы гр. Морской выехал в октябре 1935 г.

В декабре 1936 г. гр. Морской предъявил иск в нарсуд о присуждении ему одной комнаты в их бывшей с Фалькович квартире и комнаты на даче, так как последнюю правление ДСКТ «Красная заря» вновь переписало на имя Фалькович.

Нарсуд 4 уч. Советского района решил 2 февраля 1937 г. закрепить за гр. Морским одну комнату (около 10 кв. м) в квартире Фалькович и комнату в даче гр. Фалькович. Кроме того нарсуд разделил между Морским и Фалькович уплаченный ими совместно жилищ в сумме 2651 руб.

Гражданская кассационная коллегия Мосгорсуда 22 февраля 1937 г. это решение оставила в силе.

Прокуратура СССР опротестовала решение нарсуда и определение Гражданской кассационной коллегии по следующим основаниям:

Нарсуд мотивировал свое решение тем, что истец Морской, приехав вновь в Москву, не имеет здесь места жительства и что дача — летнего типа. Между тем эта мотивировка не подкреплена материалами дела. Народный суд, вопреки ст. 5 ГПК, не проверил оба эти факта. В судебном заседании ответница Фалькович указывала, что у Морского имеются жена и сестра, где он и может проживать. Вопрос о пригодности дачи вообще для жилья в зимний период — остался совершенно неисследованным. Самое же главное — нарсуд, а за ним и ГKK Мосгорсуда совершенно игнорировали заключенное между Морским и Фалькович соглашение о разделе имущества, в то время как последнее должно быть взято как основание для решения суда.

Из материалов дела видно, что деньги в счет пая вносила как до развода, так и после 1 сентября 1935 г., главным образом гр. Фалькович. До 1 сентября, т. е. до развода супругов, —

она внесла довездовского паенакопления за квартиру в Москве — 1936 руб. и после 1 сентября 1935 г. — 601 руб., по даче Фалькович внесла до 1 сентября 1935 г. — 715 руб. и после 1 сентября 1935 г. — 599 руб.

Эти цифры истец не оспаривал. При таких условиях народный суд обязан был разрешить вопрос о разделе всего внесенного по квартире и даче паенакопления в целом (3965 руб.), он же разрешил вопрос лишь в части внесенных супругами денег по 1 сентября 1935 г. (2651 руб.).

Нарсуд не обсудил и весьма существенное заявление ответчицы Фалькович — о невозможности, при создавшихся условиях, совместного проживания ее с истцом, Морским, и о том, что Морской имеет новую семью.

В данном случае было бы правильным произвести раздел имущества между бывшими супругами Морским и Фалькович в соответствии с заключенным ими добровольным соглашением от 20 октября 1935 г.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: решение народного суда и определение Кассационной коллегии Московского городского суда отменить и вернуть дело в народный суд для нового рассмотрения в ином составе, с участием прокурора.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДАВНОСТНОГО СРОКА ПО ТРУДОВОМУ ДЕЛУ

Гр. Погорелов, преподаватель школы в Очамчирском районе (Абхазия), не получил отпуска за 1932/33 учебный год и предъявил в суде иск о выплате ему соответствующей по закону компенсации.

В 1934 г. дело это было рассмотрено в народном суде, затем было по кассационной жалобе Погорелова направлено в Высший суд и по дороге оттуда исчезло.

Затем дело было восстановлено после того, как Погорелов в июле 1935 г. обратился в Прокуратуру, последняя направила его жалобу в суд с просьбой о розыске или возобновлении дела.

Народный суд, после неоднократных откладываний, рассмотрел его в апреле 1936 г. и удовлетворил иск, так как в деле имелись бесспорные доказательства того, что Погорелов действительно не использовал отпуска по вине администрации.

Это решение суда было отменено в порядке надзора Высшим судом Абхазии 17 ноября 1936 г. и дело производством было прекращено только на том основании, что Погорелов пропустил срок исковой давности.

Прокуратура СССР опротестовала решение Высшего суда Абхазии по следующим основаниям:

Дело Погорелова рассматривалось в апреле 1936 г. вторично, после того как первое дело было в суде утеряно.

По делу Погорелова судебными органами Абхазии была допущена безобразная волокита, само дело утеряно и ответственным за все это, по мнению Высшего суда, должен быть Погорелов.

Такое положение совершенно недопустимо. Неправильно постановление Высшего суда еще и потому, что пропуск срока исковой дав-

ности вовсе не означает полной потери истцом права на иск.

Суд, на основании ст. 52 постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г., вправе, при наличии уважительных причин, восстановить пропущенный срок. Вряд ли можно найти другой случай, когда восстановление срока исковой давности было бы более обосновано, чем в деле Погорелова.

Народный суд, несомненно, учел это, когда после двухлетней волокиты разобрал и удовлетворил иск Погорелова.

Президиум Верховного суда ССР Грузии, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: решение Высшего суда Абхазии от 17 ноября 1936 г. отменить и дело направить в Высший суд Абхазии на новое рассмотрение.

СПОР ГОСУЧРЕЖДЕНИЙ О ДОГОВОРЕ АРЕНДЫ СТРОЕНИЯ ПОДЛЕЖИТ РАССМОТРЕНИЮ ОРГАНОВ ГОСАРБИТРАЖА, А НЕ СУДА

В сентябре 1931 г. горкоммунотделом г. Каługi был заключен договор аренды с дирекцией Западной железной дороги на занимавшееся ранее второй городской пожарной станцией здание, сроком на 7 лет.

По пункту 6 арендатору было предоставлено право использования всего помещения по своему усмотрению, но по прямому назначению, а именно — для общежитий, дежурных помещений, классных комнат, размещения пожарного обоза и вообще для нужд данного учреждения; по пункту же 18 арендатор принял на себя обязательство кадрами курсов обслуживать в пожарном отношении район, ранее обслуживаемый 2-й городской станцией с точным соблюдением порядка выезда пожарных команд и последующими планами выезда, согласованными между договаривающимися сторонами. Во всяком случае по сигналу № 1 с курсов должно выезжать не менее одной автомашины и 6 чел. пожарной команды при одном брандмейстере и одном шофере, по № 2 и № 3 не менее 2 автомашин и 16—20 чел. команды, в том числе шоферы и комсостав.

По договору ответчик до 1935 г. использовал арендуемое здание пожарной части под пожарную школу, рассчитанную на 100 чел. со сроком обучения 6 месяцев.

В 1935 г. с мая вместо пожарной школы, переведенной в г. Харьков, ответчик занял здание бывшей пожарной станции под курсы партактива, оставив группу курсов повышения квалификации пожарных работников на 25 чел.; в связи с чем горкоммунотдел предъявил в народном суде иск о расторжении договора аренды помещения с дирекцией Западной ж. д.

Народный суд Калужского района постановил договор, заключенный горкомхозом с дирекцией Западной ж. д. на аренду здания 2-й пожарной команды расторгнуть с выселением из здания всех организаций и лиц, зависящих от ответчика.

Определением Кассационной коллегии Московского областного суда решение нарсуда было оставлено в силе.

Решения эти были опротестованы московским областным прокурором в Президиум Московского областного суда. Президиум областного суда отклонил протест прокурора.

Основанием к вынесению указанного решения явилось утверждение истца о недостаточном обслуживании в пожарном отношении города Калуги курсами пожарных работников в связи с ликвидацией 7-месячных курсов, вследствие чего часть города остается необслуженной, о чем мол свидетельствуют акты несвоевременного выезда команды к месту пожара; что помещение арендатор использует не по прямому назначению, ибо договором предусмотрена организация курсов пожарных работников, а не партактива.

Считая, что указанное решение народного суда, определение Кассационной коллегии Московского областного суда и постановление Президиума находятся в противоречии с фактическими материалами дела, Прокуратура Союза опротестовала эти решения по следующим основаниям.

Ни одним пунктом договора аренды не было оговорено право арендатора использовать помещение исключительно и только для открытия пожарных курсов, наоборот, в пункте 6 договора дороге предоставлено право использовать помещение по своему усмотрению, но по прямому назначению, и вообще для нужд данного учреждения, в силу чего организация курсов политотдела дороги в помещении пожарной станции, наряду с курсами пожарной охраны, не может считаться нарушением пункта 6 договора.

Материалами дела установлено также, что обязательства по пожарной охране города дорогой выполнялись в точном соответствии с договором, а именно: в гараже имеются две пожарные машины; в здании размещены пожарные курсы на 20 курсантов, 3 человека постоянного состава и 3 постоянных шофера; выезды на пожары обслуживаются двумя пожарными автомобилями при военизированной команде и с необходимым количеством оборудования, в виде насосов и др., о чем свидетельствуют документы, приложенные к делу: о прохождении 2-й учебной команды по специальному курсу цикла пожарно-технических дисциплин, 2) о штатной ведомости пожарной учебной команды, 3) об учете выездов на пожары и другие стихийные бедствия той же команды, коих было в 1935 г. 119 (а за первые три месяца 1936 г. — 40), о проделанной профилактической работе той же командой по городу.

Односторонний акт истца от 4 августа 1936 года и перечисленные в особом мнении начальника 1-й городской пожарной команды дефекты в работе пожарной команды не могут служить доказательством того, что район, обслуживаемый этой пожарной командой, поставлен под угрозу в противопожарном отношении, а могут служить лишь поводом к постановке перед управлением железных дорог вопроса об улучшении работы команды, но никак не являются поводом к расторжению договора. Кроме того ответчик, арендующий помещение, затратил на капитальный и текущий ремонт в соответствии с пунктом 3 договора за период 1934 — 1936 г.г. 57 378 руб.

В силу вышеизложенного, не усматривая нарушений арендатором договора, влекущих за собой расторжение его в соответствии со ст.ст. 160 и 171 Гражданского кодекса, и принимая во внимание, что обеими сторонами являются госучреждения, что данный спор не вытекает из договоров железнодорожных перевозок, — на основании ст. 21 Гражданского процессуального кодекса решение народного суда от 4 сентября 1936 г., определение МГ Московского областного суда от 29 сентября 1936 г. и постановление Президиума Московского областного суда от 19 декабря 1936 г. подлежат отмене, а дело направлению для рассмотрения по существу, по подсудности в Госарбитраж.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест прокуратуры Союза, определила отменить все состоявшиеся по настоящему делу судебные решения и дело для рассмотрения по существу направить по подсудности в Госарбитраж при Мособл. исполкоме.

ГРУБЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Работница фабрики «Коммунарка» в г. Минске Работникова, в декабре 1936 г. предъявила в народсуд иск к профессору Каминскому о праве на занятие в его квартире (из 3 комнат размером 60 кв. м) жилплощади.

Свое право Работникова обосновывала тем, что она около 6 лет жила в квартире ответчика как член семьи, а ныне ее выселили в коридор.

Народный суд по жилищным делам города Минска 17—19 января 1937 г. в иске Работниковой отказал, мотивируя свое решение тем, что она не жила у ответчика, а лишь в отдельных случаях последний разрешал ей ночевать у него.

Гражданская кассационная коллегия Верховного суда БССР 21 февраля 1937 г. решение народного суда оставила в силе.

Принесенный Прокурором БССР протест на решение народного суда и определение Гражданской кассационной коллегии Верховного суда — Президиум Верховного суда БССР 20 апреля 1937 г. отклонил.

Прокуратура СССР опротестовала решение народного суда и определение Верховного суда БССР по следующим основаниям:

1) Народный суд вынес свое решение с грубым нарушением ст.ст. 118, 122 и 177 Гражданского процессуального кодекса БССР.

В судебном заседании 17 января народный суд, считая собранный материал недостаточным для разрешения настоящего спора, вынес определение о дополнительном сборе материалов, для чего отложил вынесение решения по делу на 3 дня.

Собирание этих дополнительных материалов народный суд поручил одному из народных заседателей гр. Когану, который 19 января и представил весьма краткую записку, утверждающую, что истца в квартире ответчика не проживала.

Вместо того чтобы в присутствии сторон проверить в судебном заседании новые обстоятельства, добытые народным заседателем, и установить, была ли последним соблюдена

ст. 122 Гражданского процессуального кодекса, т. е. были ли своевременно уведомлены стороны о проверке доказательств, — народный суд того же 19 января вынес решение по существу иска, положив в основу ничем не подкрепленную записку народного заседателя Когана.

Этим самым народный суд искал смысл и значение ст. 177 Гражданского процессуального кодекса и лишил стороны права оспаривать выдвинутые доказательства. Согласно ст. 177 Гражданского процессуального кодекса вынесение решения может быть в исключительных случаях отложено до трех дней, но при условии, что резолютивная часть решения должна быть объявлена сторонам в том же судебном заседании.

Эти три дня даются суду для мотивировки решения, а не для дополнительного собирания материалов. Нельзя здесь не отметить и то нарушение Гражданского процессуального кодекса, что местный осмотр производил не председательствующий, как этого требует Гражданский процессуальный кодекс, а народный заседатель.

Народный суд нарушил гражданский процессуальный кодекс тем, что не вполне исследовал действительные взаимоотношения сторон. Истица в исковом заявлении и в кассационной жалобе утверждала, что она жила у ответчика около 6 лет, с перерывом в 1933 г. на 7 месяцев, что ответчик Каминский пригласил истцу, по ее словам, к себе как родственницу и что на этих правах она помогала ответчику в домашнем хозяйстве и обслуживала его больную жену до ее смерти. Ночевала она, истица, в кабинете Каминского или в столовой, но последний почему-то не прописывал истцу на свою площадь.

Нарсуд не исследовал эти обстоятельства. В судебном заседании 7 января свидетельница Бориспольская подтвердила, что истица около 3 лет ночевала в кабинете Каминского.

Свидетельница Нестерович, домработница ответчика, также показала, что Работникова иногда ночевала в кабинете профессора Каминского. Свидетельница Мазо показала, что были случаи, когда истица заходила к Каминскому кушать.

Осталось совершенно невыясненным, на каких основаниях Работниковой все это предоставлялось, где она жила до перехода к Каминскому и почему она здесь так долго не была прописана.

При этих условиях судебное решение по делу нельзя признать обоснованным и по существу.

Кассационная инстанция оставила жалобу Работниковой без последствий, ссылаясь и на представленный ей к обозрению паспорт истицы, из коего видно, что она не была прописана по месту жительства ответчика Каминского. Этим допущено еще одно грубое процессуальное нарушение, поскольку в суде 1-й инстанции это доказательство совершенно не фигурировало и стороны его касаться поэтому не могли.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила отменить все состоявшиеся по настоящему делу судебные решения и передать дело на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе.

КАССИНАНЦИЯ ВЫШЛА ЗА ПРЕДЕЛЫ СВОЕЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Койфман Семен Григорьевич, б. главный бухгалтер завода «Красный профинтерн», был предан суду в сентябре 1935 г. по обвинению в том, что, получая от гр. Зельдиса взятки, давал ему заказы на типографские работы, а также выдавал последнему открытые валютированные чеки, нарушая правила об этих чеках, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 97 и 105 Уголовного кодекса УССР.

Народный суд 1 участка г. Одессы 2 октября 1935 г. отверг обвинение Койфмана по ст. 105 и оправдал его в этой части; по ст. 97 же — за нарушение правил кредитной реформы приговорил его к 4 годам лишения свободы.

Кассационная коллегия Одесского областного суда, рассмотрев 15 декабря 1935 г. это дело по протесту прокурора в порядке надзора,шла, что «суд при назначении мягкой меры наказания Койфману не учел, что он произвел нарушение (выдачу валютированных чеков Зельдису), как видно из материалов дела (предварительное следствие), не из особой симпатии к осужденному Зельдису, а с корыстной целью». «Так же неосновательно мягок приговор и в отношении других осужденных».

Поэтому облсуд отменил весь приговор за мягкостью и направил дело в суд для нового рассмотрения по существу.

7 февраля 1936 г. народный суд 1 участка г. Одессы, рассмотрев это дело вторично, подробно мотивированным приговором оправдал Койфмана установив, что выдавал он валютированные чеки Зельдису, считая его представителем типографии, и по прямому поручению совещания при директоре завода Зельдис был приговорен к 2 годам лишения свободы.

На этот приговор были принесены кассационные жалобы осужденными по этому же делу к исправительно-трудовым работам Брандом и Пятецким, работниками типографии горпотребсоюза.

Кассационная коллегия, рассмотрев дело 21 февраля 1936 г., оставила кассационные жалобы без последствий, но на основании ст. 345 Уголовного процессуального кодекса УССР отменила в ревизионном порядке весь приговор в целом, признав: а) что Зельдису вынесена слишком мягкая мера наказания и б) что «суд совсем неосновательно оправдал Койфмана, вместо того чтобы выполнить указание облсуда и учесть ему опасность деяния».

Народный суд 1 участка г. Одессы, рассмотрев дело третий раз 4 сентября 1936 г. и сославшись на «Положение об организации учета в системе потребкооперации 1932 г.», дающее право получения валютированных чеков, прекратил дело в отношении Койфмана по ст. 4 Уголовного процессуального кодекса УССР за отсутствием в его действиях состава преступления. В отношении других осужденных — Зельдиса, Бранда и Пятецкого суд прекратил дело по ст. 4 Уголовного процессуального кодекса УССР за нецелесообразностью дальнейшего его ведения.

20 ноября 1936 г. помощник областного прокурора принес на это определение протест в порядке надзора с указанием на невыпол-

нение народным судом указаний кассационной коллегии областного суда об усилении наказания Зельдису и об осуждении Койфмана.

3 января 1937 г. кассационная коллегия областного суда, согласившись с доводами протеста, отменила в порядке надзора определение народного суда и направила дело для нового рассмотрения.

После этого дело трижды назначалось к слушанию в нарсуде (28 января, 27 февраля, 23 марта), и в последний раз народный суд постановил: объявить розыск скрывшегося от суда Зельдиса, приостановив дело до его задержания.

Прокуратура СССР, рассмотрев это дело в порядке надзора, признала, что определение кассационной коллегии Одесского областного суда от 3 января 1937 г. в части, относящейся к Койфману, является неправильным и подлежит отмене. Народный суд разрешает дело, исходя из всех его материалов. Так как представленное ему официальное ведомственное распоряжение о праве получения валютированных чеков учреждениями потребкооперации доказывало правильность действия Койфмана, народный суд и прекратил о нем дело на основании пункта «д» ст. 4 Уголовного процессуального кодекса.

Поэтому Одесский областной суд неправ, добиваясь, чтобы народный суд выполнил его определение, относящееся к первому оправдательному приговору.

Основное обвинение Койфмана в корыстных злоупотреблениях отпало, нарушения, о которых идет речь, имеют более чем трехлетнюю давность, и суд первой инстанции, три раза рассматривая это дело, не находил оснований к применению к Койфману реальных мер наказания; в деле имеется большое число блестящих отзывов о его долголетней бухгалтерской работе.

По этим основаниям Прокуратура СССР опротестовала определение Одесского областного суда от 3 января 1937 г. в части, касающейся Койфмана.

Верховный суд УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение Одесского областного суда отменить и оставить в силе приговор народного суда от 4 сентября 1936 г., коим дело в отношении Койфмана прекращено.

ПРИГОВОР ДОЛЖЕН БЫТЬ УБЕДИТЕЛЬНЫМ

Приговором народного суда г. Кутаиси 23—26 января 1937 г. Калатозишвили Пармен Иванович и Беридзе Георгий Макарович были признаны виновными в том, что в ночь на 11 марта 1936 г. убили лесного сторожа Кира Медзмаришвили, предварительно нанеся ему тяжелые побои.

Суд, квалифицировав преступление Калатозишвили по ст. 145 УК Грузинской ССР, приговорил его к 6 годам лишения свободы, а Беридзе — по ст. 17—145 Уголовного кодекса Грузинской ССР к 4 годам лишения свободы.

По делу был предан суду и Чхиквадзе Владимир Давидович, б. старший охранник Саго-

рийской лесной дачи, которому было предъявлено обвинение в том, что он, будучи во враждебных отношениях с убитым, разоблачившим целый ряд злоупотреблений, совершенных Чхиквадзе во время работы в Сагорийской даче, организовал убийство Медзмаришвили, подговорив для приведения в исполнение своего замысла своего родственника Беридзе и Калатозишвили.

Народный суд оправдал Чхиквадзе, обосновав свой оправдательный приговор следующими соображениями:

а) Чхиквадзе с момента увольнения его с работы не был в трактире, которым заведывал Беридзе, и никаких данных, свидетельствующих о встрече Чхиквадзе с Беридзе в этот период в другом месте, по делу не имеется.

б) Чхиквадзе в день убийства с утра находился в г. Кутаиси, вечером в этот же день направился в деревню на свадьбу своего племянника, где пробыл до следующего дня.

Суд считает, что установленное алиби Чхиквадзе является решающим для вынесения в отношении его оправдательного приговора.

Кроме этого, так как на следующий день после совершения убийства Чхиквадзе не посетил места происшествий, то суд считает, что если бы он действительно являлся организатором преступления, то, несомненно, в тот же день он должен был бы поинтересоваться результатами действий Беридзе и Калатозишвили.

По всем указанным выше соображениям суд и отверг предъявленное Чхиквадзе обвинение в организации убийства Медзмаришвили.

Кассационная коллегия Верховного суда Грузии 23 февраля 1937 г. приговор суда оставила без изменений.

Прокуратура Союза, считая оправдание Чхиквадзе недостаточно обоснованным, опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям.

Из имеющихся в деле материалов видно, что Чхиквадзе, состоя старшим охранником лесной дачи, в течение целого ряда лет систематически злоупотреблял своим служебным положением: продавал лесной материал и дрова, деньги присваивал, сдавал в аренду крестьянам лесные участки и арендную плату обращал в личное пользование. Медзмаришвили, поступив на работу в эту же лесную дачу, обнаружил все злоупотребления Чхиквадзе, выяснил — кому именно, когда и сколько земли сдано было Чхиквадзе в аренду и сообщил вышестоящим организациям о преступлениях Чхиквадзе. В результате этих действий Чхиквадзе был снят с работы.

Еще задолго до снятия с работы Чхиквадзе стало известно о разоблачениях Медзмаришвили, вследствие чего Чхиквадзе стал питать нескрываемую неприязнь к Медзмаришвили и даже угрожал ему: «ты есть и не будет тебя». Это подтвердил свидетель Георгадзе. На предварительном следствии Чхиквадзе признал на очной ставке со свидетелем Георгадзе угрозы и враждебное отношение к убитому. О своем враждебном отношении к Медзмаришвили Чхиквадзе неоднократно говорил и с осужденным по данному делу Беридзе, это обстоятельство Чхиквадзе также признал и на очной ставке с Беридзе в процессе предварительного расследования.

Прокуратура Союза считала, что при этих обстоятельствах доводы, приведенные судом в обоснование оправдательного приговора в отношении Чхиквадзе, недостаточно вески и не опровергают обвинений, предъявленных Чхиквадзе органами следствия.

Установленное по делу алиби Чхиквадзе не может служить еще достаточным основанием для его оправдания, поскольку Чхиквадзе не привлекался к ответственности за физическое совершение убийства Медзмаришвили, а предъявлялось лишь обвинение в организации самого убийства. Что же касается ссылки суда на то, что если бы Чхиквадзе являлся организатором убийства, то он обязательно должен был бы проверить на другой же день, приведен ли в исполнение его замысел, то и это указание не является основанием для оправдания Чхиквадзе. Суд, отвергнув организаторскую роль Чхиквадзе в совершении убийства, тем самым поколебал обоснованность обвинений, предъявленных Беридзе и Калатозишвили.

Беридзе и Калатозишвили были привлечены к уголовной ответственности за то, что, по заданию Чхиквадзе, совершили убийство Медзмаришвили.

Оправдывая Чхиквадзе, суд не поинтересовался мотивами убийства Медзмаришвили, совершенного осужденными Беридзе и Калатозишвили.

При условии, что убийство Медзмаришвили было совершено Беридзе и Калатозишвилиумышленно, с заранее обдуманным намерением, как это признал сам суд, надлежало суду выяснить, что же послужило поводом для убийства Медзмаришвили. Однако суд этот важнейший вопрос в процессе судебного следствия не исследовал.

Президиум Верховного суда ССР Грузии, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда отменить и дело направить в Прокуратуру Грузинской республики на исследование.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА О СПЕКУЛЯНТЕ

На Дубининском рынке г. Москвы за скупку облигаций массовых госзаймов по пониженным ценам был задержан Правдолюбов Е. А., у которого было изъято облигаций на 25 265 рублей.

Расследованием было установлено, что Правдолюбов с целью наживы систематически закупал по пониженным ценам у разных лиц на Дубининском рынке облигации массовых госзаймов. Эти операции дали Правдолюбову возможность за период с сентября 1934 г. по сентябрь 1935 г. приобрести облигаций на вышеуказанную сумму.

На следствии Правдолюбов признал, что он купил облигаций на 15 000 руб., уплатив за них 3 000 руб.

Народным судом 1 уч. Ростокинского района г. Москвы 14 сентября 1936 г. Правдолюбов был осужден по ст. 17—107 УК на 2 года лишения свободы с конфискацией отобранных у него облигаций.

Определением кассационной коллегии МГС от 23 сентября 1936 г. приговор народного суда был оставлен в силе, но действия Прав-

долюбова были переквалифицированы по ст. 16—107 УК.

Постановлением президиума Московского городского суда от 26 октября 1936 г. приговор народного суда также был оставлен в силе, но действия Правдолюбова были переквалифицированы по ст. 169 ч. 1 УК.

Определением судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 22 ноября 1936 г. наказание Правдолюбову было снижено до 1 года исправительно-трудовых работ.

Президиум Верховного суда РСФСР постановлением от 25 февраля 1937 г. дело Правдолюбова прекратил, мотивируя это тем, что он скупал облигации не в виде промысла и не особо крупных размерах, ссылаясь при этом на разъяснение 52 пленума Верховного суда СССР.

Прокуратура Союза опротестовала постановление президиума Верховного суда РСФСР по следующим основаниям.

Материалами по этому делу установлено, что скупка облигаций по пониженным ценам производилась Правдолюбовым систематически.

Скупка облигаций на 15 тыс. руб. за 3 тыс. руб. дала Правдолюбову прибыль в 12 тыс. руб.

При этих условиях незаконные действия Правдолюбова суд должен был квалифицировать как скупку облигаций по пониженным ценам в виде промысла и с целью спекуляции, так как эти операции совершались Правдолюбовым в крупных размерах.

Таким образом определение президиума Верховного суда РСФСР по делу Правдолюбова подлежало отмене с направлением дела на новое рассмотрение с квалификацией преступных действий Правдолюбова по ст. 17—107 УК.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор народного суда 1 участка Ростокинского района г. Москвы от 14 сентября 1936 г. и все последующие определения Московского городского суда и Верховного суда РСФСР отменить и дело вернуть в тот же народный суд на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в ином составе.

ФОРМАЛЬНЫЙ ПОДХОД СУДА К РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛА

Макаев Курбай, гуртоправ Главмясо, при перегоне гуртов скота из г. Каракол в г. Фрунзе без разрешения Главмясо произвел в пути обмен двух стельных коров на две яловые.

Квалифицировав деяние Макаева по ст. 109 УК, народный суд приговорил его к 6 месяцам исправительно-трудовых работ на общих основаниях.

Кассационная коллегия главного суда приговор этот оставила без изменения.

Прокуратура СССР опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям.

Из показаний свидетеля Имануилова видно, что обмен коров был произведен в связи с тем, что эти коровы ввиду истощения дальше идти не могли. Обмен этот был необходим для того, чтобы избежать падежа коров в пути.

Макаев действовал вполне целесообразно, охраняя интересы Главмясо, не преследуя корыстных или иных личных целей, и не причинял

своими действиями никакого ущерба. При этих условиях самый факт обмена без надлежащего разрешения не может служить основанием для привлечения Макаева к уголовной ответственности. Народный суд, осудив Макаева за этот обмен, подошел к делу формально-бюрократически.

Президиум Верховного суда Киргизской ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил дело Макаева в уголовном порядке за отсутствием в его действиях состава преступления производством прекратить.

НЕДОСТАТОЧНАЯ ПРОВЕРКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СЛЕДСТВИЕМ И СУДОМ

Приговором народного суда Дзержинского района г. Баку от 22 мая 1936 г. Мелкумов Ованес Апресович был признан виновным в том, что изнасиловал и убил свою падчерицу, 12-летнюю Соню Мусаэлян. Квалифицировав деяние Мелкумова по ст. 171 п. «в» и по ст. 193 ч. 1 УК Азербайджанской ССР, суд приговорил его к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет.

Кассационная коллегия Бакинского городского суда приговор оставила в силе.

Прокуратура СССР опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям.

В основу осуждения Мелкумова легли показания матери убитой Сони Мусаэлян, Гоарик, которая утверждала, что убил девочку Мелкумов, мстя ей за то, что она добилась решения суда о выселении Мелкумова из совместной квартиры. Кроме этого в обоснование своего приговора суд положил заключение судебно-медицинского эксперта о том, что 3 волоса, найденные на теле убитой, тождественны волосам Мелкумова.

Указанные выше доводы недостаточны для осуждения Мелкумова.

Произведенная по данному делу судебно-медицинская экспертиза страдает целым рядом весьма существенных недостатков, в частности — нет точного описания найденных волос, не изучена форма поперечных срезов этих волос, правильность промера волос также вызывает сомнение. Как видно из заключения консультанта по судебной медицине при Московской государственной судебной экспертизе д-ра Семеновского, толщина волос, найденных на теле Сони, явно не соответствует средней толщине человеческих волос. Невнимательность эксперта Татиева подтверждается еще тем фактом, что в акте экспертизы Татиев указал, что на теле Сони найдено 3 человеческих волоса — 2 темных и 1 светлый, в судебном же заседании он заявил, что все 3 волоса темного цвета.

Учитывая, что 3 волос при самом тщательном исследовании недостаточно для установления

того или иного сходства с волосами обвиняемого, заключение д-ра Татиева должно быть исключено из числа доказательств по делу.

Вторым доказательством виновности Мелкумова являются показания матери убитой, все время настаивавшей, что именно Мелкумов убил Соню. Показания эти опровергаются целым рядом свидетельских показаний и документов.

Убийство Сони произошло 16 января после 5 часов вечера, между тем целый ряд допрошенных свидетелей, — Папасьян, Шакарова, Цатураев и даже Мусаэлян на предварительном следствии показали, что Мелкумов работал в этот день во второй смене с 2 часов до 11 часов и вернулся с работы около 12 часов ночи. Это же обстоятельство подтверждает официальный табель больницы, где Мелкумов работал кочегаром, а также наблюдавший за кочегаркой свидетель — техник Багдасаров. Как видно из показаний этих свидетелей, род работы Мелкумова был таков, что отлучиться с работы незаметно он не мог. Соня была найдена в 2 км от города. Для того чтобы увести ее туда или отнести ее труп на такое расстояние, необходимо было значительное время.

Несмотря на все это, суд отверг все доказательства, удостоверяющие алиби Мелкумова, и сославшись на неаккуратное ведение табеля в больнице, признал, что во время пропажи Сони Мелкумов на работе не был.

За исключением Мусаэлян, ни один из свидетелей не подтвердил недружелюбного отношения Мелкумова к Соне. Все свидетели характеризуют Мелкумова как положительного, скромного, хорошо относившегося к Соне человека. Свидетельница Мусаэлян не являлась очевидицей преступления Мелкумова. Ее показания покоятся лишь на предположении, что Мелкумов из мести убил Соню.

Необходимо отметить, что следствие по делу произведено было небрежно и односторонне. Достаточно было работникам угрозыска установить подозрения Мусаэлян в отношении Мелкумова, чтобы они все свое внимание фиксировали в этом направлении, игнорируя другие данные, которые могли повести следствие по правильному пути. Так, например, собака, пущенная на обыск местности, где был найден труп Сони, обнаружила мужские вещи — пиджак, брюки и нижнюю рубашку. Эти вещи остались вне поля зрения как органов расследования, так и суда, хотя, несомненно, установление принадлежности этих вещей могло способствовать обнаружению виновника убийства.

Президиум Верховного суда Азербайджанской ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда г. Баку и определение кассационной коллегии Бакинского городского суда отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадией предварительного следствия.

Современные капиталистические тюрьмы в цифрах

Говардская Лига уголовных реформ (Англия) опубликовала работу под названием «Тюремное население в мире». Эта работа представляет собой попытку учесть тюремное население большинства буржуазных государств: в докладе приводятся сведения о тюрьмах 57 государств. Эти данные отражают действительность лишь в очень отдаленной степени: официальные источники, из которых были почерпнуты цифры, естественно, предоставили в распоряжение составителей доклада лишь те сведения, которые государственные органы находили нужным сообщить. Так, например, фашистская Германия в докладе фигурирует без сведений о заключенных в концентрационных лагерях. По ряду стран не учтены следственные заключенные. Наконец, сама система учета заключенных в буржуазных государствах настолько различна, что исключает возможность достаточно точных сопоставлений.

Тем не менее приводимые в докладе цифры — при правильном их освещении — могут оказаться небесполезными для характеристики уголовной политики буржуазных государств в настоящее время.

Общее число заключенных в 57 государствах (среднее) составляет свыше 930 тыс. человек. Если даже исходить из этих официальных данных, то следует констатировать, что ежегодно через тюрьмы буржуазных государств проходит 5-6 млн. человек. Опыт изучения материалов тюремной статистики показывает, что отношение числа среднего состава заключенных к общему числу поступающих за год в тюрьмы в последние годы выражается как 1:6 или 1:7. Так, например, в Пруссии в 1929/30 г. к началу года было 30 817 заключенных, за год поступило 232 605 человек и выбыло 232 156 (отношение 1:7,5); в Британской Индии это соотношение определяется как 1:6. Таким образом, 5-6 млн. заключенных, ежегодно поступает в капиталистические тюрьмы; несмотря на астрономичность этой цифры она если и нуждается в коррективах, то лишь в сторону ее повышения.

Если общее число заключенных в 57 стра-

нах по приводимым в докладе официальным данным составляет свыше 930 тыс. человек, то на долю Германии, Польши, Италии и Японии приходится около 25% этого числа. Количество заключенных в этих странах — даже по официальным данным — резко выделяется своим исключительно высоким уровнем по сравнению с другими странами. Если оставить в стороне государства, не обладающие большим населением, и сосредоточить свое внимание на важнейших европейских государствах, то получится следующая достаточно недвусмысленная картина.

Число заключенных (на 100 000 населения).
Германия (без заключенных в конц. лагерях) 157, Польша 151, Италия 126, Великобритания 30, Франция 56.

Исходя из этих официальных данных, мы должны констатировать, что уровень тюремного населения в Германии почти в 3 раза выше, чем во Франции и более, чем в 5 раз выше, чем в Великобритании. Однако это соотношение становится еще более показательным, если учесть заключенных в концентрационных лагерях фашистской Германии. Мы располагаем некоторыми, к сожалению неполными данными МОПР о числе пролетарских политических заключенных в странах капитала в 1934 году. В 62 буржуазных государствах было заточено 437 917 пролетарских революционеров; из этого числа 145 000 человек приходится на Германию. Сопоставление этих данных (145 000 человек) с данными, официально опубликованными в фашистской Германии, показывает, насколько преуменьшены эти официальные данные: общее число всех заключенных якобы составляет 102 349 человек. Лживость этих сведений видна из того, что в Германии одних лишь политических пролетарских заключенных насчитывается 145 тыс. человек.

Таким образом, на общем фоне миллионного населения тюрем капиталистических стран выделяется фашистская Германия, обладающая громадной армией заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

А. Г.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

За апрель 1937 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государственное устройство и управление

1. О государственном гербе Союза советских социалистических республик — пост. ЦИК СССР от 17/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 20, ст. 74).

2. О прекращении производством дел о лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности и о ликвидации центральной избирательной комиссии ЦИК СССР — пост. ЦИК СССР от 14/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 20, ст. 75).

2. Просвещение

3. Об ученых степенях и званиях — пост. СНК СССР от 20/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 83).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Планирование и учет

4. О народнохозяйственном плане Союза ССР на 1937 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 29/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 24, ст. 98).

5. О третьем пятилетнем плане народного хозяйства — пост. СНК СССР от 28/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 28, ст. 115).

2. Промышленность

6. О ходе заключения хозяйственных договоров — пост. СНК СССР от 17/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 20, ст. 76).

7. О распространении постановления ЦИК и СНК СССР от 15 июля 1936 г. «О хозрасчетных правах главных управлений промышленных народных комиссариатов» на главное управление государственной съемки и Картографии НКВД — пост. СНК СССР от 15/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 20, ст. 77).

8. О Всесоюзном геологическом фонде — пост. СНК СССР от 27/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 84).

9. О перечне продукции пищевой промышленности, стандарты на которую утверждаются СНК СССР и НКПП СССР — пост. СНК СССР от 17/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 91).

10. О порядке утверждения стандартов на продукцию легкой промышленности — пост. СНК СССР от 13/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 25, ст. 105).

11. О надзоре за паровыми котлами, сосудами под давлением, баллонами и подъемными сооружениями — пост. СНК СССР от 22/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 26, ст. 108).

12. О нормах выработки по общестроительным работам на 1937 г. — пост. СНК СССР от 17/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 26, ст. 110).

13. О работе угольной промышленности Донбасса — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 28, ст. 114).

14. О предоставлении хозрасчетных прав главным управлениям промышленных народных комиссариатов РСФСР, УССР и БССР — пост. СНК СССР от 19/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 28, ст. 117).

3. Земля и сельское хозяйство

15. О ликвидации государственной комиссии по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур при СНК Союза ССР — пост. СНК СССР от 25/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 90).

16. О введении натуроплаты за тракторные работы МТС по конопле — пост. СНК СССР от 21/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 23, ст. 92).

17. О мероприятиях по проведению лесосплава в 1937 г. — пост. СНК СССР от 31/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 23, ст. 96).

18. О плане тракторных работ МТС в колхозах на 1937 г. — пост. СНК СССР от 16/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 26, ст. 109).

19. Об отмене некоторых постановлений в связи с ликвидацией государственной комиссии по определению урожайности при СНК СССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 86).

III. ФИНАНСЫ

20. Об изменении ст. 18 постановления ЦИК и СНК СССР от 23 января 1934 г. «О сборе на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в городах и сельских местностях» и ст. 5 «Положения о подоходном налоге с частных лиц» — пост. ЦИК и СНК СССР от 14/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 19, ст. 92).

21. Об освобождении сельских советов от обязанностей по исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок — пост. ЦИК и СНК СССР от 21/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 85).

22. О реорганизации аппаратов Народного комиссариата финансов СССР и Комитета заготовок при СНК СССР в связи с освобождением сельских советов от обязанностей по исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок — пост. СНК СССР от 21/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 89).

23. О ставках налога с оборота на хлопчатобумажные товары, вырабатываемые государственной промышленностью — пост. СНК СССР от 23/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 27, ст. 112).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

24. Об утверждении перечня стандартов, разрабатываемых Комитетом по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР — пост. СНК СССР от 11/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 19, ст. 73).

25. Об обязательных поставках зерна, риса, подсолнуха и картофеля государству в 1937 г. колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами и о ставках натуроплаты работ МТС — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 78).

26. О снятии недоимок по зернопоставкам за 1936 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 79).

27. О контрактации хлопко-сырца урожая 1937 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 80).

28. О контрактации сахарной свеклы урожая 1937 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 81).

29. О контрактации льна и конопли урожая 1937 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 21, ст. 82).

30. О плане контрактации масличных культур на 1937 г. — пост. СНК СССР от 27/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 23, ст. 95).

31. О контрактации табаков и махорки урожая 1937 г. — пост. СНК СССР от 11/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 25, ст. 104).

32. О нормах продажи растительного масла сдatchикам хлопко-сырца урожая 1937 г. — пост. СНК СССР от 29/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 25, ст. 106).

33. О снижении розничных цен на промышленные товары широкого потребления — пост. СНК СССР от 28/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 28, ст. 116).

34. О порядке исчисления в 1937 г. обязательных поставок зерна и подсолнуха государству с приусадебных посевов членов колхозов — пост. СНК СССР от 25/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 28, ст. 118).

V. КООПЕРАЦИЯ

35. О внеплановых капиталовложениях промысловых артелей и артелей кооперации инвалидов за счет сверхплановых прибылей — пост. СНК СССР от 15/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 27, ст. 113).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

36. О тарифе взносов по социальному страхованию — пост. ЦИК СССР от 23/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 87).

37. О снятии некоторых расходов с бюджета государственного социального страхования и изменении тарифа страховых взносов — пост. СНК СССР от 23/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 22, ст. 88).

38. Об отмене постановления ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О порядке май-

ма и распределения рабочей силы и о борьбе с текучестью рабочей силы» — пост. ЦИК и СНК СССР от 31/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 23, ст. 93).

39. Об отмене постановления ЦИК и СНК СССР от 13 мая 1930 г. «О мерах привлечения на производство инженерно-технического персонала» — пост. ЦИК и СНК СССР от 31/III 1937 г. (СЗ 1937 г. № 23, ст. 94).

40. Об отмене периодических прибавок к заработной плате за продолжительность непрерывной работы в торговых предприятиях — пост. СНК СССР от 22/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 26, ст. 107).

VII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

41. О применении постановления ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1936 года «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности» — пост. ЦИК и СНК СССР от 9/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 25, ст. 99).

I. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Земля и сельское хозяйство

1. О воспрещении сдачи в аренду земель сельскохозяйственного значения — пост. ЦИК и СНК СССР от 4/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 37, ст. 150).

2. О Всесоюзной сельскохозяйственной выставке — пост. СНК и ЦК ВКП(б) от 14/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 38, ст. 153).

3. О натуроплате работ МТС в колхозах по люцерне и клеверу — пост. СНК СССР от 27/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 40, ст. 169).

4. О мерах по улучшению семян зерновых культур — пост. СНК СССР от 29/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 40, ст. 168).

2. Транспорт

5. О дополнении Воздушного кодекса Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 37, ст. 151).

II. ФИНАНСЫ

6. О распространении на хозорганы общественных организаций «Положения о подоходном налоге с предприятий обобщественного сектора» — пост. СНК СССР от 28/IV 1937 г. (СЗ 1937 г. № 37, ст. 152).

7. Об улучшении порядка кредитования сельских потребительских обществ и сельских магазинов — пост. СНК СССР от 11/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 38, ст. 154).

8. О нормах накладных расходов по строительству для Наркомзема Наркомсовхозов и Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК Союза ССР — пост. СНК

СССР от 3/VII 1937 г. (СЗ 1937 г. № 38, ст. 156).

9. Об организации приема налогов и страховых платежей от сельского населения — пост. СНК СССР от 19/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 39, ст. 159).

10. О расходах на отправку детей в пионерские лагеря — пост. СНК СССР от 15/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 39, ст. 164).

11. О выпуске «Займа укрепления обороны Союза ССР» — пост. ЦИК и СНК СССР от 1/VII 1937 г. (СЗ 1937 г. № 43, ст. 165).

12. Условия выпуска Государственного внутреннего займа укрепления обороны Союза ССР — утв. пост. СНК СССР от 1/VII 1937 г. (СЗ 1937 г. № 40, ст. 166).

13. Об отчислениях в государственные бюджеты союзных республик и в местные бюджеты от сумм, поступивших по Займу укрепления обороны Союза ССР — пост. СНК СССР от 1/VII 1937 г. (СЗ 1937 г. № 40, ст. 147).

III. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

14. О натуральном премировании машинистов молотилок и весовщиков — пост. СНК СССР от 14/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 38, ст. 155).

IV. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

15. Об упорядочении засвидетельствования копии с документа, касающегося личных прав и интересов гражданина — пост. ЦИК и СНК СССР от 3/VI 1937 г. (СЗ 1937 г. № 37, ст. 149).

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государственное устройство и управление

1. Об утверждении «Положения о выборах в Верховный совет СССР» — пост. ЦИК СССР от 9 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 43, ст. 182).

2. Просвещение

2. Об изменении Устава Академии наук СССР — пост. СНК СССР от 2 августа 1937 г. (СЗ 1937 г. № 49, ст. 206).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

3. О порядке внесения в Совет народных комиссаров Союза ССР квартальных планов — пост. СНК СССР от 4 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 176).

4. О Главном управлении шарикоподшипниковой промышленности Наркомтяжпрома — пост. СНК СССР от 7 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 177).

2. Земля и сельское хозяйство

5. Об установлении размеров служебных наделов работникам лесной охраны — пост. СНК СССР от 1 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 175).

6. Положение о работе районных комиссий по отнесению колхозов к той или иной группе по размерам урожайности зерновых культур, риса, подсолнуха и клеверины — пост. СНК СССР от 4 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 42, ст. 180).

7. Об утверждении положений о Государственной комиссии по сортоиспытанию зерновых культур, ее инспекторах и государственных сортоиспытательных участках — пост. СНК СССР от 17 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 45, ст. 186).

8. Об утверждении Положения о Всесоюзной государственной ветеринарной инспекции — пост. СНК СССР от 20 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 46, ст. 188).

9. О государственном плане озимого сева на 1937 г. — пост. СНК СССР от 28 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 48, ст. 197).

3. Транспорт

10. Об окончании строительства канала Москва—Волга — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 42, ст. 179).

III. ФИНАНСЫ

11. Об изменении сроков уплаты сельскохозяйственного налога в 1937 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 29 июня 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 170).

12. О бюджете государственного социального страхования на 1937 г. — пост. СНК СССР от 15 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 44, ст. 183).

13. Об изменении Положения о налоге с оборота предприятий обобщественного сектора — пост. ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 47, ст. 192).

14. Об изменении Положения о взыскании налогов и неналоговых платежей — пост. ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 47, ст. 193).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

15. О порядке проведения обязательных поставок мяса, молока, масла и шерсти — пост. СНК СССР от 5 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 171).

16. Об утверждении инструкции Комитета заготовок при СНК Союза ССР «О порядке проведения обязательных поставок картофеля государству колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами из урожая 1937 г.» — пост. СНК СССР от 1 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 172).

17. Об обязательных поставках картофеля с приусадебных участков колхозников в ряде

областей и АССР — пост. СНК СССР от 8 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 173).

18. О порядке заготовок и продаже древесных семян — пост. СНК СССР от 15 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 44, ст. 185).

19. Об обязательных поставках картофеля с приусадебных участков колхозников в ряды краев, областей и республик — пост. СНК СССР от 27 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 48, ст. 198).

20. О гарнирном сборе — пост. ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 47, ст. 190).

V. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

21. О тарифе взносов по социальному страхованию работников, занятых у частных нанимателей, в том числе в концессионных предприятиях, — пост. СНК СССР от 13 июня 1937 г. (СЗ 1937 г. № 41, ст. 174).

22. Об отмене выдачи бесплатного питания и дотаций на питание работникам домов отдыха, санаторий и домов туриста — пост. СНК СССР от 14 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 44, ст. 184).

23. Об утверждении постановления ВЦСПС об улучшении государственного социального

страхования для служащих — пост. СНК СССР от 31 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 49, ст. 203).

24. Об утверждении постановления ВЦСПС о порядке исчисления пособий по временной нетрудоспособности — пост. СНК СССР от 31 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 49, ст. 204).

25. Об отмене ограничений в пенсионном обеспечении для лиц, ранее лишавшихся избирательных прав, — пост. СНК СССР от 31 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 49, ст. 205).

VI. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

26. О сокращении срока исковой давности по спорам между колхозами и колхозниками по трудовым — пост. ЦИК и СНК СССР от 26 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 47, ст. 191).

27. О ликвидации специальных судебных камер народных судов по разбору дел о хищениях и растратах в потребительской кооперации и государственной торговле — пост. СНК СССР от 28 июля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 48, ст. 199).

28. Об организации Бюро бухгалтерской экспертизы — пост. СНК СССР от 2 августа 1937 г. (СЗ 1937 г. № 49, ст. 207).

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Технический редактор Н. Рушковский

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК СССР, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 27/IX 1937 г.

Подписано к печати 2/X 1937 г.

Сдано в производство 2/X 1937 г. 8 1/4 п. л. 21 авт. лист.

В одном бум. листе 216 000 экз.

Формат 72×108

Ю—4п.;

№ 745

Уполном. Главлита Б—30058.

Зак. № 1327

Тираж 20500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкинг», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. Вышинский — Двадцать лет советского государства	3
М. Шифман — Октябрьская революция и крестьянство	15
В. Лебединский — Что дала советская власть крестьянству за 20 лет революции	24
М. Строгович — Развитие пролетарского демократизма в советском правосудии	28
✓ С. Голунский — Прокуратура социалистического государства . . .	31
М. Рагинский и Тарасов-Родионов — Предварительное следствие за 20 лет	36 ✓
Н. Александров — Двадцать лет советского трудового права . . .	42
Н. Хавин — Советская исправительно-трудовая политика за 20 лет	48
Н. Полянский — Общественное обвинение в советском законода- тельстве	57
А. Тагер — Советская адвокатура за 20 лет	62
Г. Леплевский — О состоянии преступности в СССР	83
А. Герцензон — Двадцать лет социалистического уголовного зако- нодательства	85
✓ А. Брусиловский — Принцип гласности в Уголовном процессе . .	109
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	119
А. Г. — Современные капиталистические тюрьмы в цифрах	127
Сводка важнейших постановлений правительства	128